

*Что-то темное тогда в голове мелькнуло
поверх скучных, обыденных мыслей, вытяну-
тых в напряженную нитку, как будто над
головой раздался шелест, и показалась тень
большой, наполовину знакомой птицы, она
накрыла его, и он приостановился, чуть не
выронив от неожиданности папиросу. Да,
тень, — это слово легко ложится на все
необъяснимое, на все тревожное. Вроде бы зна-
ешь, что птица, но какая? Поднял голову —
и ослепило; исчезло прикосновение чужого воз-
духа, как чужого плеча, и темное пятно рас-
таяло под прямым, ослепительно жарким уг-
лом солнца. Он ничего тогда не понял, но уже
насторожился. Что-то произошло...*

Виктор Никитин.

Из романа «ИСЧЕЗНУТ, КАК ПТИЦЫ»

Исчезаем, как птицы,
На лету, на лету...
Если солнце и снится —
Тенью лишь на свету.

А в остатке — улыбка,
В соцсетях пара строк
И живительно-зыбкий
Кислородный глоток.

Кровь не бьется по жилам,
Вязнет где-то внутри,
Будто птицы сложили
Крылья новой зари.

Положительно-ложный
Мир летит в кавардак.
И вдохнуть невозможно,
Да и выдохнуть как!

Бездыханные птицы
Засыпают в груди...
Если солнце нам снится,
Что же там, впереди?

Иван ЩЁЛОКОВ

30.09. 2020

Эти горькие проникновенные строки наш главный редактор Иван Щёлокков написал в скорбный для «Подъёма» час. 30 сентября 2020 года не стало нашего друга, соратника, коллеги **Виктора Николаевича НИКИТИНА**. Теперь дни текут без него, но сердце не может примириться с этой невосполнимой потерей. Ведь хоть и говорится, что незаменимых людей нет, но это лишь расхожая сентенция, когда в небытие уходит близкий человек. Близкий по духу, по нраву, по жизни... Течет время, и все больше становится понятной острота этой потери. Истаяло его дыхание, и вдруг ощущается такая глубина скорби и печали, что ни вздохнуть, ни выдохнуть. Стало быть, этот человек, его работа, творчество были нужны всем, как воздух...

Виктор Никитин пришел в литературу в начале 90-х, на сломе эпох, когда само литературное творчество стало трансформироваться до неузнаваемости, а многие его адепты, захлебнувшись от нахлынувшей вседозволенности, пустились во все тяжкие. Никитин же уже с первых своих рассказов показал себя настоящим русским писателем, который, вглядываясь в жизнь, видел факт, за фактом — явление и честно рассказывал, что будет дальше. Он строго относился к писательскому тру-

ду. Иронизировал над толпой возбужденных графоманов, называвших себя «писателями новой волны», за строчками которых не стояло ни ума, ни сердца. Блестящий стилист, свои слова он перебирал столь требовательно, фразу оттачивал столь точно, что переключка с бунинской или чеховской интонациями тут будет, на наш взгляд, очень уместной. Не случайно его творчество высоко ценил, видел в нем своего преемника и значительную перспективу известный большой писатель, тогдашний главный редактор «Подъёма» Иван Иванович Евсеенко.

Действительно, время отгранило литературный талант Виктора Никитина, и, думается, настоящая оценка ему, его месту в современной русской литературе еще предстоит. Работая последние годы в редакции журнала «Подъём», Виктор Николаевич как редактор бескорыстно и много передавал писательских «секретов» коллегам, особенно молодым. В своих же лучших произведениях этой поры он, кажется, достиг такой прекрасной степени писательской свободы, о которой говорят, что рукою пишущего водит Бог. Особенно это заметно в его новом романе «Венгерская почта» о жизни современного поколения людей среднего возраста, о стержневом сегменте

общества новой России, в котором оказались размытыми традиционные нравственные ориентиры. «Что же держит на плаву этих людей сегодня? Где их причал?..» — тревожится писатель.

Мы договорились с Виктором Николаевичем, что 3-я часть «Венгерской почты» будет опубликована в «Подъеме» в конце нынешнего года, а 4-я — следующей весной. В конце мая он воодушевленно возник из затянувшейся известной самоизоляции: «Роман закончил. Может, поставим в ноябре — декабре? У меня все-таки юбилей...»

Спешил... Словно что-то чувствовал...

Только что же ты не уберег себя, наш друг, от коварного коронавируса?..

Заключительные части романа Виктора Никитина «Венгерская почта» публикуются в №№ 11 и 12 журнала «Подъём».

Автор не увидит свой труд напечатанным.

До своего 60-летия Виктор Никитин не дожил полтора месяца.

Владимир НОВОХАТСКИЙ

Глава семнадцатая

ПЕРСИК, ДОЩЕЧКА, ГИРБУЛИК

Мимолетность слов, образов, отношений. Все так зыбко, что не веришь даже в прошлое. А было ли оно? И со мной ли? Может быть, мне рассказали об этом, а я и согласился по простоте душевной, чтобы у меня тоже была история как у всех остальных людей? Так ведь положено. Пока что верно только одно: что я иду по вечерней улице, мне холодно.

Поскальзываясь на коварном ледяном асфальте и одновременно проваливаясь в вязкую снежную кашу, Антон Сергеевич Лепетов выбрался к автобусной остановке. Снег по установившейся демократической традиции с улиц не убирался, и теперь даже центр города был похож на захлащенные, брошенные на произвол судьбы окраины. Проезжая часть еще худо-бедно была отвоевана и спасена из плена — все же надо было куда-то ехать, а вот с тротуарами дело обстояло совсем плохо. Глыбы льда, ледяные же гребни, арктические торосы, заносы и завалы были общим явлением. Опасности подстерегали пешеходов повсюду, и можно было запросто убиться.

Уже стало совсем темно. В час пик люди возвращались с работы. В грязных сугробах рядом с остановкой ютилась выдавшая виды, дожившая до несусветного позора, ржавая «девятка» забытого, неопределенного цвета. В тесноте ее ущербного салона бился с невидимым противником рашэн рэп — тяжело и безнадежно. В холостую металлическую бум-бум-тоску вклинивался сокротенный женский голос из громкоговорителя, приделанного к освещенной вывеске «Быстроденьги». Этот механический, пущенный по магическому кругу обмана голос трогательно предлагал решить все финансовые проблемы. Со столба на остановке прямо в уши выходящих с маршруток пассажиров безудержно лилась знакомая мелодия группы «АББА», под которую служба городского радио зазывала граждан на ярмарку шуб.

В этот гвалт и разноголосицу вклинивался и побеждал хлипкий, затрапезный мужичок в короткой куртке с капюшоном, в очках и мятой,

выношенной до скуживания ваяния, черной шапке-ушанке еще советского образца, расположившийся между конторой ростовщиков и социальной аптекой. У его худых джинсовых ног стоял какой-то ящик, похожий на лежащую на боку аудиоколонку, — что-то такое самопальное, выпавшее на посеревший снег с домашних антресолей, вроде караоке-усилка с притороченным к нему боевым микрофоном. Мужичок отчаянно голосил в кувалду микрофона, перекрывая и забывая все звуки вокруг: «У Светки Соколовой день рожденья, ей сегодня тридцать лет!» Бумс-бумс — неотступный и въедливый усилко размашисто раскалывал корку морозного воздуха сноровистым ломиком. «Светки Соколовой, у-у-у, — страшно выл мужичок, словно на разогреве у чего-то еще более страшного (а ему-то, конечно же, казалось, что он поет), — одноклассницы мое-ей!» И отступала перед его яростным напором щедрая шубная «АВБА», астматически задыхался в постыдной «девятке» рашэн рэп и уж тем более начисто стиралась задушевная финансовая махинация быстрых денег. Искаженная надрывом песня врзалась в вечернюю толпу неумным напором базара, отдаваясь по всем окрестным зданиям эхом и звоном в стеклах окон.

«Самый настоящий ад», — подумал Лепетов; он уже было собрался двинуться дальше, как вдруг его взгляд еще на несколько секунд задержался на неловкой фигуре одноклассника Светки Соколовой, и что-то в ней показалось ему удивительно знакомым... Да нет же, быть того не может. Хотя... Уже виденное прежде азартное покачивание головой, притоптывание ногой в такт, вот только очки — откуда у него взялись очки?

Так Антон неожиданно признал в мужичке своего одноклассника, которого в былые времена все звали Персиком. Конечно же, у него было имя, в реальность которого сейчас поверить было еще труднее, чем в безмятежные ученические годы. Кажется, на самом деле он был Игорем. Или все же Гошей. Да, между собой соперничали похожие равновеликие варианты. Ну ладно, это когда-то было не столь важно, а теперь так тем более. Правда, в этом странноватом типе от Персика мало что осталось. Тот Персик был округл и свеж. Округлость его щек намекала на позитивную динамику развития. Персиком его прозвали за нежный и спелый цвет лица. Было в этом что-то приятное, располагающее к душевному равновесию. Соломенный блондинчик с несколько игривым взглядом. Пальцы меланхолично перебирают струны гитары. Любил спеть в компании, но негромко так, вторым номером.

Последний раз Антон его видел лет пять назад. Совершенно случайно. Шел по Театральной, свернул во двор и застал такую картину: пьяного, изрядно перебравшего Персика с опущенной головой вели под руки, оберегая его от неверного шага, два крепких человека, скорее всего товарищи по работе, а он, в стремлении поскорее попасть домой, шлепал предательскими ногами по мокрому весеннему асфальту, спотыкался и еще издали, неожиданно подняв голову, безвольно провисая в плечах, выкрикнул в сторону подъезда вслед открывшей дверь женщине: «Не закрывай!» Буквы в этом лихорадочном кличе были не до конца разжеваны, а только надкусаны, и служили очумевшему Персику необходимым отхаркивающим средством. Сопровождавшие его что-то пробурчали и коротко гоготнули. «Переставай!» — громко отозвался на их замечания Персик, и вся троица кособоко ввалилась в подъезд.

Неужели именно тогда Антон стал свидетелем того, как Персик начал опускаться? И неужели за какие-то пять лет так сильно изменилась его внешность? Что с ним такое случилось? Когда его подменили? Каким

образом он превратился в «Светку Соколову»? А когда-то Персик был тихим и даже застенчивым. Приглушенно светился какой-то непроясненной надеждой. Делился впечатлениями о книге Сэлинджера, пьесе Леонида Андреева, фильме Бунюэля. И ведь все это не так уж давно происходило; кажется, сразу после окончания школы. И вот итог: шум-гам, балаган, благодать, быдлофения. А как еще назвать то, что Антон увидел? Теперь он вспомнил Юлю Полеву, ее желание организовать встречу одноклассников. Это вот с такой «Светкой Соколовой», подчистую сожравшей Персика, они должны будут встречаться?

Антону Лепетову стало грустно. В продолжение печальных размышлений он обратился к себе и задался неизбежным вопросом: а в кого превратился я? Но ответа на этот вопрос у него не было.

Зима вцепилась в город с основательностью осадной машины, готовой к методичности действий и неспешной тщательности по всем направлениям. Раскидистые вяза затянулись инеем и приобрели барствленную мощь. Березки, словно на выданье, склонились от смущения. Тем не менее, царственное великолепие загнанной в угол, пораженной в правах городской природы. Застывшая завершенная строгость. Только в безмолвии вырастает идеальная красота. Среди всей этой зимней сказки, в которую Антон угодил по чистой случайности, миновав оживленный перекресток и углубившись в скромные, неприметные улицы, спрятанным сигналом нетерпеливого вызова прозвенел телефон. Антон очнулся, пошел в карман куртки, и вот уже в ухо ему задышал знакомый, можно так понять, что и навеселе, голос Геннадия Семеновича.

— Ну ты куда пропал-то? Чего тогда не добрался до меня?

— Так обстоятельства сложились.

— Или ты уже домой вернулся? Я вот не собираюсь пока, — хохотнул Геннадий Семенович. — Мне и на даче хорошо, не холодно. А у нас тут пейзажи дивные открылись — полновесная Сибирь, Арктика нетронутая.

— Все шутишь.

— А что мне — плакать, что ли? Это не для меня. Так у тебя там все наладилось?

— Ну конечно. Развернулся. Наладилось. Разладилось, — отрывисто ответил Антон.

— Ты не подумай, я без всяких... — заворочался в телефоне голос Геннадия Семеновича, словно подыскивая нужную интонацию. — В жизни ведь по-всякому бывает. У кого как сложится... — Наконец нашел. — Ты ведь меня понимаешь?

Антон мало что понимал.

— Вот, пожалуйста, случай один был, рассказываю, — оживился Геннадий Семенович.

— Да-да, я... — Антон попытался его остановить; он уже и сам остановился под каким-то фонарем — идти дальше, отвлекаясь на разговор, стало затруднительно из-за агрессивного поведения снега и льда.

— Случай просто классический и в то же время уникальный по глупости. Это прямо анекдот. Ничего не придумано — как есть. Ты себе такого представить не можешь. Просто смеяться и плакать — как хочешь, без всяких там...

Такого говорливого Геннадия Семеновича можно было остановить разве что неожиданным ударом по голове — если бы только суметь подкрасться к нему сзади. «Да он же совсем пьяный!» — внезапно сообразил Антон.

— Может, конечно, будет непонятно, зачем я вообще все это тебе рассказываю, но в самом конце это станет ясно. Тут смысл есть. В общем, поучительная история...

«Вот беда-то еще, — подумал Антон, — прямо напасть какая-то». Кроме раздражения постоянно спотыкающийся и занудный голос Геннадия Семеновича вызывал еще и невольную усмешку — как бы в оправдание.

— Ты меня слушаешь? Что-то притих там...

— Да, конечно, — с арестантской готовностью очнулся Антон; он теперь вынужденно топтался на месте, словно выронил что-то себе под ноги, или беспорядочно вышагивал у столба в ожидании неизвестно кого. Искать потерю, коврыяя носком ботинка подмерзший снег, у него получалось значительно лучше.

— Тогда слушай сюда... Вот у меня друг был. Вернее, не у меня, а у кореша моего хорошего, мы вместе в армии служили и все такое, без всяких там... Это совсем не важно. Ну, словом, знакомый, вместе работали раньше. Теперь уж не знаю, где он и как. Думаю, что нормально в итоге, потому как определился конкретно. А сначала было хуже некуда... Ничего, что я так длинно подхожу к делу? — неожиданно прервался Геннадий Семенович.

— Да, нормально все, — успокоил его Антон; носок ботинка к цели не пробивался, застревал — стало понятно, что никакой пропажи ему не найти, если она вообще была, или он просто искал там, где светло, где ему удобно, а значит, обманывал себя.

— Нет, ты подожди, если тебя что-то напрягает в моем рассказе, так ты прямо мне скажи, без всяких там, мало ли чего... — в очередной раз, в этот момент великодушно, застопорился Геннадий Семенович.

— Понятно, — немного приободрился Антон, понадеявшись на то, что для него в этом хаосе промелькнул слабый лучик надежды, — я только хотел тебе предложить... — Но был перебит непреклонным Геннадием Семеновичем уже безоговорочно:

— Ну, тогда слушай... — Он уже так углубился в дебри своих мыслей, что Антон безвыходно присмирел, а говоря иначе, попросту сдался. — Этот самый Толик — так его звали — парень был неплохой, но какой-то робкий, что ли... Чего-то ему как будто не хватало. И внешне вроде бы нормальный такой, рядовой, обычный пассажир автобуса или троллейбуса, не страшный, а девушки у него все не было. Он знакомился, конечно, а дальше дело не шло... Это уже давно было, он и постарше меня. Музыку очень любил. А кто не любит, да еще когда молодой? В общем, имелась у него любимая пластинка... тогда пластинки еще в ходу были виниловые, диски... с песнями Демиса Руссоса, альбом такой модный... Ну, хотя мода уже и проходила или даже прошла, сейчас не помню, я не меломан, но держалась все же. Да все знали, кто такой Демис Руссос!.. Толик этот тогда у «трех пескарей» жил с родителями. Теперь это место так никто не называет, забыли, но ты должен еще помнить, а вот что такое «у самолета» сразу понятно... А вообще к чему это я?

— Не знаю, — признался Антон.

— Ну, ладно, не столь важно — «три пескаря» или «у самолета», речь не об этом. В общем, понятно где... И вот, значит, любил Толик в гости к девушкам ходить и всегда брал с собой эту самую пластинку Демиса Руссоса. Вроде как для создания романтического настроения. Придет куда-нибудь, а там проигрыватель, и сразу пластиночку свою предложит поставить, мол, песни хорошие и все такое. А потом и оставит, чтобы но-

вая знакомая могла бы без него послушать, когда он уйдет, и, конечно же, вспомнит о нем: «From souvenirs to more souvenirs I live...» И повод есть, чтобы вернуться... Словом, куда он только не ездил с этим своим Демисом Руссосом, где только не ошивался, какие только общаги не посещал, а там-то всегда рады были пластиночку послушать, но и только. Долго он так по городу катался, малый и так с небольшой придурью, а тут вдруг вылезло, без всяких там... Уже и компакт-диски появились — какие уж там пластинки! — а он со своим коллекционным, раритетным Демисом Руссосом таскается, все ищет, куда бы притулиться. Уже и края конверта у пластинок обтрепались и залоснились, а он все не сдается. Польсел, правда... Ну и что с того? Схватил Демиса Руссосо подмышку и в путь, в поисках ценительницы истинно прекрасного. И ведь нашел, как ни странно, попал в какую-то ветхую квартирку, где обитала девица ему под стать, чудом уцелевшая в результате всех общественно-политических изменений. А там в углу радиола стоит, еще одно чудо, такой нигде теперь не сыщешь, просто подарок для глаз, да еще в рабочем состоянии. У него просто руки задрожали, засуетился сразу — ведь уже и негде совсем пластинку поставить! Вытащил из разломаченного конверта, иголку поставил — и пошло-поехало, с шипеньем и треском полился волшебный голос Демиса Руссосо... Ладно, больше волюнку тянуть не буду... И заулыбались оба, нашли, значит, друг друга. И ведь не один год у него на это ушел, а все же добился своего, женился, вот такой упорный парень этот Толик. Так и ты, не сомневайся, еще найдешь свое счастье. Вот такие случаются в жизни фром сувенирсы...

— Что? — не понял Антон; он даже как-то весь сжался от неожиданности, смутно почувствовав, что услышал нечто для себя не очень приятное, как будто над ним посмеялись: какой-то Толик, вот он ему сдался, Демис Руссос тенью... «А я-то тут при чем?»

— Как — что? Я это тебе к тому рассказал, чтобы ты знал, что счастья своего все равно не избежишь, как ни сопротивляйся, никуда оно от тебя не денется, — с пьяным превосходством в голосе сообщил Геннадий Семенович, и опровергнуть его в таком состоянии было просто невозможно. — В общем, ты давай не закисай, а приезжай в гости, без всяких там, обыкновенно. И тебе веселей будет, и нам история. Тебе, кстати, от Петровича привет, очень ты ему глянулся...

Антон насилу отделался от Геннадия Семеновича, пообещав, конечно же, скорую встречу и держа в голове, что тот, осознанно это было или нет, может, просто по пьяной дури, но, тем не менее, задел его этой дурацкой историей, напомнив о его незавидном положении. «Это вот за кого он меня уже принимает, — думал он, шагая по улице, стараясь не поскользнуться. — Именно мне такое и можно рассказывать, а кому же еще?»

Обиды тут никакой не было, выглядывало, скорее всего, недовольство самим собой. Радоваться ему действительно было нечему. Созревали и подходили разные сроки для ответов, объяснений и принятия решений. Неизбежным становилось, например, объяснение с матерью, как его ни оттягивай. Спросит же в очередной раз про Веру: «что-то я ее давно не слышала и не видела», да в конце концов сама просто ей позвонит, надо ли спрашивать у него разрешения. И вечно так, без ответов на вопросы, как ни в чем не бывало, жить в квартире матери у него не получится. А что он скажет? Правду? И какую же, интересно? Порадует ее? Вот проблема. Пока что ему везет. Только она вернулась из санатория, как по-

звонила из Тамбова старая подруга: приболела, давно не виделись, лет пять, наверное, а то и больше, «какой там», вскинулась подруга, «считай все десять», ну и как к ней не поехать, тем более что приглашает? Мать ничего не почувствовала в Антоне, не заметила, была занята приготовлениями и воспоминаниями, не успела. Сколько она там пробудет? И вернется. Но когда-то ведь это все закончится? Спрятаться никак не получится. Геннадий Семенович? Это вариант, конечно, можно задержаться по неожиданной взаимной приязни и согласии на необременительное течение жизни без всяких там потуг и желаний, но тоже ведь на время, ничего постоянного теперь нет.

Так куда же ему смотреть, на что надеяться, что увидеть впереди? Пока что он стремился избежать тяжелых объяснений, вины в своем взгляде, ощущения пустоты. Он хотел легкого покрывала на тайну, хотел не беспокоить мать, хотел продолжения ее неведения, такого женского, слепого и воздушного чувства, замешанного на чистом отношении к жизни.

Нет, она, конечно, успела спросить, как только он появился в квартире: «Как у вас, все нормально?» Фраза была дежурной, это даже не требовало ответа. Можно было просто утвердительно кивнуть на ходу или растянуть губы в некоем подобии улыбки. Вполне достаточная реакция, но опасности это не снимало. Инфантильное поведение. «Я хочу Вере позвонить, нам есть о чем поговорить, — со значением заявила мать, — да все как-то руки не доходят. И она мне что-то давно не звонила».

Сын его пока что не выдает. Почему-то он был уверен в нем. Кажется, с этого фланга ему ничего не угрожает. Однако затишье может оказаться мнимым. Как полководец обзревает картину развернувшейся перед ним битвы, так Антон обзревал картину своего поражения, для того чтобы по возможности избежать дальнейших потерь.

Было ясно самое главное: Веру никуда нельзя запрятать. От нее оставался нестираемый след. Он ее не видел, но она продолжала быть с ним — как тень, как память, как известное и необходимое свойство существования; а в присутствии матери она выступала рядом с ним в полный рост.

Да, забот хватало. А тут еще добавились новые. Сегодня он по обыкновению посетил несколько редакций, в которых ему выплачивали гонорары за обзоры кино (а писал он для каждой из них под псевдонимом, чтобы не изменять по условиям договора самой главной своей редакции, когда-то принявшей к публикации его первый материал, — словом, он не должен был работать на стороне; попробуй, однако, проживи на эту верность), и неожиданно столкнулся с некоторым к нему охлаждением. Отношение как бы изменилось, он это почувствовал. В одной редакции вздыхали: гонорары урезаются, скоро можем вообще закрыться; в другой — прозрачно намекнули на то, что в Интернете теперь про любой фильм можно какую хочешь информацию найти, так что бери даром и пользуйся, весь мир перед тобой открыт... Или это уже не прозрачно, а прямо в лоб? Так что он должен придумать? И тут он вспомнил, как всего-то неделю назад он был в своей «родительской», самой главной редакции, где сменилось руководство, и там тоже почувствовал холодок, но тогда не придавал этому должного значения, списав приблизительное нерасположение человека по фамилии Изжогин на его первые шаги при вступлении в должность — примерочные и хаотичные.

Новый редактор газеты был круглоголовым, лысым дядей в почтенных летах, роста чуть ниже среднего, выглядевшим еще и в своем старом

и пыльным, почти траурным коричневым костюме с накладными карманами каким-то анахронизмом в молодежной, по преимуществу, среде. Пряталось в нем что-то такое от давно прошедших конвойных времен. Вроде бы и внимательный такой: «прошу вас», но с ощутимой дистанцией — как если бы не был прямо перед Антоном за столом, а уселся подальше, на подоконник, и оттуда к нему приглядывался своими совиными глазами. Вроде бы и знакомиться надо, и вроде бы нет у него в этом нужды. Можно было предположить, что этот внимательный дядя прежде был надзирателем в тюрьме или имел какое-то отношение к органам, которым по работе вменялось быть наблюдательными и бдительными. Начал с вопроса: «а как вы посмотрите на то, чтобы...» и тут же сам себя перебил: «вот ведь какие времена настали...» Тянул паузу с печалью, изучал Антона, но как-то боком, словно пытаюсь решить, как ему с ним поступить. С обаянием гиены или шакала, как теперь наконец-то сообразил Антон. Ему уже тогда, еще ничего не сказав, дали понять, что в его услугах больше не нуждаются. Ну или совсем скоро перестанут нуждаться все по тем же причинам, потому как сам Антон Лепетов со своими услугами превратился в анахронизм, да еще и новая метла метет по-новому, и стало быть, нет у него никаких заслуг перед «родительской» редакцией, да и какие в самом деле могут быть заслуги? Что это он себе придумал?

Лавочка закрывалась. Перемены созрели, надо это признать, просто Антон прivityк к своему положению, и по какой-то, чуть ли не детской, причуде ему казалось, что оно будет вечным. Вечность рассыпалась на глазах и тут же замерзала, обретая совсем другие свойства. Что еще у него есть? Что у него осталось? Ну да, у него есть деньги, они еще у него есть. Именно у него, а не у Веры, еще оставались деньги от продажи квартиры. И что он теперь тянул, когда остался один? На что надеялся? Ему надо было действовать, а он стоял на месте, даже не топтался. Видел же он сегодня на столбе листок с рекламным объявлением: «Омоложение разума». Наверное, это вот для таких как он, дураков, в любом возрасте подходит. Есть ли у него разум? Существуют ли еще такие люди в мире? Тоже вопрос.

Была пятница. Максим Друганов сидел в гостях у Приставкиных. По телевизору показывали еженедельное «Шоу поддельного сыра», юмористическую программу «всех степеней свободы для семейной аудитории». Юркий и subtilный ведущий, как обычно, нес какую-то заводную околесицу, и экран дрожал от студийного смеха. А когда под фанфары появился странный персонаж с картонной коробкой на голове, представленный как «Укротитель мусоропроводов», зал так и вовсе зашелся от хохота. Что там за человек прятался, было не видно. Похоже на то, что он и сам вокруг себя ничего не видел. Что-то невнятно мычал и сослепу тыкал по сторонам палкой, похожей на обкусанную швабру. Ему, уворачиваясь, по возможности отвечали и цепляли его, а он, ни в кого не попадая, постепенно начал раздражаться. Беспомощность его была настолько очевидна, что грех было ею не воспользоваться. «Укротитель мусоропроводов» стоял посередине враждебного и насмешливого круга. Он уже не понимал, откуда и от кого получает удары. Вертел понапрасну коробкой направо и налево, потихоньку зверел и беспрестанно мычал. «Вот так человек, — комментировал происходящее ведущий шоу, — ну просто человечище!»

— Боже ты мой! — сказала вошедшая в комнату Ирина Приставкина. — И охота вам эту чушь смотреть?

— А мы ее не смотрим — вот еще, — отозвался Паша. — Мы просто фиксируем изменение моральных устоев общества.

— Я думаю, телевизор тебе за это должен будет пенсию платить.

— На других каналах еще хуже, — добавил Максим. — Я бы даже сказал «страшнее».

— Ладно. Надеюсь, я вам больше не нужна? — Она окинула взглядом заставленный пивными бутылками, бокалами и тарелками столик и улыбнулась. — Я на кухню, мне надо по телефону поговорить.

Когда она ушла, Максим откинулся на спинку дивана и сказал:

— А все-таки напрасно я ему тогда морду не набил.

— Кому? — не понял Паша.

— Да Антону этому. А ведь собирался, хотел. Для того и шел.

— А-а... Да уже проехали эту тему.

— Так хотелось по этой кислой роже съездить! — мечтательно заявил Максим.

— Ну и съездил бы, успокоился.

— Ага. Я как посмотрел, что он там не один, на даче этой... Алкаш какой-то, его сосед, еще дед этот... Думаю, хлопот потом не оберешься при таких свидетелях.

— Ну, может, хватит уже? — взмолился Паша. — Какой теперь в этом толк? Я тебя просто не узнаю.

— Я сам себя не узнаю... А вот с тобой кое-что прояснилось, — неожиданно сказал Максим.

— Что?

— Ну как «что»? Это же твой друг.

— Мой? В каком смысле?

— В самом прямом. И не надо делать удивленное лицо.

Действительно, внезапный выпад Максима удивил Пашу: с чего бы это вдруг? Он замешкался, подыскивая слова:

— Если ты имеешь в виду, что он... что я и он связаны... были одним делом, театром, так это ни о чем не говорит... Ну, виделись несколько раз за эти годы по всяким театральным поводам. Знаем друг друга. И что из этого следует? Я ему, что ли, помогал, когда...

— Достаточно, — прервал его Максим. — Не хочу больше этого слышать.

— Я, кстати, тоже.

Оба уставились в экран телевизора, дрожавший пестрым смехом. Обнаружилось одно препятствие для глаз: криво лежавший пульт на подставке, как раз сейчас это стало заметно — словно в продолжение пошатнувшегося равновесия; наверное, под него что-то неудачно подложили, он почти боком свисал — взгляду было неудобно, можно только представить, какие безмолвные мучения испытывает этот пульт от своего незавидного положения. Ну нет, совсем не смешно. Паша поднялся с дивана, взял пульт и выключил телевизор.

— Тебе хорошо, — прервал молчание Максим, — у тебя нет таких заморочек, как у меня.

— Ну, конечно, я вообще живу как король, — насмешливо откликнулся Паша.

— Ага, живешь вон со своей Ирой и в ус не дуешь. Все у тебя легко, все безмятежно — никаких потрясений и приключений.

— Это как сказать.

— Да тут хоть как скажи, все же по тебе видно.

— Я, наверное, все просмечиваюсь, — никаких тайн не осталось.

— Да неужели в этой удобной жизни еще остались какие-то тайны? — недоверчиво спросил Максим; его глаза уже загорелись охотничьим блеском. — И приключения в ней были и потрясения?

— Насчет приключений не уверен, а потрясения случались, — признался Паша.

— Ну-ну, — потянулся к нему Максим и похлопал ладонью по дивану рядом с собой, — давай садись, рассказывай...

Паша вздохнул, а вслед за ним охнул и заскрипел диван, принимая в свой объятия его тело. Прежде чем поделиться своими переживаниями, Паша покосился на закрытую дверь; там дальше, за коридором, была кухня, там слышался приглушенный голос Ирины, его интонация менялась — то стремительно поднималась, то замирала и падала, в восклицаниях угадывались жар и ужас, в вопросах — негодование и интерес.

— Видишь, гвоздь в стене, — начал Паша вполголоса и кивнул налево. — Присмотрись внимательней...

Максим Друганов прищурился, старательно вытянув шею.

— Если не видишь, подойди, руками потрогай.

— Да ладно, и так все видно, — отмахнулся Максим, почувствовав какой-то подвох. — Гвоздь — и что?

— На этом гвозде когда-то, уж не помню сколько лет назад, немногим более получаса провисела «дощечка», — авторитетно сообщил Паша, так что Максим сразу же должен был понять: одно только слово «дощечка» на слух уже надо было принимать как легендарное. Однако так сразу понять что-либо было невозможно.

— Какая «дощечка»?

— Не «дощечка», конечно, — принялся объяснять Паша, — а маска африканская, привезенная знакомым моего отца из Мозамбика. Он там геологом работал по контракту, золото, что ли, искал или алмазы для молодой республики, освободившейся от колониального гнета... В общем, давно это было. Геолог, дядя Саша, подарил эту африканскую маску моему отцу, когда был у нас в гостях. Кажется, на день рождения. Я точно не помню, в школе еще учился...

— Это, как я понимаю, предыстория? — поинтересовался Максим.

— Верно. Вся история еще впереди. Потом прошло еще несколько лет, я женился...

— Не спрашиваю, на ком.

— Можно догадаться, правда?.. У нас сразу же появилась отдельная квартира — вот эта. Стали ее обустраивать, и тут вдруг возник совершенно пустяковый вопрос, просто суцкая мелочь, — ведь речь шла о безделушках, которыми можно украсить голые стены. Захотелось какого-то разнообразия, не в пустоте же жить? Что-то мы сами приобрели: картинку какую-то, пейзаж, что-то нам подарили — вазу, рамку для фотографий, еще по мелочи... А потом вдруг возникла другая стена, совершенно непробиваемая, как оказалось, — Ирина вспомнила, что когда была у меня дома в гостях, видела африканскую маску. Сказала она об этом примерно так: «У вас там и так барахла много, на стенах места свободного нет, и не спросишь ли ты у своего отца, чтобы он отдал нам эту маску, она нам быт разнообразит». Я ее просьбу мимо ушей пропустил, просто не отнесся серьезно, но не тут-то было. В очередной раз, когда мы пришли к моим родителям в гости, она этот вопрос подняла. Было застолье, настроение у всех расслабленное, самое время ей выступить: «Алексей Федорович, не

подарите нам маску для создания уюта в квартире?» Отец у меня просто отвечает: не могу, мне ее старый друг подарил, вещь ценная, африканская и памятная...

— А что — правда, ценная? — перебил Пашу Максим. — Как она вообще выглядит, эта маска?

— Насчет ценности ничего сказать не могу. Вряд ли, конечно. Обыкновенная поделка для туристов, приобретенная на рынке, — скорее всего так. Как выглядит? Да как в кино: вертикальная, узкая, пустые глазницы, рот, коричнево-желтая, красного немного... Да, отец у меня еще подвыпил и вроде бы в шутку, но и всерьез начал рассказывать, что маска эта вырезана из ценной породы дерева, которое больше не растет нигде в мире, и что его другу там, в Мозамбике, ее подарил какой-то вождь или колдун, в общем, это не просто какая-то разрисованная доска, а вещь очень даже значимая... Ирина у меня все это запомнила, отказ ее, как оказалось, очень обидел. Она уперлась, и с тех пор, при каждом удобном случае, обязательно укоряла меня: я, мол, о такой ерунде попросила, а папа твой зажал эту несчастную дощечку, никак не захотел с ней расстаться... Вот так африканская маска превратилась в «дощечку». Она мне этой «дощечкой» всю голову пробила — и раз скажет, и два, и три... Уже и времени вроде бы достаточно с тех пор прошло — год, что ли, или два, — и я однажды не выдержал, просто взял эту «несчастную дощечку» и принес сюда. Вбил гвоздь в стену, повесил — на, смотри теперь, любуйся! А она вдруг в позу встала, с обидой в голосе непреходящей заявляет мне: «Не нужна мне ваша дощечка! Я тогда ее хотела, а теперь мне этого добра не надо! Сними ее и отнеси своему папаше, пока он пропажи не хватился!» Она ехидная, я тоже злой. В общем, пришлось вернуть, чтобы глаза не мозолила и до драмы не дошло.

— А что же ты на этот гвоздь ничего другого не повесишь? — спросил Максим.

— Ирина не разрешает. Это у нее называется «помни, не забывай!» Чтобы занозой для меня сидел.

— Так не проще ли его вообще убрать?

— В том-то и дело, что не разрешает. Иначе я бы уже давно его выдернул, — с печалью в голосе сообщил Паша.

— Да это просто самая настоящая жизнь под гнетом! — воскликнул Максим.

— Ты себе не представляешь, — осторожно сказал Паша, поглядывая на закрытую дверь, — лет десять уже прошло, а она про эту чертову «дощечку» до сих пор помнит. В любую минуту может начать читать мне проповедь.

— Да ладно!

— Вот тебе и ладно... Только намекни ей, а что еще хуже, только слово одно скажи «дощечка», сразу в лице изменится, как будто ей код какой условный передали, и тут уже слушаешь все по полной программе...

— Да, это сложно представить, — отвечая каким-то своим мыслям, проговорил Максим. — Ну, а если я ей скажу «дощечка» — как бы между прочим, рассказывая о чем-то своем?..

— Даже не вздумай, — остановил его Паша.

— Ерунда какая-то, — усмехнулся Максим. — Вот она сейчас вернется в комнату, и я обязательно в разговоре скажу «дощечка», — время остановится, солнце погаснет?

— Не смешно... Я с тобой поделился личным, а ты...

— Ты счастливый человек, если для тебя это потрясение, — принялся объяснять Максим. — Какое же это, на самом деле, потрясение? Вот эта самая смешная «дощечка» и есть потрясение?.. Ты просто подкаблучник, что, в принципе, и так было понятно. Разве способен ты на поступок?

— Это какой еще поступок? — В глазах у Паши промелькнуло недоверие, успевшее разминуться с обидой.

— Обыкновенный, мужской.

— Ты мне предлагаешь...

— Да ничего я тебе не предлагаю, — неожиданно разволновался Максим. — Сейчас мы все проверим и узнаем, кто чего стоит. Вот Ирина войдет, когда закончит болтать по телефону, и я про эту самую волшебную задрипанную «дощечку» обязательно ей скажу...

— Ты не сделаешь этого, — посерьезнел Паша; у него даже голос сел.

— Еще как сделаю! — пообещал Максим.

— Ты меня... — начал было багроветь Паша, но не договорил: распахнулась дверь, и из коридора в комнату вошла Ирина; у нее было довольное лицо, как если бы она только что узнала приятную новость.

— Ну что, мальчики, как вы тут?

— Я хотел...

Паша судорожно кашлянул, и Максим словно споткнулся о невидимую преграду, запал в нем кончился, он сразу сник и угомонился.

— У нас еще пиво есть? — продолжил за него Паша; фраза была совершенно случайной, лишь бы за что-нибудь ухватиться; вышло глупо и опрометчиво.

— А это что? — улыбнулась Ирина, адресуясь к столику.

— Ну, мало ли... — неловко заворочался Паша; был бы каким-нибудь стыдливым животным, желая поскорее спрятаться, закопал бы себя лапками с помощью прошлогодней листвы.

— Мне кажется, вы не тем занимаетесь, — сказала она. — Паша, ты плохо вялешь на Максима.

— Я? — удивился он. — Каким же образом?

— Затягиваешь его в беспробудную дыру. Как-то все это тоскливо... А тебе ли голову пеплом посыпать? И надо ли это ему? — спросила она с достаточной для принятия решений долей осведомленности. Вполне могла бы командовать, но пока что обошлась внушением. Очевидно, у нее имелись какие-то свои соображения насчет дальнейшего устройства судьбы Максима. — Надо забыть то, что было, и двигаться вперед, — обратилась она к нему. — Неужели нет никого, кто мог бы быть с тобой рядом?

Это прозвучало одновременно назидательно и трогательно. Повяло открытым настезь юношеским максимализмом. Теперь уже и Максиму впору было удивляться ее интересу к нему и неожиданному участию. До сих пор Ирина представлялась ему более сдержанной и строгой.

— Максиму нужно отдохнуть, развеяться. Как ты этого не понимаешь? — принялась она убеждать оторопевшего Пашу. — Ему необходимо освободиться от лишнего груза.

— Да, мне необходимо развлечься, — согласился Максим. — Что за жизнь?

— А я разве против? — развел руками Паша.

— Ладно, не изображай, — знаем мы эти театральные жесты. — На ее лице снова появилась блуждающая улыбка. — Но я же совсем о дру-

гом хотела вам поведать. О том, что мне только что рассказала Галка Обойдина.

— Так это ты с ней по телефону так долго болтала? — покривился Паша.

— Ну а с кем еще можно так долго говорить? — заметил Максим.

— Столько новостей я от нее узнала! Одна другой интересней!

— Ну что же... — вздохнул Паша. — Рассказывай. Эта Галка у нас и почта, и Интернет, и собрание глянцевого журналов, и курьерская служба, и сарафанное радио...

— Да, обращает на себя внимание своей неутомимостью, — втиснулся в его перечень Максим.

— И экспресс-доставка, и все, что еще захочешь, — закончил Паша.

Он подвинулся, освобождая место для Ирины. Она села, сведя руки на коленях, и лицо у нее загорелось сладостным женским воодушевлением, падким на сенсации, разоблачения и прочие прелести сплетен и слухов.

Снежная тишина была слишком торжественной для его сиротского настроения. Так недалеко было дойти до угнетения, однако Антон добрался до каких-то совершенно незнакомых ему улиц, один вид которых отрезвлял и заставлял призадуматься. Все вокруг него становилось незнакомым и чужим. Местность определялась улицей и домами, но на пустынной горизонтальной улице не хватало движения, а обрубленные вертикали домов смотрели не в небо, а внутрь себя и готовились ко сну.

Павильон совсем рядом, у автобусной остановки, походил на изрядно потертый бронированный пенал, выдержавший не одну осаду, или не самую важную часть космического корабля (отсек?), выброшенного на свалку из-за прекращения финансирования, — на его гофрированных стенах топорщились ветхие обрывки наклеенных объявлений о купле и продаже, услугах, найме на работу. Магазин для местных по всяким близким надобностям, главным образом, хлебным и питейным. Тяжелой, надрывной пружиной распахнулась стальная дверь, выглянул тусклый табачный свет наружу; Антон отвлекся, сделал скользкий шаг, и едва не был сбит с ног непонятно откуда взявшейся велосипедисткой. Она верткой и справной мышкой, очевидно, в прошлой жизни бывшей аккуратным и исполнительным лягушонком, проскользнула мимо него, после небольшой заминки набирая скорость. Вывернутое назад, в его сторону, сухонькое лицо активной пенсионерки. Глаза в очках, увеличенные до размеров веселой и непредумышленной катастрофы. У Антона тоже глаза увеличились от удивления: зимой, по льду, на велосипеде? И откуда только взялась? Вот уж, действительно, тот случай, когда жизнь оказывается намного фантастичнее любых выдумок.

Пострадавших оказалось двое. Еще девушка на остановке в куртке с капюшоном — ее задело первой. Она сидела в сугробе, склонив голову, и отряхивалась. Антон подошел: «Вам помочь?» — и глазам своим не поверил, когда она повернула к нему лицо. Это была Кристина. Где-то она ему мерещилась все это время — только сейчас это стало понятно, — а он как будто отгонял ее смутный образ на самую далекую периферию, не хотел задумываться и признавать, некогда было, и вот теперь она оказалась прямо перед ним.

От неожиданности он замер; но предпринимать ему ничего не пришлось. Кристина сразу же перестала барахтаться в снегу и резко подня-

лас. Антон запоздалым движением все же вытянул руку, но не найдя за что ухватиться, описал ею замысловатую петлю в сторону исчезнувшего происшествия.

— Ненормальная какая-то... Зимой на велосипеде.

— Я то же успела подумать, — поддержала его Кристина.

— Да еще с такой бешеной скоростью!

— Как смерч пронеслась, оставив после себя разрушения.

Кристина смущенно улыбнулась. Антон же явно был растерян — не ожидал ее здесь увидеть. Они оба крепко уцепились за этот неожиданный, почти фантастический велосипед и принялись склонять его на разные лады, — он сейчас был очень им необходим. Наконец Кристина рассмеялась, и Антон окончательно поверил в ее существование. Они уже двинулись куда-то с беспечной необязательностью или в сиюминутной бездумной беспечности, как Антон Лепетов вдруг очнулся: вопрос «что Кристина здесь делает?» был неизбежен, но его осторожность ему мешала до такой степени, что он попросту замолчал. Кристина тоже больше ничего не говорила. Проехала машина, забитая под завязку бубнящим гундосым рэпом, и все на этом. Тишина ссыпалась прямо с бездонного темного неба густыми белыми хлопьями. Теперь они шли по узкой заледенелой кромке тротуара — как почему-то решил Антон, в ту сторону, откуда Кристина появилась, а стало быть, возвращались. Но куда? Молчание уже становилось похожим на обреченно тлеющий огонек — вот-вот погаснет, и что-то закончится без утешения и надежды. Кристина вздохнула. Антон остановился.

— Я с мамой поругалась, — внезапно призналась она.

— Из-за чего?

— Нашлась причина... В общем, поссорились мы.

«А хотела ведь сказать о другом, о том, что мне тоже известно», — подумал он. Ему стало неловко от ее слов.

— Да ладно, пройдет. Просто как-то неожиданно у нас вышло...

Это прозвучало так трогательно и незащитно, что Антон растерялся, но только на какую-то секунду, потому что дальше стало намного легче и проще, — ушли тяжесть и неопределенность.

— Я знаю, — глухо отозвался он.

— Что? — спросила она; в ее глазах блеснули нечаянные слезы.

— Все знаю.

— Все?

Он мог бы рассказать ей, что виделся с Аркадием, но не стал этого делать. Ему хватило короткого упоминания о встрече с Игорем Истоминым, от которого он узнал о возобновлении прежней страсти Зулусова, при этом имени самой Лизы Эль Греко не упоминая, остановившись всего лишь на абстрактном и совершенно неловком описании московских похождений своего старого школьного друга: «Да, там у него что-то случилось».

Кристина разом вспыхнула:

— Что-то случилось? Это так теперь называется? А со мной ничего не случилось? Да как он мог?

Антон опустил голову. «Дипломат из меня никакой, — подумал он. — Вечно ляпну какую-нибудь глупость для сохранения нейтралитета».

— Что вообще в голове у него было? О чем он думал? Нет, я ему этого простить не могу. Получается, я его совершенно не знала...

Наверное, Антон должен был что-то сказать ей в ответ, ведь она все

же и к нему обращаться, а не просто на воздух выражала свои эмоции, чтобы разрядиться. Конечно же, он сидел за одной партой с Аркадием Зулусовым, и одно это уже возлагало на него определенные обязанности, тут ему не отвертеться, но он больше ни одного слова так и не выдал из себя в какое-то оправдание или утешение, потому что, выпалив все это в возбуждении, Кристина снова замолчала.

Она замкнулась в себе, словно отрешившись от окружающего мира, Антона это тоже касалось, и, тем не менее, они продолжали куда-то идти уже не поодиночке, а точно вдвоем, связанные одной общей историей. И снова была тишина, молчание, равное молчанию неба, городских крыш, темных окон, мигающего светофора, пустынного перекрестка...

Антон отметил, как изменилось лицо Кристины. Свойственная ей легкость исчезла, теперь в нем проявилось упрямство. Ее серо-голубые глаза блестели застывшим холодом, в них отражался весь зимний город, оцепеневший в ночном режиме ожидания. Она сама уже становилась вынужденной его частью, целым направлением, продолжением улицы, полностью вписанной в индустриальный пейзаж, несложную геометрию района; могло показаться, что Кристина живет где-то неподалеку, в одном из этих одинаковых серых домов, но это, конечно же, было совсем не так.

Целеустремленность Кристины, хотя и с неизвестными намерениями, передалась Антону.

— И что же теперь будет? — спросил он.

— Не знаю. Я забрала Андрея и отвезла его к бабушке. Пусть у нее поживет. Там мы и поругались. Я ей рассказала, что произошло, а она мне: «Говорила я тебе, предупреждала»... Ну, это понятно. Зато потом ни с того, ни с сего принялась меня укорять: «Ты что это себе придумала?» Повернула в другую сторону.

«Андрей — это сын», — вспомнил Антон. На противоположной стороне улицы он заметил следующую остановку с рядом киосков. В одном из них сумеречно блестел хрусталь огоньков. Какая-то уличная еда, что-то вроде «Русского аппетита» или «Робина Сдобина». Антон коснулся локтя Кристины и предложил:

— Может, куда?

Пара высоких круглых столиков для перекуса стоя. Освещенная витрина с мигающими невпопад лампочками и оживляющая подступившую ночь — настоящий островок света посреди океана тьмы. Сам вытянутый в длину киоск выглядит как достойный улучшенный вариант бывшей степной кибитки или строительного вагончика. Хот-доги, салаты, бутерброды, десерты, пирожки. Сбоку холодильный шкаф с напитками. Алкоголя нет, есть «адреналин».

— И правда, так есть захотелось! — выдохнула Кристина.

— Ну что, возьмем пару «горячих собак» и «адреналин»? — спросил Антон.

— Нет, «адреналина» мне не надо. Лучше кофе.

— Еще что-нибудь?

— Нет, достаточно.

— Хорошо. И два кофе, пожалуйста, — сказал Антон девушке, прятавшейся от холода внутри торгового вагончика.

Он принес кофе к столику и снял перчатки, чтобы согреть руки горячим пластиковым стаканчиком. То же самое сделала и Кристина. Антону что-то мешало под ногами. Он посмотрел вниз и обнаружил застывший

коммок льда, похожий на грязный обломок кирпича. Антон пнул его ногой куда подальше — к сугробу за холодильный шкаф.

— У нас такие в детстве называли гирбуликами, — заметила Кристина.

— У нас тоже, — сказал Антон.

— Правда?

— Наверное, такие слова передаются из поколения в поколение, чтобы остаться в языке... Смешное слово — гирбулик.

— Ага, смешное. Я из музыкальной школы шла, ребята бросались вот такими же друг в друга, так в меня чуть не попали, а может, и нарочно метили...

— У нас одному пареньку в соседнем дворе вообще голову пробили, рану потом зашивали.

Он осекся; это, конечно, замечательно, что у них нашлись точки соприкосновения, в разных, правда, дворах, хотя, по версии Кристины, если он не забыл, двор у них был один и тот же. Еще немного честного и принципиального усилия памяти, и его промах стал бы очевиден. «А у нас», «а у вас»... Кристина, однако, его замечание пропустила мимо ушей. Антон запоздало спохватился и перешел на другую тему:

— Я тоже ходил в музыкальную школу.

— Надо же? А я не знала...

— Недолго, правда, — решил он на всякий случай схитрить. — Пианино потом продали.

— А у меня было немецкое пианино. Папа еще до того, как я родилась, служил в Германии и оттуда привез. Да оно и сейчас есть. Инструмент превосходный!

— Я ничем подобным похвастаться не могу, — улыбнулся Антон. — У меня пианино было самое обыкновенное, «Ласточка».

Тут к остановке подъехала красивая желто-белая машина с шашечками, по бокам разукрашенная рекламой, из которой выбрался толстый румяный таксист в безрукавке, с посеребренным ежиком волос на голове. От него ли, от машины, или от всего сразу валило паром как от разбежавшегося коня. Он подошел к освещенному прилавку и сделал заказ.

Из приоткрытого окна машины, после объявления по радио упомогачительных и улетных скидок, все той же возбужденной скороговоркой донеслось: «А теперь, в этот замечательный морозный вечер, напоминающий нам о приближении Нового года, так сказать, в ожидании приятных хлопот, всем тем, кто сейчас настроен на волну радиостанции «Братишка», мне хотелось бы предложить послушать», скороговорка сбавила темп, чтобы отчетливо прозвучало каждое следующее слово, «чудесный и неповторимый голос восхитительной и очаровательной Любы Успенской».

Антон и Кристина, не сговариваясь, разом расхохотались. Таксист недоуменно на них посмотрел, взял бумажный пакет с заказом, прошел к своей машине, сел и уехал.

— Не узнать его просто невозможно, — сказал Антон.

— Ну, конечно, — продолжала смеяться Кристина, — слышу, голос же такой знакомый.

— Эти бархатные нотки.

— И с легким скрипом.

— Ах ты, диджей наш продажный, Егор Коновалов...

— И ты, Брут!

— А как про «Пинк Флойд» и «Лед Зеппелин» любил рассуждать, просто заслушаешься...

— И вот на тебе — очаровательная Люба Успенская.

— Так и до «Мурки» запросто доберется.

— Ну и что... это же классика!

— Как легко поменял радиостанцию — вместе с убеждениями...

— Да чудеса просто! И пластинку легко сменил.

Они снова рассмеялись. Антон поднял левую руку к улыбающемуся рту и провел большим пальцем у себя по подбородку. Кристина случайно взглянула на показавшийся циферблат его часов и вздохнула.

— Вот уже и ночь совсем. Мне бы плакать, а я тут стою и смеюсь.

Она немного поиграла пустым стаканчиком из-под кофе.

— Нет, я все же не могу понять... Связался с какой-то певичкой... Как это пошло! Почему? Ну как я могу ему простить этот обман?

Она вернулась к тому, от чего нельзя было так просто освободиться.

Антон напрягся; он до сих пор не мог справиться с ее откровенностью. Кристина порывисто выпрямилась, отвела немного в сторону взгляд, и Антону стало лучше видно ее открытое до доверчивой детской простоты лицо, несколько припухшее от затаенной в нем обиды. В серо-голубых глазах одновременно растерянность и стойкость. Сухие, поджатые губы, изящный носик, уткнувшийся в безмерное, холодное, болезненное пространство переживаний и ставший для Антона неожиданным напоминанием о том, чего на самом деле в его жизни не было, что было придумано ею. Он об этом знал, но не она. Еще одно неуловимое движение, досадливая рябь морщинок на лбу — и сразу увидел ее всю, ее незащитность, оставленность.

— Может быть, со мной что-то не так? — спросила она. — Что со мной не так?

Она спрашивала его как старого знакомого, старшего товарища, друга, того самого, из детства.

— Я, наверное, что-то не то говорю?

— Да нет, — решил ответить Антон. — Все верно.

У него не хватило дыхания, чтобы сказать что-то еще, к тому же Кристина его перебила:

— Я знаю, я глупая.

Антон протестующе кашлянул, но она предупредительно покачала головой.

— Нет-нет, это так... Какая же я глупая!

— Ну что ты, — сказал он с такой бережной интонацией в голосе и как бы сразу став еще на целый шаг ближе, что уже не мог отказаться от дальнейшего участливого отношения. Именно в эту минуту он обнаружил в себе появление какого-то нового чувства, которому он не мог найти определения, да и некогда было, потому что Кристина продолжила твердить как в лихорадке:

— Я кажусь странной, да?

— Нет, почему же...

— Да, я странная, я это сама знаю. Я всегда это знала и страдала из-за этого. Теперь вот расплачиваюсь. И еще буду расплачиваться.

— Тебе надо успокоиться.

— Как все пусто... И что же мне теперь делать?

«А может быть, это и есть выход? — подумал Антон. — И для меня тоже?» Он словно перепрыгнул сразу через несколько кочек, чтобы по-

пасть ногами на твердую землю. Все произошло так стремительно, что он не захотел себе ничего объяснять. «Ей же сейчас некуда идти», — наконец сообразил он.

Капюшон сполз с ее головы за спину, Кристина встряхнула волосы и поежилась.

— Мне холодно.

Антон обнял ее и сказал:

— Мы сейчас поедем.

— Куда? — слабым голосом отозвалась она.

— Мы поедем ко мне, — уверенно говорил он; смутное чувство внутри него выросло и окрепло. — У меня можно переночевать.

Он держал в своих руках ее хрупкое и какое-то почти воздушное тело, и эта хрупкость отдавалась в нем дрожью.

— У тебя озноб, — заключил он. — Тебе надо согреться. Сейчас поймаю машину, подожди, я быстро. Эй! — крикнул он в сторону проезжавшего мимо такси, махнул рукой и даже свистнул, чего не делал уже много лет. Водитель сдал назад. Антон непомерно засуетился, подбежал, чтобы договориться, поскользываясь на заснеженной дороге, потом вернулся за Кристиной.

В машине было тепло, они сидели сзади. Радио у водителя то болтало какой-то забавный вздор, то выдавало веселую, но неназойливую музыку. Все выглядело очень по-домашнему — как-то светло и спокойно. Ну, как если бы они возвращались из гостей. Кристина положила голову на плечо Антону и закрыла глаза. Он по-прежнему ее обнимал — хотел, чтобы она поскорее согрелась. А она заснула — сказались накопившаяся усталость. Ее нервное состояние разрешилось кратковременным ярким сном, в котором она бежала босиком вдоль песчаного берега моря, шлепая ногами по набегавшим волнам и поднимая веером брызги. Было весело, солнце отчаянно слепило глаза, и кто-то еще рядом с ней смеялся, плескаясь в лицо морской водой. Она чувствовала соль на своих губах, а еще жажду и желание. Ее спутник взял ее за руку, прикосновение его ладони было таким нежным, что у нее закружилась голова. Теперь он коснулся ее груди. Но что-то мешало проявиться очертаниям его тела и лица. Наконец, стало понятно что — это было избыточное солнце, заслонившее ей видимость. «Подожди!» — сказала она, отстранилась, поднялась на цыпочки и выключила свет. Темнота раскрыла все без остатка — она свободно прижалась к нему и поцеловала в губы. А потом кто-то провел рукой по ее волосам и прошептал на ухо:

— Приехали.

Глава восемнадцатая

ЗИМНИЕ СТРАСТИ

Серый свет утра, пробуждение. Незнакомая обстановка, выключенная из памяти. Джинсы, свесившиеся со спинки стула. Ее розовый шарф, каким-то образом зацепившийся за дверную ручку и оставшийся висеть на ней. Тапочки-котятка перед кроватью. В конце вытянутого в длину потолка желтоватый тюль, укрывший окно. Еще полусонный взгляд блуждает по комнате, соревнуясь с хаосом мыслей. Рядом, слева, его затылок, его равномерное дыхание хозяина положения, нащупавшего верный путь в темноте.

Ночью все было стремительно и легко, потому что ночь была дерзкой, предательской и волшебной. Ночь отменяла все запреты, она словно заставляла растворяться в ней без остатка. Ночь — это свобода, день — обязанности, поэтому уже утром надо было включать голову и находить оправдание тому, что случилось. Ночь закрыла им глаза и открыла дорогу чувствам. Отчаяние и неловкость перешли в иступление; оно застигло их врасплох.

Кристина осторожно высвободила свою руку из-под его локтя. Антон не пошевелился. Тогда она приподнялась и встала на колени. Еще одно расчетливое движение, и Кристина вылезлась из постели.

Брошенное на пол полотенце в ванной. Повсюду оставались следы вчерашнего безумия — а как еще это можно назвать? Их уже никак нельзя было стереть, и надо ли было это делать? Кристина открыла воду, встала под душ и закрыла глаза. Скомканные простыни, сохранившие четкий рисунок страстного порыва. И этот проявившийся силуэт, ставший для нее очень близким. Кажется, она еще пыталась убедить себя в том, что все это было случайностью. Возникло ощущение, что за чувство невесомости, испытанное ночью, теперь, при дневном свете, надо как-то ответить.

Антон проснулся. Он скорее угадал шум воды, чем услышал его. Джинсы, свисающие со спинки стула. Смятые простыни, сохранившие тепло и запах ее тела. Значит, все правда, и это не сон. Он растянул губы в почти по-детски восторженной улыбке победителя, потом вздохнул: именно теперь, в эту минуту, стало окончательно понятно, что произошло; сумбур ночи сменился ответственностью дня, и он уже не мог думать о простой случайности и мимолетности отношений. Но что об этом думает она? Вместе со все более проступающим в окне светом дня в Антоне неожиданно открылось зыбкое чувство вины. И что будет, если только оно и останется?

Он встал и протянул руку к джинсам. Прежде, чем выйти из комнаты, снял ее шарф с ручки двери и поднес его к лицу. Запах был еще ночной, уличный, с едва угадываемым ароматом приключения, желания и несомненной потери, немного сладкий, ванильный, еще и терпкий и даже цветочный — грустный и вызывающий, словно яркие лепестки, опавшие на морозе.

Этот несомненный знак, этот символ должен был его приободрить, придать ему уверенности. И все сразу встало у него перед глазами в такой убедительной откровенности, что его пронизала приятная дрожь. Вот он ткнулся губами в ее волосы, потом поцеловал в шею, еще раз и еще, она откинула назад голову — и его притаившаяся жадность, о которой он, кажется, нисколько не подозревал, уже не сдерживаемая ничем, вырвалась на волю.

«Ночью горел огонь, — подумал он, — а день собирается тусклым, почти бесцветным».

Когда Кристина вышла из ванной, встряхивая мокрой головой иправляя волосы, она смотрела вниз и не заметила в конце коридора Антона. Ее движения были неуверенными и суетливыми, не для посторонних глаз. Антон отпрянул назад, совсем выпав из ее поля зрения, и тут же вдруг сообразил, что если он ее видит в своем черно-белом полосатом халате, значит, все в порядке, и его опасения напрасны. Он выглянул из-за угла и, стараясь быть естественным, более чем уверенной походкой подошел к ней, протягивая руку.

— Вот шарф, — сказал он, словно возвращая ей ненароком пойманного шаловливого котенка или какую-нибудь причудливую, искусственную домашнюю зверушку, произведенную миром компьютерных технологий.

Она могла понять его жест совсем иначе, да он уже и сам осознал свою оплошность, которую совершил, излишне стараясь быть естественным и уверенным, — ведь запросто можно было все это принять за попытку поскорее выпроводить ее на улицу. Но он-то всего лишь хотел найти новые слова для общения, возможно, даже придумать их, или так обновить прежние, старые, чтобы они зазвучали в иной, свежей тональности; ночью можно было обойтись почти без них, — были какие-то невнятные заклинания, причитания и заговоры.

Антон повесил шарф на вешалку, поверх ее куртки с капюшоном и отвел глаза в сторону, потому что заметил явное смущение в лице Кристины. Впрочем, неловко было обоим.

— Я взяла халат — это ничего? — неуверенно спросила она, инстинктивным стыдливым движением поправляя его полы и запахиаясь плотнее. Халат был ей велик, и это выглядело трогательным дополнением к ее облику.

— Да, все нормально, — ответил он, под словом «все» подразумевая нечто большее, что касалось только их двоих; это должно было успокоить ее.

— Смешно же я выгляжу.

— Скорее забавно.

— Как в цирке, — заключила она, повернувшись к массивному, под старину, зеркалу в тяжелой раме, занявшему почетное место рядом с вешалкой по распоряжению матери, любившей основательные вещи и вообще зеркала.

«Нет, это я клоун, — подумал он. — Неужели совсем ничего не можешь придумать?»

Она оглядела стены и спросила:

— Ты здесь живешь?

— Ну, в общем да, — замялся он. — Сейчас здесь. Это родительская квартира.

Пока что обошлось без уточнений. Дальнейшие вопросы и ответы неизбежно привели бы к началу хорошо известной им обоим печальной истории, о которой лишний раз вспоминать не хотелось, достаточно было и этого. Выход из затянувшегося топтания на месте нашелся самый простой.

— У меня фен есть, — предложил Антон. — Принести?

Покуда Кристина сушила волосы, Антон затеял завтрак на кухне.

— Есть хочу ужасно. Будет омлет, — громко сообщал он. — Это быстро. Тебе чай или кофе?

Вся эта ситуация вдруг безоговорочно стала ему нравится. Ему нравилось повышать голос, чтобы перекрыть шум работающего в соседней комнате фена, — это придавало ему уверенности. Он ждал обновления? А оно уже происходило в ускоренном темпе. Кристина во всем с ним соглашалась. Ей тоже приходилось повышать голос, расставаясь со слабостью и робостью. И это бодрило, окончательно убеждая в том, что все не случайно и только так и должно быть.

Ей было что вспомнить, за что держаться, прокладывая дорожку из детства, ему — нет, но это сейчас его не сколько не беспокоило. Теперь,

при свете вступившего в силу дня, они словно оцупывали друг друга словами — заново опознавали и последовательно узнавали. Именно это сейчас для них было главным — найти то общее, что их объединяло, и они счастливым образом его находили. Любая мелочь пробуждала в них энтузиазм.

— Какой омлет получился — просто объеденье!

— Правда?

— И сыр — один запах чего стоит. Я так проголодалась.

— Надо же, не знал этого.

— Что я проголодалась?

— Нет, про сыр... Еще сок в холодильнике есть. Достать?

— Холодный?

— Можно согреть.

Она засмеялась. «Ну вот, она улыбается, — подумал он, — значит, приняла решение». Но почему он так заключил, он и сам этого не знал. Ее волосы высохли, а лицо смягчилось и стало по-домашнему теплым. Она рассталась с халатом не по размеру и вернулась к своей привычной одежде — сиреневой кофточке и джинсам. И она вся была прекрасна, и в кухне сразу прибавилось уюта.

— А чай какой... — протянула Кристина, отняв губы от дымящейся чашки. — Давно я не пила такого чаю.

— Да самый простой.

— Не может быть!

— Да точно, пакетик.

— Где? Покажи!

Теперь засмеялся он, а она подхватила. В этой неожиданно дурашливой легкости открывалось сразу многое: свежесть зимнего утра, учащенное дыхание, внутренний свет, которым светились они оба, предвкушение головокружения, искрящейся снежной дорожки, скрипа валенок, тепла рук, согласованности каждого движения, когда ничего лишнего, все верно и необходимо, а еще то, как он поцеловал ее в озябший нос, и бумажные снежинки, приклеенные на окно, и причудливые морозные узоры по стеклу, и тополя, вытянувшиеся вверх замерзшими карандашами...

Антон сидел спиной к окну, за которым угадывалось волшебство, происходившее со временем и пространством, смотрел в ее воспаленное лицо, вспоминал ночные события и до сих пор не верил, что это может быть так просто. У него никогда ничего так просто не случалось. А тут словно какой-то подарок, выигрыш, заставивший забыть обо всем, что было раньше. Он так близко видел эти глаза и губы, что ему остро захотелось все повторить, чтобы уже совсем ни в чем не сомневаться. Мысленно он поблагодарил ее за ответное настроение. Этому совпадению сейчас не надо было искать оправдания. Они слишком хорошо понимали, что с ними случилось, и чтобы избежать замешательства, продолжали соревноваться друг с другом. Все происходило по какому-то наитию...

Антон будто бы снова оказывался в той самой мастерской художника после окончания школы, «ну, здравствуй, Таня, и папе твоему привет», все с теми же возвышенными надеждами и даже с теми же подростками тополями; только теперь перед ним была Кристина, улыбку которой Аркадий Зулусов когда-то хотел забрать с собой, и вот так получилось, что ее забрал он, или перехватил, украл, но об этом Антону сейчас совсем не хотелось думать, а думала ли она, он не знал; сейчас не время было с этим

разбираться, это можно было отложить на потом, потому что в них проснулось острое желание говорить обо всем на свете...

— Ух ты, какой у тебя кактус интересный!

— Чем же он интересный? Самый обыкновенный. Летом на балконе стоит, а зимой в кухне на подоконнике.

— Он цветет. Я угадала?

— Да, летом, каждый год. В июне.

— А говоришь, неинтересный.

— Я?

— Если цветет, то уже интересный. А какой у него цветок?

— Обык... Розовый, кажется. Да, розовый. Только он не один, их несколько маленьких. Венчиком, вокруг туловища.

— Хотелось бы увидеть это чудо.

— Еще увидишь, — пообещал Антон.

— Ну, лето еще не скоро, — уклончиво ответила Кристина, но он это понял по-своему:

— Ага. — Поднялся. — Подожди, я сейчас.

— Зачем? — удивилась она. — Это лишнее.

Антон смутился и сел обратно. «В самом деле, — подумал он. — Куда меня несет? Цветы тут зачем? Какая-то пошлость... Однако она догадалась, что я хотел сделать. Это самое интересное. Так мы научимся читать мысли друг друга. Вернее, она уже научилась, я еще нет».

Наверное, чтобы сгладить создавшуюся неловкость, Кристина спросила:

— А это что?

— Где?

— А вот... — Она встала и указала пальцем наверх, на красивую узорчатую, черную с золотом, коробку, стоявшую на навесном шкафчике для посуды как раз под трубой вентиляции.

— Понятия не имею.

Антон действительно не знал, что это может быть. Он вообще туда никогда не смотрел. Может быть, эта коробка стояла там всегда, и он просто не обращал на нее внимания. Похожа на картонную, или жестяную, так сразу не разберешь... Расписная, как бы шкатулка. В памяти ничего не шевельнулось. Нет, никогда не видел. Или видел давным-давно?

Он тоже встал из-за стола, подошел к Кристине сзади и обнял ее.

— Так хочется узнать, что там?

— Если это не тайна, конечно. — Она выскользнула из его объятий. — Ты выше меня, легко достанешь. — Ей хотелось быть беспечной.

Ну, какая уж тут тайна. Это всего лишь игра. Ему ли это не понимать. Антон потянулся, зацепил коробку пальцами (оказалась жестяной) и осторожно, стараясь не стряхивать пыль, опустил ее вниз. Кристина взяла тряпку, услужливо висевшую на ручке духовки, и подала ему. Он заметил, как у нее оживился взгляд. Да, эта игра. В поиск сокровищ. Заветный клад, случайно найденный полвека спустя. Антон тщательно вытер продолговатую коробку, и она заблестела. Предназначение ее оставалось непонятным. Можно было предположить, что несколько десятилетий тому назад, не меньше, в ней хранились конфеты — что-то вроде леденцов, — а больше ничего на ум Антону не приходило. Он не спешил эту версию подтвердить или опровергнуть — просто вертел жестянку в руках, как бы размышляя, с какого бока к ней подступиться. Чем дольше длилась пауза, тем больше возрастало нетерпение Кристины.

Пожалуй, достаточно испытывать судьбу, решил Антон, и подцепил ногтем крышку. Пусть не с первого раза, но вскрыть этот загадочный артефакт все же получилось.

— Ты разочарована?

— Нисколько. Примерно что-то в этом роде я и предполагала.

— Так я тебе и поверил.

— Ты сам себе не веришь... Хочешь сказать, что не знал, что там внутри?

— И правда не знал.

— Ну-ну.

— Нет, правда, начисто забыл.

— Может быть, это вообще не твое, тебе это подкинули?

— Да нет, мое...

Внутренность была выстлана несколькими слоями ваты, на которой в определенном порядке, в два ряда, были приколоты бабочки и жуки среднего и совсем небольшого размера, имелись еще непонятно как здесь оказавшиеся два потускневших оловянных солдатика, стремительный пластмассовый конник с саблей, несколько раритетных конфетных фантиков, сложенных в квадратики для простой игры за столом, и разноцветные мелкие пуговицы россыпью. Его утерянная коллекция, боевые награды, знаки отличия, гордость, валюта его детства. Антон признал их. Но как эта жестянка попала наверх, под трубу? Это маман ее туда запихнула?

— Ну вот, одной тайной в нашей жизни стало меньше, — сказала Кристина.

Он отвлекся, зацепившись за эти ее слова: «в нашей жизни». Да, она именно так и сказала, и он их услышал. Прозвучало как готовое признание, если он ничего не напутал. Наверное, в его лице отразилось что-то такое, что нужно было сию минуту поддержать.

— Теперь я узнала все твои секреты, — улыбнулась она. — Или что-то еще осталось?

— Надо подумать.

Но он успел подумать совсем о другом, словно инстинктивно реагируя на резкие перепады температуры воды, как человек, оказавшийся под своенравным душем, — то ледяной струей его окатит, то кипятком ошпарит; никак это неудобство не получается отрегулировать. Вот есть же еще Зулусов, он остается, как ни крути, его на самом деле никто не отменял, так, чтобы его не было совсем, — вот как с ним быть?

— А я и представить себе не могла, что снова встречу тебя, — продолжила Кристина; она снова сидела за столом. — Нет, я, конечно же, знала, что где-то ты существуешь, помнила про тебя, но чтобы так сложилось... — Она подняла руки и ладонями закрыла себе лицо, пауза вернула Антона к окну, а когда убрала их, он увидел, что оно дышит такой неожиданной свежестью и такой открытостью, что им сложно подобрать определение. Это было освобождение от какого-то гнета, навязанной роли. И возвращение к тому, что всегда жило в ней, пряталось воспоминанием, мечтой, но никак не реальностью. — До сих пор мне это кажется чем-то странным и неправдоподобным... просто невозможным.

«И она права, — подумал Антон. — А я просто должен соответствовать тому человеку, которого она знала. Я должен справиться с этим счастьем».

Если он, пребывая в эйфории, задвинул куда-то в дальний уголок свои прежние вялые соображения по поводу того неизвестного другого, к ко-

торому обрасталась Кристина, то теперь они неизбежно воспрянули в сторону большей ответственности: она поверила в Антона, как в того, кого знала с детства, и отступить ему было некуда, да он этого и не хотел, уже сам склоняясь к признанию, что, наверное, и в этом случае, как с жестяной, он что-то забыл про свое прошлое, а потому никак не может совместить себя с представленным ему Кристиной образом.

Он сел за стол, взял Кристину за руки и сказал:

— Я тебя хорошо понимаю. У меня точно такое же чувство.

— Правда?

— Да, мне это кажется сном.

Антону почудилось, что Кристина сейчас может заплакать, а он этого никак не хотел. Она сдержалась, шмыгнув носом, и с надеждой спросила:

— Но ведь это не сон?

— Нет, это правда. Ты и я — мы вместе.

— Вместе, — повторила она.

Он провел пальцами по ее щеке, собирая скупую влагу и словно еще раз желая убедиться в том, что происходящее с ними не закончится.

— Подожди, я сейчас... — Он поднялся, а она испуганно спросила:

— Ты куда?

— Я тебе хочу кое-что показать.

— Еще один секрет? — улыбнулась она. — Последний?

— Можно и так сказать. Надеюсь, что последний.

Ему не хватало самой малости, чтобы окончательно утвердиться в своем новом положении. Он действовал наугад — вышел в комнату, где стоял письменный стол, выдвигал ящики и рылся в них. Старые письма, открытки, ручки, чеки к покупкам, кнопки, скрепки, батарейки, бинты, ключи... Те самые вышедшие из употребления мелочи, применительно к которым их владельцы старательно избегают выражения «мусор». Из этого и прочего хлама, или все же хранилища предметов на всякий случай, ему нужны были только фотографии. Черно-белые и цветные снимки. Характерные приметы минувшего времени. С его участием, разумеется. Последовательные этапы взросления: школа и институт. Правильность этого выбора для него была несомненна. Ну да, он хотел показать, а значит предъявить, Кристине свои фотографии. Зачем? Наверное, сидеть на двух стульях — это не очень удобно. Или просто сам не знал, чего хотел. Сейчас он ничего не боялся, а хотелось ему, скорее всего, быть прямым и честным. Но как это сделать... Я — это он, а он — это я. Я его не знаю, его знает Кристина. Она помнит меня, а его никогда не было. Забудем про него. У меня нет двойника. Я был всегда — и тогда и сейчас. Эти фотографии — доказательства. Как их не принять? Все нормально. Если надо, сяду в седло, стану сумасшедшим велосипедистом, буду гонять зимой по льду и тренькать звонком, пугая ночных прохожих.

Он вынес собранные фотографии в плотном желтоватом конверте как свидетельские показания. И оторопел. Увидел Кристину тут, в коридоре, у двери, уже одетую на выход. Тихо-тихо она стояла, держась за ручку, и глядела на него виноватой мышкой.

— Меня так долго не было? — растерянно спросил Антон; от его уверенности не осталось и следа.

— Не в этом дело, — скомкано ответила она.

— А в чем? Ты куда?

— Не все так просто.

— Я не понимаю.

Он положил конверт на тумбочку рядом с зеркалом и забыл про фотографии навсегда. Повторил еще раз, уже с большим убеждением:

— Я не понимаю. Объясни мне.

— Потом, не сейчас.

— Почему? Когда «потом»?

— Слишком много вопросов... Не у тебя, у меня. Мне надо идти.

— Куда, Кристина? Куда тебе надо идти? Ты уже пришла...

— Да, я пришла... — Ее глаза снова заблестели слезами. — Ну как же ты не понимаешь, что я не одна? У меня есть Андрей, это ребенок... Ты забыл? — В ее голосе неожиданно прорезалось отчаяние.

Антон нахмурился, поджал губы. А вот это напрочь вылетело у него из головы.

— Ничего я не забыл... Он сейчас где?

— У бабушки.

— У бабушки. — Ну о чем тут еще ему думать? Медлить нельзя. — Это хорошо. Значит, все нормально.

— Да что же тут нормального?

— То, что ребенок под присмотром, и вы обязательно встретитесь, никаких сомнений. Но не надо вот так...

— Антон, я не хотела...

— Подожди, не говори больше ничего. — Твердости в нем доставало. Он, наконец, подошел к ней и взял за руку. — Ты никуда не пойдешь...

Они сидели в своем любимом кафе недалеко от Дома офицеров, рядом с «Макдональдсом», как раз в том самом кафе, где Галка Обойдина встречалась с Антоном Лепетовым и поначалу удостоилась от него высокого титула «невеста байкера», но позже была им же низведена до самой заурядной и неразборчивой «дуры». Это уютное местечко было открыто и благополучно освоено «совершенно замечательным человеком» Олей Бесединой, благодаря Егору Коновалову, который частенько диджействовал в ночном клубе поблизости. Компанию Оле составляла Алла Альховская. Тут все было поблизости и мерялось пятью-десятью минутами неспешной ходьбы — даже их работа. Офисы обеих почти соседствовали друг с другом, разве что располагались на разных этажах и окнами смотрели в разные стороны, но с одинаковым успокаивающим эффектом принадлежности к жизни города в самом его сердце, что, несомненно, являлось положительным результатом и даже достижением, так что преимущества центра были налицо, и девушки активно этим пользовались еще и по вечерам, после работы, вот как сейчас.

Не хватало только Галки Обойдиной, — задерживалась где-то. К ее опозданиям привыкли, как и к ее заполошным появлениям, всегда внезапным, обычно возбужденным и обязательно должным показать ее востребованность и чудовищную занятость, мол, у меня дел невпроворот и вообще я вся нарахва.

Распахнулась дверь, с мороза дунуло ветром; она влетела в кафе событием, экстремальным сообщением, ураганом — разгоряченная, с дышащим жаром лицом, с тающими снежинками в волосах и на ресницах, в оранжевой куртке, соотносенной с сигналом тревоги, предупреждающей об опасности производимых работ и заодно общения с нею. То, что у Галки при этом были выпучены глаза, только дополняло общую картину беспокорности и даже усиливало ее до неведомой беды. Следом за ней в кафе

успела забежать собака, самая обыкновенная, беспородная и бездомная, с мохнатой, обросшей сосульками мордой. Дворняга, по всей видимости, случайно прицепилась к Галке на улице, захваченная ее энергичным движением по вечернему городу, и теперь испуганно приноживалась, виновато щурилась и шлепала лапами по полу. Непрошенную гостью официанты успешно выдворили обратно. Но ничего этого Галка не видела, назад не оглядывалась, хвоста за собой не чувствовала. Она шагнула к столу, за которым сидели Оля и Алла, вздохнула и выпалила:

— Это уже просто что-то такое творится, что невозможно даже себе представить!

Заявление было дерзкое и серьезное, так что Оле и Алле впору было задуматься: что случилось и не виноваты ли мы в чем? Впрочем, это была обыкновенная, безотчетная манера Галки наводить шороху и сгущать краски, и возникшее недоразумение сразу же разрешилось.

— Как узнала, до сих пор поверить не могу! — еще немного потревожила она уже только себя, а затем принялась скороговоркой и с паузами, неожиданным взлетом голоса и падением до шепота, охами и ахами рассказывать о вещах совершенно невероятных. И выходило из ее сбивчивого монолога, что Кристина, после того как она порвала с Зулусовым, о чем они все, конечно же, были хорошо осведомлены, недолго горевала из-за его измены и сошлась с Антоном Лепетовым, да-да, именно с ним, как это ни странно...

— И что же тут странного? — наконец прервала ее излияния Алла Альховская. — Меня этонисколько не удивляет. Про Свету забыли? Он и ко мне лепился, да только получил от ворот поворот...

— Когда это? — запнулась Галка, сбитая с толку.

— Да вот тогда же, в тот самый раз, на дне рождения Аркадия... Еще тот ухарь.

— Ты шутишь?

— Очень мне надо шутить, — пожала плечами Алла. — Поднялся наверх по лестнице и полез ко мне, когда я там лежала... Да только я его поперла...

— Надо же, — сказала Оля Беседина, — а я ничего об этом не знала.

— А зачем мне было об этом рассказывать? Я уже и забыла, а теперь повод представился, и вспомнила... Тут же все просто, — оживилась Алла, — никаких сложностей, полный примитив. Отказали ему — понесло его туда, где не отказали. Вот на Светку и попал...

До этой минуты она сидела с вполне скучающим выражением лица: тонкие губы, распущенные светлые волосы, только глаза иногда выдавали себя случайным поиском по сторонам, и снова затишье, два-три редких слова, произнесенных низким прокуренным голосом, а теперь она преобразилась и все тем же голосом, но уже уверенным, набравшим силу, объясняла, как на самом деле устроены мужчины и чего от них можно ожидать.

— Это просто такой типаж, как будто я не знаю, всегда будет искать, куда бы приткнуться.

— Как-то у тебя уж слишком просто все выходит, — не согласилась с ней и даже как бы немного обиделась Галка.

— Постой, — перебила ее Оля, — а откуда тебе это известно? Ну, что Кристина и Антон...

— Что у них «вась-вась»?.. Оля, Оля, — покачала головой Альховская и заметила с нескрываемой иронией: — Ну о чем ты спрашиваешь?

Все же прекрасно знают, что Галя у нас самая первая по части новостей, и уж ей-то известно все, от нее ничего не утаишь.

— Ты за меня так уверена? — отозвалась Галка; было заметно, что она почему-то обиделась на это замечание. — Ты, наверное, думаешь, что я какие-то сплетни собираю?

— Да ничего я не думаю.

— А я точно знаю, потому что сама это видела. На Средне-Московской, у «Спортмастера». Они даже за руки держались как двое влюбленных. Что они там делали? Я их из маршрутки заметила, на светофоре, не могла ошибиться: было время разглядеть. Голову случайно повернула и увидела...

— Да ради бога, — развела руками Алла. — Я ничего не имею против.

— И это никакие не сплетни, — не могла успокоиться Галка. — Может, нам этого и хотелось бы, но это правда.

— Верю. Я же сказала, что меня это не удивляет.

— Ну как же не удивляет? — простодушно заметила Оля. — Меня удивляет... Ты... ну ты не в счет... потом Света, теперь Кристина... Это что же будет?

— Да ничего особенного не будет, — покривилась Алла. — Побесят-ся и вернуться по своим углам.

— А я не уверена, — возразила ей Галка. — Слишком многое сдвинулось с места. От Аркадия я не ожидала...

— Вот он меня как раз удивил.

— Просто не то слово.

— Подождите, а дети? — подала голос кроткая Оля. — А с детьми как у них будет?

— Да, проблема на проблеме, — согласилась Галка.

— Ну, не мы эту кашу заварили, не нам и расхлебывать, — сказала Алла. — Новый год скоро, меня это больше интересует.

— Да, Новый год, — ухватилась за ее слова Оля. — Ты уезжаешь, мы остаемся. По-моему, все ясно.

— А куда ты собралась? — несколько рассеянно спросила Галка Аллу.

— В Финляндию она собралась, — ответила за нее Оля. — Там снега больше и вообще романтика.

— В Лапландию, если точно, — небрежно пояснила Алла и разоткровенничалась: — Захотелось, знаете ли, чего-то необычного, расцвеченного северным сиянием... В общем, экзотики или экстрима. Надоели эти пляжи, море, жара, песок... Хочу много снега, морозного дыхания, приятного вечера у камина...

— С бокалом вина? — мило улыбнулась Оля.

— Можно и покрепче чего-нибудь... На оленях хочу покататься. Там, говорят, это возможно.

— По-моему, это входит в стоимость тура, — поддержала ее Оля.

— С деньгами, наверное, все возможно, — сказала Галка. — Хоть на край света, к черту на рога. Мне такие путешествия не светят.

— Ну почему же... — протянула Алла. — Когда-нибудь...

— Да и не хочу я никуда ехать, — не дослушав ее, сообщила Галка. — Мне здесь хорошо. Чего я там не видела? Делать нечего... У нас своей экзотики хватает, попробуй с ней разберись, целой жизни не хватит.

Ее можно было так понять, что она имеет в виду свежую новость о Кристине и Антоне, и ближе и ценнее подобных новостей для нее нет и

быть не может, и вообще все человеческие отношения и поступки кажутся ей совершенной экзотикой, а потому и ехать ей никуда не надо для насыщения впечатлениями, тут вполне хватает своих круизов, сафари, рафтингов, дайвингов или как там еще они называются, если еще, конечно, согласиться с тем, что она чужую жизнь из-за какой-то душевной тонкости или болезненного сбой принимает за свою. С ее отрицанием, которое иногда в ней прорывалось подобным образом, спорить как-то не хотелось, просто было бессмысленно и глупо, и Оле только оставалось сделать самое естественное предложение:

— А ты не хочешь с нами в ночном клубе Новый год встретить? Билеты недорогие. Столики и все такое. Егор зажигать будет.

В этих ее осторожных словах, а она так и представляла их себе осторожными и учтивыми, содержалось сразу все: упоминание об ограниченных финансовых возможностях, о недопустимости одиночества на праздник, о снисходительном отношении к слабостям пациента, о выявленной ущербности, исправить которую стоит немалых усилий, о неправильном образе жизни и впустую потраченных днях, месяцах и годах. На самом деле, Оля не думала ничего плохого, не хотела как-то уколоть и действовала от чистого сердца, с целью помочь.

— Даже не знаю, — ответила Галка. — Спасибо, конечно, за приглашение. Я-то думала, что у Аркадия на даче отметим, там такая же Лапландия зимой, не хуже, пейзажи еще те, все рядом и не надо никуда попусту тащиться... У него даже снегоход имеется! А тут вон какая история приключилась...

— Снегоход — это интересно, — оживилась Алла. — Но тебя ведь другое в этой истории задело?

— Прости, что меня? — спросила Галка; ей только что принесли чашку кофе, «спасибо, да, сахар коричневый», она отвлеклась и не услышала последних слов Аллы.

— Ты ревнуешь.

— Я ревную? — удивилась Галка; сделав глоток, она в недоумении поджала губы и отставила чашку в сторону. — Это к кому же или к чему?

— Ты сама это прекрасно знаешь, только не хочешь себе признаться, — с каким-то непонятым удовольствием в голосе продолжила Алла; возможно, решимости ей придало пренебрежение Галкой ее будущей поездки в Лапландию.

Почувствовав что-то неладное, Оля робко предложила:

— Может быть, хватит на сегодня признаний? Новый год на носу, а мы все будем разбираться, непонятно в чем...

— Ты уже достала со своим Новым годом! — неожиданно вскинулась Алла, так что Оля, подняв брови, даже отпрянула от стола. — Никуда он от тебя не денется, еще споешь и станцуешь.

— Так в чем я должна признаться? — вернулась в разговор Галка; ее лицо изменилось, в нем больше непонимания проявилось уже готовой обиды.

— В том, что ты еще и завидуешь, и мучаешься от этого.

— Вот как? — голос у Галки дрогнул.

— Прибегаешь, машешь руками: ах, ах, ах! — развернулась Алла, уже не сдерживаясь больше. — Вы слышали? Вы знаете? Нет, вы не знаете! Ах, ах! Он изменил, она ушла, их видели вместе! Что теперь будет? Ах, что теперь будет?... Что с тобой, моя милая, скажи? — уставившись Галке прямо в лицо, с саркастичной улыбкой спросила она. — Ты никак

не можешь успокоиться, потому что сама в этом не принимаешь участия, — вот в чем правда, вот что ты никак не можешь в себе принять.

— Абсолютная чушь! — выдохнула Галка.

Оля расстроилась и забегала глазами:

— Алла, ну что ты говоришь? Зачем?

— Когда-нибудь же надо было это сказать?

— Почему именно сегодня?

— Потому что время настало! — парировала заведенная на спор, словесную дуэль, упорное сопротивление и несогласие, пламенная и уязвленная Альховская. — Надо же людям открывать глаза, надо, чтобы они, наконец, прозрели и перестали обманывать себя!.. Ты еще тогда, на даче, Свете позавидовала, — обратилась она, не снижая ни градуса достигнутого накала, к отрешенной, занявшей глухую оборону Галке. — Скажешь, нет? Ревновала Антона к ней, теперь Крестину к нему. Про Аркадия я вообще не говорю...

— Бред, — твердо заявила Галка. — Какой бред...

— И все мимо тебя, без тебя, не для тебя...

— Замолчи! — у Галки дрогнули губы, она больше не могла этого терпеть. — Это ты завидуешь Крестине!

— Девочки, остановитесь! — попыталась вмешаться Оля.

— С чего бы мне ей завидовать? — продолжила с прежним безоглядным и безжалостным напором Алла. — Что у нее хорошего? Ты вот подругу теряешь и оттого все твоё беспокойство. Как теперь будешь улыбаться ей и ее Антону? Да для тебя и на месте Веры сейчас оказаться за счастье было бы!

— Ты и мне завидуешь! — выдала Галка.

— Я — тебе?! — удивилась Алла и как-то судорожно рассмеялась.

Их неожиданная перепалка привлекла внимание, конечно же, повышенным тоном. Уже и от стойки на них поглядывали, и лампа над столом, за которым они сидели, словно прибавила в яркости, избавившись от атмосферы интимного полумрака, и высветила всю основу ни с того ни с сего разгоревшегося конфликта. И вот бармен, до той минуты на всякий случай приглядывавшийся к странной и нестабильной женской компании у окна, услышав поверх ритмичной фоновой музыки смех, успокоился и повернулся к ним спиной. Но, возможно, он напрасно это сделал?

Галка Обойдина вспыхнула. Этого нельзя было не заметить, это было так наглядно, когда она пальцами вцепилась в кофейную чашку, прямо в игривый завиток ее ручки, словно одурманенная царством пряных запахов, заполнивших помещение кафе.

— Еще одно слово, — с внезапной мужской прямоотой в голосе заявила она, — и эта чашка полетит тебе в голову. Ни ты не доедешь до своих оленей, ни они тебя не увидят.

Удивительным образом эти слова разом изменили картину происходящего. Обоюдное возбуждение снигло, все амбиции куда-то попрятались. Возможно, Галка сказала что-то смешное, оказавшееся таковым после паузы. Так бывает, что пауза решительно меняет окраску события со знака минус на плюс и наоборот. Еще не понимая этого и уже как бы вдогонку спору, отчаянно пытаюсь примирить враждебные стороны, Оля тоже вспыхнула, но с совершенно иным конечным результатом.

— Ну, хватит же! — умоляющим и почему-то тонким, должно быть, от захлестнувшего ее напряжения, голосом произнесла она. — Пошипели и хватит!

Получилось, как у какой-то заботливой мамы, недовольной поведением своих капризных детей, хотя уж она-то, Оля, мамой им никак не выглядела, скорее, это они обе были ей мамой, ну уж, во всяком случае, старшими сестрами точно.

И Алла Альховская вдруг очнулась и не узнавала себя: «Что это на меня нашло?» Ей было стыдно. И стало стыдно Галке Обойдиной: «Откуда я взяла эти слова? Ужас какой!» Она подумала: «Это у меня нервный срыв». И самое удивительное, что о «нервном срыве» подумала и Оля Беседина, но сразу про одну и другую, объединяя их и жалея, и чтобы покончить с возникшей неловкостью (а как иначе обозначить то, что оказалось пустяком?), снова заговорила ровным, немного напевным тоном, не отступая от линии Нового года, как если бы вообще ничего не случилось. И ее, с небольшими вариациями и отклонениями, охотно поддерживали.

— Значит, договорились? В ночной клуб с нами. Отказ не принимается.

— Кофе здесь хороший.

— Мне тоже очень нравится.

— А я и не знала про снегоход... Так бы хотелось на нем покататься! Жаль, теперь не придется...

— Ну, на оленях-то...

— Можно сказать, «экслюзив».

— А елка там будет?

— Господи, ну и вопросы у тебя... Как же без нее? Конечно, будет!

— Ради одного только северного сияния стоит поехать... А снег — самый чистый снег в мире!

— Потом обязательно расскажешь.

— А Кристина, наверное, теперь с Антоном будет Новый год встречать?

— А Аркадий с кем?

— Главное, где... Он теперь в Москве.

— Нет, ну нашел себе... Или это она его нашла?

— Это называется «вернулся».

— Ага, скажи еще, навсегда.

— А у Кристины с Антоном насколько серьезно?

— Это другое... Ну а что, все может быть.

— Скажу: ха-ха-ха.

— Ну вот, ты не веришь...

— А ты сама-то веришь? Веришь, значит, хочешь этого.

— Вот еще... Почему я должна этого хотеть?

— Не знаю. Наверное, склонна верить в чудеса.

— Вообще, программа в клубе будет очень интересная. Егор обещал сюрпризы. Что-то они там затеяли... Ничего мне не рассказывает, скрывает.

— Ну и какие же это чудеса? Обыкновенные человеческие отношения.

— Конечно, обыкновенные... Аркадий бросает молодую жену ради отставной певички, которой... сколько там ей лет? А молодая жена, не теряя времени, сходится с его другом детства. Не забыть бы еще про жену друга детства, которая подружилась с...

— Да, и фейерверк на улице будет! Грандиозный салют!

— Ну, подружилась, и что теперь?

— Да ничего, конечно. Тебе самой это не смешно?

— Нисколько. А ты, значит, приземленная.

- Я приземленная?
 - Ну не я же, если верю в чудеса.
 - А еще ты святая. Как я раньше этого не замечала?
 - Девочки, ну, может быть, хватит?
- Так говорить можно было до бесконечности.

Зимнее богатство в ликовании солнца, роскошь искристого снега — таков был день, когда из больницы выписывали Свету. Алла Альховская успела посвятить ее в детали нового неожиданного события — образования пары Антона и Кристины. Естественно, что Света, как смогла, передала услышанное Вере. Вера восприняла новость спокойно, даже холодно, во всяком случае, так оно выглядело внешне. «А мне-то какое до всего этого дело?» — как бы говорило выражение ее усталых глаз, и, наверное, она поступала правильно, если еще принять во внимание, что в словах Светы, именно в том, что она передавала ей эту информацию, содержался нехороший подтекст. Можно даже было сказать, что тут шла речь еще об одном унижении. Но Вере совсем не хотелось заморачиваться распознаванием скрытых символов, ей и так все было ясно. Дальше передавать сообщение было некуда, цепь на ней замыкалась. Ее окружали, на нее наседали, на нее воздействовали, ей не давали жить. Она была беззащитна, и она до сих пор не знала, как ей жить.

Впрочем, были варианты. За варианты отвечала Лида Камнепад, верная подруга, решившая вступить в борьбу за достойное будущее скованной и неопределившейся Веры. Отказаться от ее участия не было никакой возможности. Упорство Лиды немногим более отличалось от упрямства, и чтобы противостоять ее инициативам, надо было обладать силой и характером античного героя. Она настойчиво предлагала Вере «выйти в свет», иначе говоря, с кем-нибудь познакомиться. Ее общительность предполагала наличие у нее готового списка кандидатов, а если быть точным, в голове у Лиды в полном порядке содержалась целая картотека, из которой она при случае могла легко выудить подходящий номер.

«Ну что мне с тобой делать? — рассуждала вслух заботливая Лида. — Есть у меня на примете один знакомый, человек хороший, я его через общих знакомых знаю, приходилось видеться, вдовец, так уж сложилось, но он тоже врач, а это, как я догадываюсь, немного не та история, какую нам бы хотелось, вот ведь странность, я права?»

Чтобы не испытывать неловкости больше, чем положено, и в той же степени неудобства, и вообще не раздражаться, а быть терпимой к дружеским чудачествам и даже поддерживать их разумным согласием, Вера относилась ко всем ее предложениям, как к игре, ну, допустим, в лото или еще что-то подобное, близкое к невинной домашней забаве.

«Вот еще номер имеется, — продолжала свою охоту за призрачным счастьем Лида, — самый настоящий режиссер-постановщик».

«Не врач? — облегченно вздыхала Вера. — Это уже хорошо».

«Нет, не хорошо, — морщилась Лида, в последний момент вдруг вспоминая о неодолимых причинах и обстоятельствах, мешающих обрести рай. — Слишком он специфичный товарищ. Поставил в районном доме культуры героическую фреску «Батяня-комбат», четырехчасовое монументальное полотно с выстрелами, братанием и шампанским».

«Ого!» — сказала Вера.

«Вот тебе и «ого!» — ответила ей Лида и добавила: — Трудновато с

ним будет, а вообще надо ли это нам? Всю голову забьет своими придумками».

«Мне-то вообще ничего не надо, — подумала Вера и спросила, чтобы только Лида не слишком разочаровывалась: — А сколько ему лет?»

«Каких лет? — махнула Лида рукой. — Все, проехали. Что еще у нас имеется?.. Та-ак, этот не пойдет, слишком оригинальный... Бытовой философ».

«Бездельник?» — решила уточнить Вера.

«Мыслитель, — оживилась Лида. — В гостях довелось познакомиться. Так рыбу ел, локтями упершись в стол, что кости одни остались. Целая гора костей на тарелке! Прямо апофеоз войны какой-то... Наелся, наконец, досыта, а потом взял в руки помидор и спрашивает: «О чем думает помидор?» Можешь себе представить?»

«У кого спрашивает?» — не поняла Вера.

«А вот попробуй сообрази! Это он как бы вообще... — Лида изобразила рукой в воздухе какую-то абстрактную фигуру. — Что-то вроде «бедный Йорик» и «быть или не быть». Никак не меньше».

«А-а... Действительно, большой оригинал», — согласилась с ней Вера.

«Еще бы! — подтвердила Лида. — И закончил свое короткое выступление загадочной фразой: «Мы вот ни о чем не думаем». Нормально?»

«Да это прямо обвинение!» — не сдержалась Вера.

«Ага, всего человечества!»

На этот раз Вера не спросила у Лиды, сколько ему лет и как он выглядит; то, что она услышала, как-то подавило ее изобразительные возможности, и, кроме рыбьих скелетов, заполнивших тарелку пирамидой, и большого (не маленького же?) красного помидора, в мозгах которого кто-то хотел покопаться, в ее представлении ничего не возникало. Зрелище, несомненно, было отталкивающим.

«Вот ведь сложности! — производила какие-то умственные вычисления Лида. — Ну а если... — Небольшая пауза позволила ей сформулировать образ. — Пасечник. Хорошо так за сорок, ближе к пятидесяти. Оголтельй. Из тех, что живут ради лозунга: «Меда купил — дорогу в аптеку забыл». Если ему сказать о вреде меда, придет в изумление и начнет беститься».

«Исчерпывающее досье... Это он на свежем воздухе?» — поинтересовалась Вера, имея в виду его деревенские корни и возможность переезда из города.

«Еще на каком свежем воздухе, — сказала Лида, — голова закружится».

Вера замаялась: «Я как-то пчел...»

«Вот и хорошо, — с готовностью подхватила Лида. — Вычеркиваем».

«Так совсем никого не останется», — с сожалением заявила Вера; она вошла во вкус этой игры.

«Подожди, найдем, — пообещала Лида, совершив очередные расчеты в своей памяти. — Та-ак, это не для тебя...»

«А что там?»

«Даже смешно сказать... Мастер производственного обучения. Учащиеся зовут Сусликом».

«Сусликом?»

«Но смешно не это. Я сама слышала, как он сказал на улице, поднимая воротник куртки: «Холодно чевой-то». Каково?»

«Так и сказал?»

«Думаешь, я шучу?»

«Да, такой никому не нужен», — осмелела Вера.

«У меня и похуже есть, но это уже совсем на любителя», — улыбнулась Лида.

«Надо же. И кто это?»

«Представь себе сцену, — рассказывала Лида, не отвечая на вопрос; ей надо было сразу обрисовать ситуацию, которая представила бы готовый образ. — Человек слышит разговор двух женщин. Одна говорит другой, что ей посещение парикмахерской в три тысячи обходится. А он на это заявляет: «Дорогая кукла». Ехидно так...»

«Три тысячи? В салоне еще дороже будет», — сказала Вера.

«Жлоб», — подытожила Лида.

«Да просто хам», — уточнила Вера.

«Еще какой».

«Три тысячи ему дорого!»

«Вычеркиваем».

«Без всякой жалости».

Вера сказала это в веселой запальчивости и тут же подумала: зачем Лида подсовывает ей бракованный товар? Это ведь не нарочно она так делает? Какой-то ущербный список. Уже и не смешно. Или она себя таким образом развлекает? За мой счет? Однако ее подозрениям не суждено бы развиться. У Лиды в рукаве прятался козырный туз. Во всяком случае, в ее голосе можно было расслышать воодушевление, которое сопровождает возглас дозорного на матче, завидевшего на горизонте вожденную землю.

«А вот этого галочкой пометим!»

«Кого же?»

«Надеюсь, на выходные увидим».

Пришла пора решительных действий. Форма одежды имела значение. Лида выступила знающим консультантом. От ее познаний Вере становилось только хуже. Она была не уверена в себе, уже и ей самой казалось, что она доигрывает свою роль как попало. Платье, сапоги, новая стрижка — попробуй откажаться от такого изысканного унижения. Лида непробиваема в своей добровольной миссии, у нее определенные обязательства, и она исполнит их до конца. Но не до такой же степени, подруга? Оставь мне право выбора, в чем быть одетой. Дай мне вздохнуть.

Настроение у Веры изменилось: беспокойство в ней пыталось разобрататься с глупостью, в которую ее втянули. Доигрались? Пока что нет, но она сама виновата. Все поведение Лиды должно было уверить ее, что ей выпал счастливый билет, уж в этом Лида для нее постаралась. А похоже было на какую-то западню. Вот еще глупости. Почему я так думаю? Это все из-за слабости, из-за моей податливости. Не могу отказать. Потворствую. Никакая не забава, но мне что-то нужно доказать. Кому? Ей? Нужны Лиде мои доказательства. Забота и ее связь с обреченностью. Больше ни слова, ни одной мысли — хватит. Не паникуй, не злись. Плыви по течению.

Этот день как назло выдался тусклым. Ни единого просвета в оккупированном сумрачной пеленой небе, никакой надежды на возможность побега в беззаботный солнечный мир, в зимнюю сказку. И еще холодный пронизывающий ветер, подталкивающий в спину прямо к входу в торговый центр. Скорее, скорее, здесь можно укрыться, и здесь же предстоит показать себя во всей красе. Сити-парк «Град» — место свидания, смот-

рин, потехи, провала, кто знает, как это будет? Похоже, что теперь не знает этого и сама Лида. Когда оставляла машину на стоянке, выглядела живее. Вошла внутрь и вздохнула, оглядываясь по сторонам.

— Что — уже? — спросила Вера; ей вдруг представилось, что в данной ситуации быть отчаянной у нее получится лучше всего.

— Да нет еще, — ответила Лида; уверенности в ней вдруг поубавилось, как будто она позабыла, куда им двигаться дальше.

Необъятное внутреннее пространство манило презентацией достатка, свободы и исполнения самых обыденных желаний. Здесь можно было легко раствориться без остатка для угрызений совести. Переплетение конструкций, ярмарочный балаган, сонная рыба жизнь за стеклом, разноцветные кубики, автоматическая россыпь звуков, гундосое пение игровых автоматов, житейское тепло, загнанное в потаенные углы искусственной мышины возней, так что воздух здесь имел свой цвет, и он был серым от бесконечного потребительского настроения.

Пахло возбужденным, отгоревшим от рабочего усердия пылесосом, и Вера неожиданно поняла, что все ее потуги на беззаботность и независимость тщетны. Ее засосало в огромную машину навязчивого отдыха и принудительных развлечений. Ну как тут ей забыться и настроиться на новую волну, когда все вокруг давит на тебя и производит гнетущее впечатление непонятого и чуждого праздника, непонятого все же по объективным причинам!

Предчувствие не обманывало Веру: воздух сгустился до события, к которому никак нельзя было подготовиться.

— Нам навверх, — объявила наконец Лида.

Они поднялись по эскалатору на второй этаж и повернули по кругу направо. Прошли одну колонну, вторую, третью и задержались у стеклянного ограждения. Лида облокотилась на перила и уставилась ищущим взглядом вниз.

— Что дальше? — спросила Вера. Она испытывала нетерпение; если событие никак нельзя было отменить, то хотелось бы, чтобы оно поскорее закончилось.

— А вот тут подождем, — выдохнула Лида. — Скоро должен подойти.

Внизу было кафе со столиками, за которыми сидели люди. Обыкновенный муравейник. Кто-то спешил по своим делам, кто-то просто слонялся и откуда-то должен был появиться он, заявленный Лидой. Кто он? Зачем?

— Ты позволяешь мне сделать предварительную оценку объекта? — догадалась Вера. — Спасибо, я тронута.

— Не иронизируй, — сказала Лида. — Я же не зверь какой.

— Да, товар надо предъавлять лицом, — согласилась Вера. — Или лысиной? Сверху она будет сразу заметна. Он, кстати, не лысый, а то я как-то упустила эту деталь без из виду?

— Не лысый, не беспокойся.

— Я забыла, как его зовут...

— Виталий Александрович. Виталик.

— Ах, Виталик...

— Ну что тебе не так? — оторвалась от наблюдения Лида. — Ты же его еще не видела... То, что жена от него ушла? От тебя вот муж ушел, и что?

— Даже не знаю, что тебе ответить, — замялась Вера. — Если ты так...

— Ну подожди немного, — прервала ее Лида. — Не надо мне ничего отвечать... Я тут, между прочим, две недели назад соседку твою встретила.

— Какую соседку? — не сразу сообразила Вера.

— Ну, эту... Риту.

— Риту?

— Ага.

— А ты мне ничего не говорила.

— Из головы вылетело. Я же ее до этого год назад как-то видела, а сегодня вот про недавнюю встречу вспомнила. Растолстела твоя подруга...

Лида Камнепад была выше ростом Риты и выглядела довольно крепкой, а если быть справедливее и точнее, — объемной. Все, однако, было в установленных общепринятым мнением рамках, в теле, достигшем уверенной спелости, на строгом контроле, не допускавшем излишеств, в объемах, вызревших в нужных местах для восхищения и поклонения; одним словом, Лида, что называется, «держалась». И вот поди ж ты, Рита у нее «растолстела»... Вера познакомила их по случаю несколько лет назад и знала, что Лида ее недолюбливает.

— Какая она мне подруга? — удивилась Вера. — Вот еще... Просто соседка.

— Ну, хорошо, пусть будет соседка, — согласилась Лида. — А только она ко мне почему-то кинулась со сплетнями про твоего Антона...

— Какими сплетнями?

— Самыми обыкновенными... «Ты знаешь, что у них произошло?! Кто бы мог подумать?» Ах и ах... С таким радостно-соболезнующим видом. Сокрушалась и головой качала. Ей прямо в радость было тебя пожалеть.

Это уже слишком: в Вере готово было закипеть негодование, она и собиралась высказаться по поводу такого сочувствия Риты, разумеется, всего лишь соседки, а никакой не подруги, но Лида ее опередила:

— А вот и он, красавчик, явился... Правее смотри, за столиком парень с девушкой сидят, девушка в красном, увидела? Он сейчас рядом стоит...

Да, теперь Вера увидела: кто-то там действительно стоял и вертел по сторонам головой. Но «красавчик»? Явное преувеличение. Если только в шутку. Бывший брюнет, хорошо так за сорок, среднего роста, похоже, что и ниже, с брюшком. И бывший пижон, наверное. Волосы свои редущие, скорее всего, подкрашивает, даже отсюда это заметно. По всем повадкам лысый — слишком активный. У мужчины, у которого с волосами на голове все в порядке, больше достоинства, меньше суеты. А этот головой так и вертит, еще и брелоком от ключей поигрывает. Беспокойный тип. И при этом плоское лицо честного человека, на котором можно написать любую правду, какую хочешь, он бы сам легко ее принял. Вот пошел куда-то — джинсы в обтяжку, остроносые туфли, короткая черная кожаная куртка. Если бы было тихо вокруг, наверное, можно было услышать, как он весь противно скрипит — при каждом шаге. Остановился. У другого столика, там тоже пара. Это он, называется, на свидание пришел. Наклонился, спрашивает что-то. Кажется, улыбается, по спине видно. Спина триумфатора. Те, что за столиком, смотрят на него с недоумением. Жена, говоришь, от него ушла? Да от такого все разбегутся!

— Он же этот... — несмело начала Вера. — Забыла, как про таких говорят...

— Да ладно, — оборвала ее Лида, — нормальный мужик.

Дурацкие смотрины. Неестественно, противно. И вот только сейчас Вера поняла, что все это время в ней сидела боль, от которой она никак не могла избавиться, как ни старалась. Она ее вдруг почувствовала, и не стало больше сил притворяться, и остро захотелось, чтобы вся эта нелепая сцена немедленно закончилась и чтобы вообще больше никогда о ней не вспоминать. И сразу пришло решение: бежать, бежать, куда глаза глядят. Вера резко отпрянула от перил и, ни слова не говоря Лиде, зашагала куда-то наугад, не выбирая направления.

— Подожди, ты куда?! Вера!

Но Лида опоздала. Вера взяла серьезный, бескомпромиссный темп, набрала скорость, которая только подтверждала правильность сделанного ею выбора. Она становилась легче, свободнее и неожиданно злее. Вот только бы уехать отсюда поскорее. Но как? Не на Лидином же «опеле»? Ждать автобуса? Не выход... Такси. Конечно, такси! Вот она и вспомнила его, как раз сейчас он ей был нужен. Иоганн Себастьян Бах, Сергей. Да, Сергей. Как там было? «Вам назначена белая “Хендэ Солярис”». А дальше... номер какой? Восемь, девять... Нет, девять, шесть... Забыла, пароль забыла! Попытаться тем же голосом произнести про себя: семь, девять... Нет, не то. Как мне именно его заказать? Разве это возможно? И не узнать, не позвонить — все невозможно глупо, все бессмысленно.

На улице полноценная ночь, липкий снег, радужные звезды освещения в глазах и много-много морозного воздуха, которым не надышаться.

Дошла очередь и до Галки Обойдиной. Добралась и до нее судьба в один из декабрьских дней, заполненных ожиданием праздника. Случаются такие дни, когда у человека вдруг открываются глаза и ему становится больно видеть. Это зрение внутреннее, связанное со слухом. Иногда лучше чего-то вообще не слышать и пропустить мимо ушей. А тут неожиданно для Галки выпала такая минута, и она сразу много важного услышала и узнала о жизни и неизбежно заглянула внутрь себя.

Утренник в детском саду — самый обыкновенный для нее рабочий выезд. Новогодняя елка, украшенная гирляндами лампочек и дождя, детский гомон. Надували мыльные пузыри, раздавали подарки. Галка порхала в костюме бабочки; в их команде аниматоров были еще кот с усами, злой волк и волшебница фея. Кот разглаживал усы и мурлыкал, волк был не злой, а скорее прикольный, волшебница фея загадывала посильные загадки. Все шло своим чередом, водили хороводы, пели, и дети спрашивали у Галки: «Тетя, а вы когда к нам еще придете?»

Словом, утренник удался, но тетя бабочка внезапно почувствовала себя лишней и даже какой-то нелепой. Ей мешали крылья, ей стало казаться, что она не вписывается в габариты. Большая такая, неловкая бабочка, крылья — как опахала. Какой неудачный персонаж! Почему именно она стала бабочкой? Почему ей не предложили, например, волшебницу фею? А ведь раньше ее все устраивало, и она никогда не задавалась подобными вопросами.

«Тетя, а волк может съесть кота?» Не знаю, ох, не знаю, я теперь ни в чем не уверена. Меня, по-моему, давно уже съели. Какая громоздкая и неуклюжая бабочка, просто предмет мебели. Крылья — всего лишь бутфория, фикция, они не позволят взлететь. Что мешает мне обрести подлинные крылья?

Она решила, что на самом деле изображает неудачницу, прикованную к земле, которая порхает только на словах. Габариты — вот еще пробле-

ма; почему-то именно сегодня она стала чувствовать, как задевает все вокруг при каждом движении. Нет, она не фея, и никогда ею не была. Зачем ей играть? Во что? Вот это и есть ее роль? Тесно, пусто и напрасно.

Какой-нибудь шутник, взявшийся оценить ее наряд со стороны, заключил бы, что она больше похожа на доброго слоненка, потерявшего маму, чем на бабочку. Но такого шутника среди публики не объявилось, а были дети, которые были увлечены подготовленной для них программой и никаких фантомных несуразностей не замечали.

Продолжение последовало, когда Галка возвращалась с работы домой.

Она подошла к остановке, чтобы сесть в троллейбус, и случайно подслушала разговор двух пожилых женщин, неспешных и представительных дам, прогуливающихся, насколько это возможно из-за обильно выпавшего снега, под руку. И всего-то несколько слов прозвучало, когда одна втолковывала другой как прописную истину: «Старость наступает тогда, когда начинаешь вспоминать, вернее, когда только и остается, что вспоминать...» На вид они были не такие уж и старые, тепло одетые, и даже с неким изыском в виде клетчатых брюк у одной и причудливой шляпы, расписанной черно-белыми цветами, у другой, но на Галку от этих слов повеяло какой-то неожиданной печалью, словно ледяное дыхание зимы уравнило ее с ними, слишком доверительно прошептав: «Как все близко и как неизбежно».

Потом в троллейбусе она услышала, как сидящая сзади нее женщина разговаривает с кем-то по мобильному телефону: «Тебе хорошо, у тебя дядя Слава умер. Когда у Ларисы кто-то умрет, у нее тоже все будет хорошо». Нет, Галка не ослышалась, именно эти слова были сказаны. Лица женщины Галка не видела, просто не обратила внимания, когда занимала место. Судя по голосу — старше ее, возможно, что возраста пенсионного. Тон — элегически-язвительный. С кем она говорила? Что там у них произошло? Обернуться Галке было неловко, оставалось только строить предположения, тем более что в ответ на ее заинтересованность дальше последовало продолжительное молчание и два ничего не проясняющих коротких подтверждения «ну да» и «конечно». Разговор закончился, на следующей остановке салон троллейбуса заполнился людьми, сзади уже раздавался надсадный мужской кашель, смеялись подростки, неопознанная женщина исчезла.

Странное сочетание слов «хорошо», «умер», «умрет» и опять «хорошо» поразили Галку. Как такое возможно? Оказывается, кому-то может стать хорошо, если кто-то другой умрет. В чем там была причина? Избавление от болезни? Получение наследства? Что-то другое? Просто так хорошо не может быть, хорошо может стать, если только кто-то необходимый для этого умрет. Хорошо может стать только за чей-то счет. Если в одном месте убыло, то где-то сразу и прибыло.

Вопрос для Галки был неразрешимым. В темных прогалинах на посеребренных морозом окнах троллейбуса проявились знакомые уличные огни — пора было выходить. Скрипучий снежок привел Галку к новой встрече — недалеко, сразу у табачного киоска. Две барышни-студентки, не ошибешься, сосульки-худышки в высоких вязаных шапочках и куртках-пуховиках, отливающих стеклом, толкуются вокруг да около, подначивают, хихикают и обсуждают что-то, и вот одна из них восклицает: «Нет, ну прямо девочку из себя ломает!»

К Галке это не имело абсолютно никакого отношения. Но с ней на этот момент уже что-то произошло — достаточно было сделать еще один маленький шагочок, поднести спичку или наоборот дунуть на пламя, чтобы связать случайные части в единое целое и ухудшить свое состояние. Бро-

шпенный двадцать лет назад в урну окурков в неожиданно вспыхнувшей памяти может угодить тебе прямо в лицо. Закатное солнце, зацепившееся за верхушки сосен, вдруг напомнит тебе, что десять лет назад ты уже обещал себе быть другим человеком. Хромающий с мусорным ведром сосед во дворе подскажет, что он точно так же в этот же час хромал пять лет назад, хромал и раньше и еще будет хромать, пока хватит сил, пока не наступит конец.

На Галку давил невидимый каркас неудачно придуманной роли, и ведь она сама на нее согласилась, ей так было удобно — по крайней мере, до последней минуты. Она была скована. К вечеру утро окончательно с ней справилось. Несколько слов, взглядов, движений — все сошлось и произвело на нее странное действие. Настроение упало до самой высшей точки смятения. Она была раздосадована еще раньше — после встречи в кафе с Альховской и Бесединой. Антон, Кристина, Аркадий — все было странно, но самой странной была она сама.

Нет, так больше нельзя. Надо начать новую жизнь. Немедленно. Ей хотелось бежать. Но куда? Во всяком случае, она так разволновалась, что ускорила шаг. Ее нетерпение было готово обнять весь мир.

Нужно поменять все.

— Галя! — позвал ее голос.

Она шла ему навстречу или удалялась от него? Ей показалось, что ничего нет.

— Галя! — ее снова окликнули, и она остановилась.

Кажется, это из машины, остановившейся у края тротуара. Ближе к ней пустое место рядом с водителем. Но кто склонился над рулем и повернул голову в ее сторону? Расстояние продолжало обманывать и защищать неузнавание. Галка прищурилась, водитель вылез на улицу, выпрямился и сразу стал ростом с Максима Друганова. Вот попробуй его узнать в такой ситуации. Если бы он был в привычной компании, у Зулусова на даче или у него дома, а так неожиданность.

Он обошел машину спереди, улыбнулся.

— Не узнал тебя. Думаю, она или не она? Ты прямо одухотворенная какая-то... Мне показалось, еще чуть-чуть и взлетишь.

— Правда? — Она улыбнулась, а что еще ей оставалось делать? Как он это в ней увидел — вот что ее удивило.

— Ты куда? — спросил он.

— Домой.

— Так я могу тебя подвезти.

— Не стоит. Мне тут недалеко.

— Ну и что? Мне это несложно. Куда ты по таким сугробам — это же неудобно...

Довод был убедительным, и сам Максим убедительно выглядел: мягкая замшевая куртка, густые темные волосы — легкий ветерок их шевелил настойчивой, почти морской тягой.

— Садись, а то холодно.

Он открыл дверцу своей «тойоты» и приветливо кивнул внутрь.

— Кстати, а ты Новый год где встречать будешь?

— Новый год? Еще не знаю.

Она села и вдруг сразу все позабыла, исчезли и тесный каркас, и ее смятение; бабочка успела выпорхнуть в приоткрытое окно, а волшебница фея промолвить: «Не надо ничего себе обещать, прощай!», и это не было ее очередной загадкой.

ЛИЛЯ С ДВУМЯ СУМКАМИ

Вот и отшумела новогодняя ночь с беспорядочной разгульной канонадой, с взрывами петард, с визгливым пением ракет, с разноцветными букетами фейерверков в темном небе. Прокричали «ура!», пропели хмельные песни, отсмеялись и отплясали. Барахтались в снегу, катались на санках, хлопали шампанским.

Алла Альховская, как и намеревалась, вместе с Игорем Истоминым отправилась через Выборг в Финляндию, имея конечным пунктом Лапландию. Какие там были олени, видела ли она северное сияние, об этом доподлинно ничего неизвестно. Зато наглядно можно было убедиться в том, что по возвращении у нее под левым глазом оказался синяк, который она скрывала за темными стеклами очков. Можно было подумать, что солнцезащитные очки ей нужны для того, чтобы избежать снежной слепоты во время пребывания в горах, как если бы она каталась на лыжах где-то в Альпах, на деле же все оказалось намного проще: синяк ей поставил — кто бы мог такое предположить? — Игорь Истомин уже на обратном пути, прямо в гостиничном номере в Выборге, и совсем не случайно. Причиной послужило то, что Алла излишне долго любезничала со случайно подвернувшимся ей в холле финном; одно это уже вызывало неизбежные вопросы: а что же до этого, в самой Финляндии, совсем не было для нее финнов, и как же Игорь — терпел, что ли, все это время, а тут вдруг, уже в России, терпение его лопнуло, и он не выдержал?

История была темная, ясно было только одно, что финн действительно был, синяк тоже наличествовал, а еще вслед за синяком и из-за него, конечно же, неожиданно вскрылся обман, который Игорь Истомин устроил для всех. Оказалось, что ни в какой американской тюрьме он никогда не был, а придумал он это для того, чтобы придать себе ореол загадочности и исключительности, чтобы все говорили о нем и восклицали: «Надо же, сидел в американской тюрьме!» Это же один-единственный такой в округе, попробуй еще найди. Это уже отметка ему поставлена особая, узнаешь про него — никогда не забудешь. Как бы там ни было, а поездка в Лапландию для обоих закончилась плачевно: Алла и Игорь вдрызг разругались и расстались. Алла осталась с фингалом под глазом, а в отместку развонила по всем знакомым о его фантастическом вранье. Игорь же, как полагается разоблаченному в нечистоплотных махинациях, где-то на время затаился. Наверное, в каких-то более серьезных кругах речь шла бы о подмоченной репутации, но в этом кружке как бы никаких репутаций в виду не имелось; самое большее, о чем можно было бы заявить, и в таких, примерно, выражениях, — всего лишь о «розыгрыше», «затянувшемся недоразумении», «шутке» или еще нечто подобном, всегда имеющимся про запас в арсенале схваченных за руку любителей придать себе лишнего весу.

Паша Приставкин растворился вместе с женой Ириной в театральном капустнике, и домой его доставляли по какому-то особому патрульному расписанию в образе подгулявшего морячка. Ирина представлялась заботливой сестрой милосердия в белом накрахмаленном чепчике столетней давности. Паша шарил рукой по своей лысой голове и искал бескозырку, которой у него не было. Обнаружив на улице рядом с собой Ирину, он глядел на нее непонимающим взглядом и тоскливо спрашивал: «Я ра-

нен?»), а она отвечала без какого-либо сочувствия: «Нет, ты убит!» С клоунадой было покончено ближе к семи часам утра.

Не так весело было в ночном клубе, где диджействовал Егор Коновалов. Вернее, там все проходило по порядку, в рамках и без разгула. Когда Оля Беседина зазывала Галку Обойдину на встречу Нового года, ею двигало простое желание помочь. Она почему-то решила, что Галка останется в одиночестве и потому необходимо ее из него вызволить, но та пришла не одна, а вместе с Максимом Другановым, что выглядело более чем неожиданно. Неожиданность была не в самой фигуре Максима, а в том, что он ухаживал за Галкой, это бросалось в глаза. По некоторым деталям в отношениях между ними — посвященные улыбки, особые взгляды, подчеркнутый смех — легко было догадаться, что отношения эти уже и близкие, совсем свежие. Однако Оле Бесединой гадать не хотелось, она недолго удивлялась и с глуповатым облегчением порадовалась за них. Что же касается Егора, то он никаких изменений не заметил, у него были дела поважнее. Неизвестно, что имела в виду Оля, когда говорила Галке, что Егор на Новый год будет «зажигать». Это слово оказалось слишком энергичным для ночи. Егор «зажигал» как-то вяло, без упоения. Упоение если и было, то в его служении самому себе за диджейским пультом. Вполне самодостаточная единица. С профессиональной отрешенностью он подрагивал головой и приплясывал в такт. Громкий звук, вколачивающий в голову собравшихся в зале две-три примитивные, однообразные ноты, подавил всякую надежду на праздник. Оле только и оставалось, что переспрашивать и тянуться к Галке и Максиму через весь стол, чтобы хоть как-то общаться. Получалось принужденно и натянуто.

У Веры вышло еще хуже. Подруга Лида ничего ей не обещала по понятным причинам, тем более что возможность спасти ее у Лиды имелась самая крошечная: она-то надеялась успеть Веру с кем-нибудь познакомить и тем самым решить проблему вступления в Новый год и новую жизнь, но ее затея ни к чему путному не привела. Пригласить Веру к себе домой, в семью, было как-то неловко. Выглядело бы это нарочито, да и самой Vere оказаться в таком положении, о котором можно было подумать, что ее приютили, потому что ей просто больше деваться некуда, не было желательно. К тому же оказалось, что Лида с мужем приглашены в какую-то незнакомую Vere компанию, где мужу надо обязательно быть, там у него какие-то дела, связи, многолетние контакты, и о том, чтобы отказаться, не могло быть и речи... Лида не оправдывалась, но вот так, к сожалению, все складывалось. И зачем отказываться? С чего бы это? У людей своя жизнь, а у меня ее теперь нет. Я ее потеряла, выпустила из рук. И кто же мне виноват? А тридцать первого декабря, уже под вечер, когда у большинства людей все решено и определено — у кого и с кем, раздается телефонный звонок. Вера берет трубку и слышит голос Светы Другановой, теперь уже бывшей Другановой: хочу, говорит, поздравить тебя с Новым годом и пожелать тебе всего, всего и всего до бесконечности, — голос удивительно бодрый, беспечный, непонятно даже, кто бы еще мог говорить подобным голосом, если сложить в голове весь образ Светы, всю картину произошедших с ней событий. Для Веры это было непостижимо — как просто, оказывается, можно жить, не обращая ни на что внимания и не задумываясь. И она вдруг расплакалась — сразу после вопроса Светы, заданного тем же бодрым, приподнятым, праздничным, новогодним (каким еще?) тоном: как ты? Держалась, держалась, и словно кто-то подножку

ей подставил, — рухнула. Ну что? — забеспокоилась Света. Что случилось? — это она спршивала Веру, а у самой-то ого-го что случилось! И как это понять? «Прекрати немедленно! — уже и командовала она. — Давай собирайся быстро, ноги в руки и ко мне. Я все равно одна дома, никуда не пошла, нога сегодня что-то ноет...» Ну да, у нее же нога, она, кажется, с палочкой пока что ходит, если ходит, но не на костылях, кажется, а ною я... Ну как мне вот такой же стать? Когда научусь? «Давай, давай! Что тут ехать? Жду!» Еще и подгоняет. Ко мне — это значит «у мамы». Мама у соседки. Света сама открывает дверь, а кто же еще? Ноги на месте. «Пора шампанское доставать». Деятельная. И пошла к холодильнику — не так скоро, медленно, заново проходя обучение, но все же пошла. И могла ли я подумать всего лишь час назад, что вот таким образом буду встречать Новый год? И главное, с кем? «Ты селедку под шубой будешь?» Вера вздохнула и сказала «да».

Геннадий Семенович вернулся с Ближних садов на квартиру. Был соблазн встретить Новый год на даче, идея более чем уместная среди белоснежных пейзажей и у подросшей ели, но его жене Рите-Маргарите захотелось приобщиться к цивилизации; она не любила уединения, тихо падающего за окном снега и тишины — все это приводило ее в уныние и вызывало зевоту; ей нужны были оживленные разговоры, веселая музыка и настроенная бурлящей через край жизни. За ними она собралась на улицу, в парк, в самую гущу предновогодней суеты, но Геннадий Семенович по своему обыкновению успел напакостить: перед самым выходом, воровато теснясь на кухне, приложился к бутылке и испортил ей настроение. Казалось бы, ну что тут такого? Начал загодя отмечать, провожая старый год, в день не рядовой, не рабочий, имеет полное право, но Риту это вывело из себя, — Геннадий Семенович нарушил порядок, последовательность шагов, ну никак он не может без этого, к тому же сразу виновато заулыбался, понес какую-то чушь... Разве можно с таким выйти на люди? Позору же не оберешься, еще в какую-нибудь историю попадешь. Рита в сердцах плюнула на все его дурацкие ужимки (уж подгадил так подгадил, в кои-то веки хотела по-человечески Новый год встретить, с мужем!) и отправилась к очередному любовнику, который уже и сам, еще за неделю до этого, предлагал ей встречать вдвоем. Кончилось тем, что Геннадий Семенович безобразно напился с горя и бой кремлевских курантов прослушал в таком беспробудном сне, что никакая пальба под окнами, не смолкавшая до самого утра, не могла заставить его проснуться. Первого января он встал днем исключительно по потребностям организма, потом вернулся, пошатываясь, к дивану и долго почесывал свою дурную голову, пытаясь понять, что же вчера произошло и что он тут делает в одиночестве. Так ничего и не придумав, он сообразил отправиться на Ближние сады — там ему лучше думалось, и приятий в норму на свежем воздухе было намного легче. На даче он сразу очнулся для обыкновенной человеческой жизни без понуканий и дозора. Ему достаточно было находиться под душевным присмотром своего соседа Петровича — строгого, справедливого и доброго нравом пенсионера-индиго, носившего в иные дни непонятную и загадочную для Геннадия Семеновича фамилию Вомбатов-Вьюжин. Петрович вышел к нему навстречу по очищенной от снега садовой дорожке, в валенках и добротной, сохраненной расчетливым затворничеством, темной поддевке. Воздух над его непокрытой головой

дрожал от домашнего тепла. Мороз в этот день отпустил, сбавив обороты, и на деле стоял легкий, бодрящий морозец, щекотавший ноздри и давший атмосфере задышать. Потянуло дымком, Геннадий Семенович сглотнул и расчувствовался. Петрович еще немного по-хозяйски похрумкал валенками, верно оценил ситуацию и предложил: «Чай будешь или кофе?» — «Воды, — ответил невольный страдалец, — только воды. Мне угли залить — душа просит». — «А больше тебе ничего не надо? — пробурчал Петрович. — Ладно, пошли в дом, оглоед».

В Москве пропасть проще простого. Так и случилось с Аркадием Зулусовым. Москва до боли в глазах замигала огнями, загудела вселенским транспортным гулом, навалилась тяжелой грудью кварталов, и снова закружилась голова. Все знакомое и все новое, чужое. Зулусова словно затянуло в воронку. Пошли разговоры о новых проектах, о небывалых возможностях и даже о возвращении. А почему бы и нет? Все острые углы сглажены, темные места растворились без остатка, никто уже и не помнит, почему ему надо было покинуть столицу, в чем причина его исчезновения со всех информационных площадок, да он уже и сам не помнил до такой степени, что сумел себя в этом убедить. А что было-то? Ничего ведь и не было! Какие-то нерешенные вопросы с финансами — так это не к нему, это к главному бухгалтеру, пусть с него и спрашивают, если найдут, конечно. Подался в бега? Пусть соответствующие органы разбираются. Его не трогают, ни на что не намекают, и только одна тема проходит тенью на всех встречах и в разговорах, только она на первом месте: достаточно ты насиделся в провинции, все позабыто (однако как быстро это произошло!), пора выбираться обратно и отметить хорошую премьерой. И он воспрянул духом, а тут еще Лиза Эль Греко подвернулась — по одним местам ходили, компании проверенные, старые... Или нет, это же с нее все и началось, он уже запутался. Ну, конечно, и завертелось, цепляя одно за другое. Тут уже сложно устоять. Какой-то неожиданный туман и инфантильное клиповое сознание и мышление. Обещания. Попытка ухватить сразу многое. За успех надо расплачиваться. Провал. Кристина оказалась вне игры. А разве это была игра? Андрей, Андрейка — детская игра. Вот как это можно разом все стереть из памяти? Или нельзя? Выключил свет в комнате и вышел, стараясь остаться незамеченным. Пока все спали. Какая ерунда... О похождениях Аркадия Зулусова в Москве, или, если не пользоваться домыслами, о его жизни в эти дни в столице, ничего доподлинно известно не было. И кто бы мог о них или о ней поведать, кроме него самого? Но от него никаких свидетельств представлено не было. Слухами земля полнится и ими же оскудевает.

Про Антона известно было намного больше. Он был воодушевлен своим новым состоянием и положением. Его обуяла неожиданная жажда деятельности, как если бы он прежде находился в какой-то ленивой дреме, а теперь вдруг ринулся что-то доказывать. Впрочем, можно было догадаться, кому именно он взялся доказывать, даже если и не держал это в уме, а ведь он действительно меньше всего об этом думал, разве что самую малость, как о некоем реванше и глубоко запрятанном желании показать, что он не пропал. Его теперь совсем другие проблемы заботили. Кристина, Андрей, Новый год. Как ей поступить? Что сделать? Она не могла разорваться на части, надо было выбирать и соглашаться на что-то одно. Андрей временно жил у матери Кристины. Он уже спрашивал:

«А где папа?» Крестине не пришлось ничего сочинять в ответ. Папа один раз сам до него дозвонился и рассказал, что уехал по делам в Москву, поживет там еще какое-то время, а потом обязательно вернется обратно с подарками. Интересно, думала Кристина, глядя на обрадовавшегося сына, сколько еще времени можно протянуть таким образом, ведь рано или поздно обман вскроется. Сын успокоился на несколько дней, но перед Новым годом беспокойство снова взяло верх: «А папа придет?» Кристина не знала, что ей сказать. Бабушка Андрея тоже ничего не говорила, а только вздыхала; не вслух, про себя, она не одобряла поведение Кристины. Собственно, свое мнение по поводу всей этой истории она уже высказала раньше и с тех пор его не меняла, склоняясь к тому, что ее дочери надо бы поумерить свою гордыню и подумать о ребенке, а значит, о возможном примирении, иначе тут ведь деваться просто некуда. Чтобы создать видимость продолжения прежней жизни для сына, Кристина подтвердила все «папины заверения», добавив, что он задерживается и вот-вот скоро уже освободится от своей работы. А пока что он шлет обещанные подарки — машинку и конструктор, — которые Кристина с Антоном заранее подготовили; Андрей обрадовался, отвлекся, отсрочка была продлена, но неизбежной развязки все равно было не миновать. И что дальше? Когда-то — и что значит это «когда-то», ведь это уже снова «вот-вот» — надо будет сказать Андрею правду и надо будет познакомить его с Антоном. Или с «дядей Антоном»? Как это глупо звучит... Или не надо знакомить? Нет-нет, она просто не могла сейчас об этом думать, именно сейчас это невозможно.

У нее голова шла кругом. Тридцать первое декабря. Снежная горка, санки, снежки, лопатка, снеговик — от этого расписания отклоняться нельзя. Смех, раскрасневшиеся полные щеки, шарф под подбородком, завязанный на дальний поход, мокрые варежки. Андрей набегался, накатался, наигрался и устал. «А когда Новый год?» Подожди, сейчас прочитаем сказку, ложись в кровать, отдохни. Вот послушай: жили-были в одном далеком королевстве забавные-презабавные существа, у которых не было названия... Кажется, уснул, а когда проснется, узнает, что в гостях у него был Дед Мороз. Вечер переходит в ночь. Получилось. Кристина звонит Антону и начинает лихорадочно собираться. Мама бросает ей в спину с ехидной укоризной: «Ты домой-то придешь?» А вот это она напрасно, я таких шуток не понимаю. Пусть думает, что хочет. Она не заставит меня сорваться. Не надо нервничать, спокойнее. У Антона тоже есть мама, перед самым Новым годом она вернулась домой из поездки к подруге. Ее затянувшиеся путешествия закончились, а потому Антону надо было срочно съезжать с родительской квартиры и подыскивать себе другое место жительства. Но если Зулусов по-прежнему находится в Москве со своей певичкой, а квартира, в которой они вместе жили, остается пустой, то самым естественным предложением будет... Нет, не будет, подумала Кристина, даже представить противно. Дача? Еще один немудрый и такой же противный вариант. А вот еще заявится вдруг хозяин... Просто гадко. Ничего этого озвучивать она не стала, а Антон, даже не догадываясь о подобных соображениях Кристины, снял квартиру, и теперь она, защищаясь рукой от поднявшегося ветра, спешила по новому адресу.

Да, Антон снял квартиру. А как иначе он мог поступить в сложившихся обстоятельствах? Он и так держался до последнего. Как ни в чем не было продолжать морочить голову матери представлялось невозмож-

ным. Должна же она была, в конце концов, узнать о том, что он расстался с Верой? И она узнала. Без Антона, естественно. Он вовремя съехал, чтобы не присутствовать при собственном разоблачении. Само собой разумеется, что в преддверии Нового года мать позвонила Вере, и то, что ей открылось, вызвало у нее сильную головную боль. Два дня она пребывала в расстроенных чувствах, а на третий, погасив в себе раздражение и злость на сына, пригласила его к себе самым обыденным тоном, чтобы не вызвать подозрения. Антон приехал в некотором удивлении — как, неужели она еще ничего не узнала? — и все же несколько настороже, не вполне доверяя ее внешне беззаботному и миролюбивому голосу. Но только так, продолжая играть в неведение, она могла заманить его к себе. Ей было бы недостаточно скорых и поверхностных объяснений по телефону, она хотела посмотреть ему в глаза. Екатерина Дмитриевна была обижена на сына: как он мог столько времени дурачить ее? Не вдаваясь в особые подробности, Вера сообщила ей, что Антон встретил другую женщину. Она отказывалась это понять и принять. Как это «встретил»? Надо же, что выдумал! Я ему покажу «встретил»... Екатерина Дмитриевна была полна решимости вернуть все и всех на прежние места. И она без обиняков заявила Антону, что «яблоко от яблони недалеко падает», имея в виду его отца; ну, конечно, просто «два сапога пара», если он такое вытворяет, вот это устроил, нечего сказать, порадовал, а я-то, как дура, спрашиваю его: как вы там, все у вас нормально? Самой последней узнаю...

«Вот только это ты и можешь мне сказать? — неожиданно ошетинился Антон. — Про два сапога и яблоко? Только эти прибаутки?»

«А ты что хотел от меня услышать? — опешила Екатерина Дмитриевна. — Мне тебя похвалить, что ли? Ты вообще думаешь о чем-нибудь?»

«А ты думаешь, мне легко?» — не сдавался он.

«Ты смотри какой! — удивилась она. — Ничем его не уязвить! На все ответ найдет... Ты мне лучше скажи: кто она? Ты в себе ли? Решил поиграть? Такими вещами не играют, ты это понимаешь?»

«Слишком много вопросов».

«А ты как хотел? Я тебе не позволю разрушать семью!»

«Поздно».

«Что значит «поздно»? Не говори ерунды! Ты удивительно безответственный человек... Господи! Ты себе какую-то дурь вбил в голову...»

Это был бессмысленный разговор. Они не могли ни о чем договориться.

Между тем, в том, что ему больше не надо было прятаться, нашлись и положительные стороны. Минуты объяснения, конечно же, были тяжелыми, неприятными, но одновременно странным образом ему стало легче. Антон зашевелился. Именно теперь, когда все открылось, он стал действовать. Больше нечего было ждать, нечего оттягивать. У него ведь появилась Кристина, и надо было жить дальше. Да, надо просто жить — вот вдруг какая мысль посетила его. Надо начать с чистого листа, ни о чем не задумываясь, а там будет что будет. И кто заранее сказал, что будет обязательно плохо? Наконец-то нашлось применение тем самым деньгам от продажи бабушкиной квартиры, из-за которых, собственно, у Антона возник первоначальный конфликт с Верой. Вопрос вложения средств в какое-нибудь дело отпал. По объявлению в Интернете Антон снял однокомнатную квартиру в Березовой роще: рядом парк «Динамо», Кристине понравилось. Она переехала к нему с горячей поспешностью, с точно таким же желанием действовать и обрести опору, обустроивая и налаживая какой-никакой быт нового жилья, пытаясь сосредоточиться на «тихой

жизни вещей». Она была как в лихорадке, собственно, она продолжала в ней находиться с той самой минуты, как встретила ночью Антона.

Встреча Нового года вдвоем была радостным мгновением, вполне удачной попыткой забыться — все эти ракеты и вспышки в небе с морозными визгами и ликующими криками прохожих оживляли и заслоняли темные и непроясненные моменты создавшегося положения. Они стояли у окна и смотрели на картину той жизни, в которой хотелось задержаться подольше. Скорее всего, они не имели к ней никакого отношения, но надо было соответствовать общему настроению, надо было стараться не падать духом. Открывшийся за окном мир был расцвеченной ночной сказкой, приветствием новому отсчету дней и приглашением к неизбежному продолжению того, что у них между собой по стечению обстоятельств сложилось. В такую минуту загадывают желание. И они его загадали, свято веря в исполнение: два бокала в руках, одна общая мысль, в пузырьках шампанского искрится надежда. Согрелись чувства, которые еще недавно было показались робкими, словно застывшими в осознании всей навалившейся громады уже принятых и будущих решений, и сразу стало легче — теперь можно было гулять и тоже веселиться. А потом начались звонки.

Первым, сразу после полуночи, на мобильный телефон Антона позвонил Паша Приставкин. Антон немного помедлил, прежде чем ответить, как бы давая звонку набрать силу и утвердиться.

«Привет! С Новым годом! — голос у Паши был воинственно-пьяный, заряженный какой-то недоступной Антону пошлостью, явно взявшей начало еще в прошлом году и окончательно одержавшей верх над Пашей в суеде праздничного безобразия. — А у нас тут карнавал!»

«Не сомневаюсь», — сухо ответил Антон; ему как-то не было нужды попадать в заявленный Пашей тон.

«Веселимся, как можем! Слышишь?»

«Паша, конечно, слышу». Рядом с его голосом толклись еще какие-то голоса, что-то упало, и из затаенного угла грянул оркестровый марш. «Еще бы не слышать». Антон взглянул на Кристину и улыбнулся, пожимая плечами.

«Я тебе всего желаю! — неожиданно вздохнул Паша. — Понимаешь, всего! Это ведь не просто так — я же вижу... А ты молодец, тебе повезло... Хотя всего ты не понимаешь и не можешь понять — куда тебе... — Он снова вздохнул и принялся плести такие запутанные кружева, что понять что-либо стало невозможно. — Но ты все равно молодец, хотя... Я ведь между двух огней нахожусь, ты ведь ничего об этом не знаешь... да и зачем тебе об этом знать... Тебе проще, это только кажется, что сложно, а на самом деле проще... Я тебе сейчас об этом потому говорю, что мне это надо тебе сказать. Мы ведь не просто с тобой так... знаешь, как это — привет, алы-балы, пока и все!.. Мы сколько лет знакомы, правда?»

«Правда», — сказал Антон.

«И ты скажи мне: разве можно это так просто зачеркнуть? Вот так, чтобы как будто ничего не было? Совсем?.. Сколько лет знаем друг друга. А тут эта история — и как быть? Вот какой мне надо вид сделать, а?» — Бессвязную речь Паши оттеснил более свежий голос Иры Приставкиной: «Ну и видок у тебя, набрался выше ватерлинии. Как теперь поплывешь?» Она продолжила, уже обращаясь к Антону: «Поздравляю с Новым годом!» Паша, не уступая, сопротивлялся: «Нет, ну почему?» Ира: «А потому... С Новым годом!»

«Да-да, — сказал Антон, — я слышу... Я тоже поздравляю!» И тут же снова прорвался запинаящийся голос Паши: «Нет, а почему я не могу даже слова сказать? Что ты мне запрещаешь? Вот еще...»

«Очень он тут развеселился, из берегов вышел, — пояснила Ирина. — Мы в театре отмечаем».

«Я понял».

«Да ничего он не понял! Ему сейчас не до этого, — вмешался Паша. — Ты мне скажи, Кристина сейчас с тобой? Вы вместе?»

«Прекрати, — сказала Ирина и добавила примирительно: — Как раздухарился наш матросик, не останавливай!»

«Подожди, а что я такого сказал?» — не унимался Паша.

«Господи, да ты уже все сказал...»

«Вот еще!»

«Берега потерял!»

«Я...» — замешкался Антон, соображая, что ему нужно ответить, но только и услышал, как Ирина повторила своему мужу: «Хватит уже, пойдем», и на этом связь оборвалась.

Антон так и не понял, почему Ирина называла Пашу матросиком. «Разузнали — этого следовало ожидать, — недовольно подумал он. — Не могло же такое оставаться тайной. Будут теперь донимать своим любопытством». И тут же отвлекся. На подоконнике стоял игрушечный стеклянный домик, принесенный Кристиной, — ночник со сказочно опущенной снегом двускатной крышей, с горящей внутри, за двумя окошками, лампочкой-подсветкой, создающей ощущение домашнего тепла и уюта.

Кристина приставила ладони к домику, как бы обнимая его, а потом повернула голову к Антону и улыбнулась. Она словно держала в руках модель возможного и желанного мира вдвоем. И Антон вдруг увидел, что она смотрит на него теми самыми далекими глазами из детства, глазами, которых он не знал, а она знала его уже много лет, знала и помнила, и это, главным образом, все решило в его пользу, ведь так можно было поверить в судьбу; вот только не догадывалась она, что он совсем другой человек, который... но нет-нет, протянуло его холодком, я ни за кого себя не «выдаю», у меня нет таких целей, это не тот случай, так совпало, и в чем я теперь должен ей признаться? Он просто должен соответствовать этим глазам. Их нельзя обмануть. А она «и представить себе не могла», что когда-то снова встретит его. Вот об этом никак нельзя забывать. И разочаровывать ее не надо. Раз так вышло — правда неуместна.

Следующий звонок предназначался Кристине — на ее смартфоне высветилось улыбающееся лицо Галки Обойдиной. Ее голос сразу же задышал небывалым счастьем. К естественному новогоднему поздравлению она совершенно машинально, по стандартной накатанной колее, как бы в продолжение, не задумываясь, добавила пожелание «нового счастья». Прозвучало довольно двусмысленно, но Галка при этом никакой неловкости не испытала, потому как злого умысла в свои слова не вкладывала. «С новым счастьем!» — не самое странное выражение. К тому же выглядело это примерно так, как если бы где-то в рабочей среде, объявляя перерыв, выкрикнули: «Перекур!», но ведь это ни в коей мере не означало бы приказа всем без исключения курить. Или сказали кому-нибудь при встрече: «На ловца и зверь бежит!» Уже надо обижаться? Или совсем уж просто: «Как оно?», а при расставании: «Ну, давай, бывай!» Что? Куда? Зачем? Да ничего не надо объяснять, все и так понятно. Некоторые слова теперь вовсе ничего не значат, а употребляются просто так, лишь бы не

промолчать. Счастье же вообще состояние весьма эфемерное и не зависит от категорий новизны: оно либо есть, либо его нет.

Галке непременно надо было изобразить компанию, и она ее изобразила:

«А у нас тут веселье в самом разгаре! Мы в ночном клубе отмечаем».

Впрочем, ей не было никакой необходимости что-либо пояснять. Ее восторженный голос ритмично бомбила тяжелая подземная музыка, эхо которой отдавалось тусовочным размахом. Галка верещала как могла — и из самых лучших, праздничных побуждений, и от обостренной жажды доказать, большое себе, наверное, что она беззаботна, успешна и желанна.

«Я из зала ушла, чтобы поговорить с тобой, иначе ничего не услышать. Там Егор на танцполе зажигает. Просто безумие какое-то... Как он не оглохнет, хоть и в наушниках своих? Оле хоть бы что, сидит за столиком... А я тут у туалета... — Она засмеялась. — Только тут и можно более-менее поговорить. Ты меня слышишь?»

«Да слышу очень хорошо», — обнадежила ее Кристина.

«Ну вот, а я с Максимом приехала. Мы вчетвером», — сообщила Галка, и Кристина поняла, что именно для этого она позвонила. Максим. Почему Максим? Каким образом? Выказывая непонимание, можно уточнить — на всякий случай.

«Это какой Максим? Друганов, что ли?» — невольно вырвалось у Кристины; вышло даже с некоторым пренебрежением, которого Галка не заметила.

«Да, он», — выдохнула она, словно ее вынудили сделать признание, а она, вот так вынужденно признавшись, тем самым одержала неожиданную победу и, конечно же, еще раз «доказала».

«Понятно».

На самом деле, ничего не понятно. Хотя новогодняя ночь не может обойтись без сюрпризов. Она не одна, она теперь с Максимом. Кристина хорошо знала Максима, и ей это было удивительно. Что это? Почему?

«А ты? — спросила Галка. — Ты с Антоном отмечаешь?»

«Да», — спокойно ответила Кристина и параллельно ответила на его случайный взгляд, тронув губы улыбкой и пожимая плечами.

«Ты извини меня, если что-то не так... Но я тебя понимаю, вот только сейчас тебя поняла. Все ты правильно сделала, не сомневайся...»

«Галя, а я и не сомневаюсь».

«Я так за тебя переживала. Ну вот как он мог так поступить! У него глаз, что ли, совсем нет? Придумал тоже... Лучше ему от этого не станет. Убрался в свою Москву, ну и пусть... Я хочу пожелать, чтобы у вас все получилось, чтобы вам ничто не помешало, чтобы вы...»

Галку было не удержать, ее посторонняя, лобастая убежденность только крепла с каждым произносимым словом.

Неожиданно громкая музыка надвинулась из далекой темноты, противно закрипела дверь, увеличилась и размножилась до одобрительного крика чужие голоса, и все попытки Галки пробиться сквозь их строй утонули в забурлившем гвалте, ее одинокий голос попросту накрыло дружной и напористой волной, которая мгновенно схлынула, унося все звуки с собой.

«Захочешь спрятаться — и не получится, — подумала Кристина. — Конечно же, она знает обо мне и Антоне. Не стоит удивляться. Я даже ничего не успела сказать ей в ответ».

Антон был занят изучением стеклянного домика. Он поворачивал его

в руках как некий артефакт, который необходимо исследовать, потому что он вдруг сделался необычайно современным и жизненно необходимым. В этом движении обнажалась какая-то магия ночи, неоправданных, почти детских ожиданий. Большой кубик Рубика. Волшебный кристалл. Загадочная головоломка. Правильно ее собрать уже большое дело на пути к душевному спокойствию и общей устроенности.

«Нам, наверное, надо собрать пресс-конференцию, как это принято, чтобы положить конец многочисленным слухам», — сказал Антон и улыбнулся.

«Мне кажется, что Галка уже сделала это за нас», — вздохнула Кристина.

Когда позвонила Юля Полева, Антон не сразу сообразил, кто это. Просто не ожидал ее звонка и даже забыл о ее существовании, как если бы недавняя встреча с ней отстояла от сегодняшнего дня или теперь уже ночи ровно на столько же лет, что и их школьные посиделки в мастерской художника под крышей с видом на вытянувшиеся к небу карандаши тополей. Столько всего с тех пор произошло. Он и ответил поначалу на неопознанный голос, радостно зачитавший ему поздравления, как-то скванно, примериваясь на всякий случай на «вы», чтобы избежать ошибки, и только когда Юля, что-то заподозрив, мягко и с той же степенью неуверенности спросила его: «Ты меня не узнал?», он с облегчением ответил:

«Да, конечно, узнал».

«Может быть, я не вовремя? Ты не спишь?»

«Нет, тут уснуть не получится, гулянка всюю».

За стеной развязно пел телевизор, за окном не утихали соревнования по стрельбе. Кристина вопросительно вскинула брови: кто на этот раз? Антон прошептал: «Вместе в школе учились».

«Я тебе еще хотела напомнить про встречу одноклассников, помнишь, мы говорили?»

«Как же я могу забыть...»

«Ну так вот, тут родилась такая идея: а что если мы встретимся в эти дни, когда у всех новогодние каникулы? Это же больше недели свободной. В принципе, все в сборе...»

Она принялась перечислять фамилии тех, кто приехал навестить своих родных из других городов. По ее словам, все складывалось как нельзя лучше. Очень удобно, и не надо ждать лета. Летом у всех отпуска, попробуй собрать вместе... Антон почему-то решил, что эта встреча должна состояться когда-то потом, не так скоро. Кажется, Юля сама говорила ему о лете. Или ему так показалось? Он не мог вспомнить.

«А я думал, что летом состоится...»

«Ну так летом можем повторить, если понравится. Будем считать эту встречу за репетицию».

«Думаешь, получится?»

«Я просто уверена в этом!»

Обещать Антон ничего не стал, отделавшись шутливыми замечаниями, из которых можно было заключить, что он, в принципе, не против и не собирается увиливать. Этого вполне хватило для того, чтобы не вызвать подозрений у Юли. Уж если он прежде не очень-то горел желанием увидеться с бывшими одноклассниками, то теперь, по понятным причинам, тем более. Но ведь не станешь же это объяснять Юле...

Он снова берется за шампанское. Кажется, что узорные, синие и оран-

живые, грани бокалов переливаются сказочным волшебством, что в них прячется какая-то тайна, которую надо разгадать, и Антон с Кристиной обязательно сделают это. Ах, как бы хотелось верить, что у них получится!

«За нас!» — произнес Антон с большим чувством, ведь он уже себе пообещал, поверил: да, эта ночь волшебная, потому что означает переход к новой жизни.

«За нас!» — откликнулась на его призыв Кристина.

Они поцеловались, и тут снова зазвонил телефон — на этот раз у нее. На лице Антона досада: «Похоже, что ни конца ни края этому не будет!» Кристина тоже не рада, что их прервали. Однако номер не определился. Она осторожно говорит «алло» и еще на всякий случай повторяет, словно пытаюсь нащупать в незнакомой темноте точку опоры, — в ответ же слышит только шорохи далекой полярной ночи, которые внезапно затихают.

«Наверное, ошиблись», — говорит она.

«Бывает», — с легкостью соглашается он, хотя у него на этот счет есть свои соображения. Но заявленная ночь перемен довольно скоро их гасит и стирает из памяти...

За все то время, что они уже были вместе, Кристине не пришло в голову спросить Антона о той истории со Светой на даче. Что-то ей подсказывало, что делать этого не следует, и она старательно избегала любых намеков или возможностей хоть как-то коснуться этой щекотливой темы. Наверное, она его щадила и берегла свои воспоминания. Она понимала, что история эта неприятная, и не хотела бросать тень на светлый образ, созданный ею. Случилось и случилось, к тому же она чувствовала: у него остался мутный осадок на душе, ему самому было тягостно от последствий, так надо ли снова возвращаться к прошедшему? И вообще это представлялось чем-то неуместным в данных обстоятельствах.

Объясниться попытался он — вышло как-то скованно, неудачно, ни к чему. У Кристины возникло странное ощущение, мгновенно выросшее в убеждение, что это была какая-то старая и чужая история, не имеющая к ним никакого отношения, а вот Антон вдруг решил, что он обязан ответить за кого-то, о ком Кристина даже понятия не имеет, да и неинтересно ей все это. И если бы он знал, какие мысли клубятся у нее в голове, то не стал бы понапрасну заводить об этом речь. Но ничего страшного. Кристина воспользовалась его заминкой — он ведь тщательно выбирал слова, пробуя их на вкус, скорее на уместность, — и закрыла ему пальцем рот: «Кофе будешь?» А потом она закрыла глаза — так ей лучше было видеть. По большому счету, существует только то, что знаешь. А надо ли знать больше того, что можешь вынести?

У нее была своя история, и она, конечно же, понимала, что эта история выстраивается на сознательном отклонении от действительного понимания вещей. Возникшее состояние неопределенности, разумеется, было временным. Ее история допускала и некую толику самообмана — так было спокойнее. Сын оставался с бабушкой. И как это можно назвать? Кристина то ли приходила к ним в гости, то ли возвращалась домой. Ну, правда, как? Кристина не знала и пока что не хотела задумываться.

В том, что Антон решил стать другим человеком — более решительным, энергичным, что ли, — не было обманчивой горделивой позы и пустых обещаний. Он и вправду начал действовать — и даже более чем ощутимо и безоглядно. Перво-наперво употребил в дело часть денег от бабушкиной квартиры; уже настала пора ими как-то распорядиться, и он купил машину. Сам даже не мог понять, как наконец решился. По объяв-

лению, подержанная, с разумным пробегом — «Ниссан Теана». Его прельстили кожаные сиденья в салоне и то, что просторно внутри. Он как бы решил соответствовать какому-то статусу. Вот эта машина ему вполне подходила. Она была наглядна. Автомобиль бизнес-класса. Надо же ему как-то представляться? Такое желание у него неожиданно появилось. А почему он, собственно, должен таиться? Права у него были и раньше. Это был первый шаг к обретению свободы и своего нового «я». Он теперь не зависел от общественного транспорта. Он встряхнулся, вышел из тоскливого оцепенения — так он полагал и так чувствовал. Денег еще оставалось достаточно для размеренной, спокойной жизни. Не копить попусту, ожидая неизвестно чего, откладывая все на потом, а разумно тратить, с расчетом на будущее — вот правильное решение!

Черная, автомат — она сама едет!

Прощайте, списанные из Европы автобусы, старые колхозные «пазики»-гробовозки, а также душегубки-«газели», невыносимые, неудобные, это о них в местных теленовостях однажды сказали: «так полюбившиеся горожанам»... И новые маршрутки, самые последние «газели», улучшенные, подлинный триумф тесной обезьяньей мысли, тоже прощайте! Мне не понять вашего пещерного упоения. Широка моя страна, а ногу поставить некуда, мест на всех не хватает. Много в ней не привольного простора и манящих дальних далей, а необозримой, заброшенной пустоты, вот потому и прижимаются напуганные люди друг к другу, чтобы не выпсть в эту пустоту. Прощай, махновщина общественного транспорта с угрюмыми водами, похожими на бывалых, отсидевших зеков, по какому-то недомыслию теперь пересевших за руль. Прощай, наконец, резиновое ожидание на остановках, — я еду! Я хозяин своего времени, своего передвижения...

Впрочем, радоваться Антону Лепетову пришлось недолго. На городских дорогах царил хаос; создавалось впечатление, что всякий едет, как пожелает, не по правилам, а по понятиям. Антона подрезали справа и слева, перед ним совершали опасные маневры, устраивая аварийные ситуации. Расслабиться было нельзя ни на секунду, вместе с комфортом пришло напряжение и... ожидание. Теперь он стоял в пробках на Заставе и Девичьем выезде, на Московском проспекте и у Петровского сквера. На левый берег не совался, а что ему там делать? Несколько раз прокатил по городу Кристину, и пыл его немного угас. Ну вот сделал, наконец, что-то значимое в своей жизни, купил машину и сам себе удивился. Но что дальше? Куда ему на ней ездить?

Он вспомнил про Седенького. Был такой персонаж в его недавней жизни с Верой. Достаточно в окно глянуть, чтобы увидеть во дворе Седенького, хлопотавшего у своей раздолбанной, выдавшей вида, серой «девятки». Машина выглядела отчаянно старой, достойной прописки на автомобильной свалке; серый цвет в ней скорее подразумевался и, вероятно, когда-то красиво назывался «металлик», или это были всего лишь фантазии о бывлой новизне, на деле же Седенький оказывался обладателем потемневшего от времени корыта в ржавых потеках.

Но хлопотал он над ним усердно, с нескрываемой любовью. Распахивал настежь все двери, открывал капот. Вытряхивал, сушил, протирал. Вся машина в тряпочках, инструментах и каких-то деталях. Или мог долго, и час, и два, сидеть за рулем, уткнувшись сосредоточенным взглядом в приборную доску, как бы читает что-то, изучает — по крайней мере, так казалось из квартиры Антону и Вере.

Имени его они не знали. Он жил в соседнем подъезде. Одет всегда по-спортивному, легко. Приметный седой ежик на голове — вот и готовое прозвище. Сколько Седенькому лет? Поди разбери. Может, и около сорока, а может, уже и пятьдесят. Невысокий, стройный, одинокий — никого рядом с ним ни разу замечено не было. Так же был неясен род его занятий. Но куда-то он все-таки уезжал со двора. С утра выйдет, растелешит свою любимую, а к вечеру соберет, оденет и в путь-дорогу. Недалеко, правда, и ненадолго, до полуночи возвращался, потом медленно вышагивал по двору, словно ожидая кого-то, или звонил по телефону, разговаривал тихо.

Вера предположила, что он отставник. Антон, в принципе, им не интересовался, ему было все равно. Они могли лишь в шутку говорить друг другу, иногда выглядывая в окно: «Как там наш Седенький?» А Седенький был на своем привычном месте...

Или все же Антону было не все равно? Наверное, Седенький раздражал его своей ограниченной последовательностью и однообразием выполняемых операций. Вышел, растелешил прилюдно, одел, уехал. И так месяц за месяцем, год за годом. Да, чем-то задевал его, мозолил глаза... Антон вдруг подумал, что вполне может превратиться в подобную бессмысленную, как он считал, фигуру, если уж оказался за рулем. Будет вот так же копошиться во внутренностях своего «железного коня», вслушиваться в работу его сердца, ставить верный диагноз...

Нет-нет, это невозможно, очнулся он, у него совсем другой случай, даже сравнивать нельзя. Он ведь этой машиной, надо признаться, еще хотел доказать той же Вере, что не пропал, а совсем наоборот... Если бы она его сейчас увидела, какой был бы эффект! Она бы, наверное, глазам своим не поверила! Вот и Веру вспомнил, а следом и мать, одно к одному, как она ему сказала: «На Юле бы лучше женился, все бы не было мне такого позора...» Ну что она знала? И Юля тут совершенно некстати, и ее задумка со встречей одноклассников ни к чему. Она снова ему позвонила, и он не ответил. Упрямство взяло в нем верх. Хватит, не буду больше играть в поддавки, надоело.

Ворох мыслей одолел Антона Лепетова, и он, чтобы развеяться, решил поехать за город, на Ближние сады, в гости к Геннадию Семеновичу, — куда-то же ведь надо проехать? Уже приближаясь с Краснознаменной к правому повороту на садовое товарищество и поглядывая на свежие сугробы на обочинах, Антон подумал, что ему, наверное, больше подошел бы внедорожник или кроссовер. Дорога к даче Геннадия Семеновича и летом-то была не ахти, а что же тогда говорить о зиме? К счастью, путь оказался расчищен трактором. Окружающему Антона безмолвному пейзажу подходили такие слова, как «убранство» и «величие». Он ехал словно через заснеженный лес, пока наконец не уперся в заветные зеленые ворота.

Геннадий Семенович был предупрежден звонком, и визит Антона не стал для него сюрпризом. Сюрпризом для него стал автомобиль, из которого Антон выбирался с основательностью расслабленного владельца, хотя получилось это у него совершенно случайно.

— Ну ты теперь вообще... — развел руками Геннадий Семенович, иронически выпячивая губы. — У меня просто слов нет!

— Да ладно тебе, — поморщился Антон. — Машина не новая, так что...

— Не скажи... Поздравляю!

— Ерунда, — слабо сопротивлялся Антон, хотя, конечно же, был доволен произведенным впечатлением.

Из-за спины Геннадия Семеновича показался знакомый пенсионер-индиго, Владимир Петрович. «Ну вот, все в сборе», — с облегчением подумал Антон, ему как раз этого и хотелось.

— Давненько вас не было видно, — скрипучим голосом поздоровался с ним Владимир Петрович. — Далек от нас живете, теперь, я вижу, полегче вам будет к нам добираться...

Геннадий Семенович распахнул калитку, и они, похрустывая снежком, пошли к дому. Антон обратил внимание на то, что оба дачника были в валенках. И только теперь, глядя им в спину, запоздало сообразил, что на голове у Геннадия Семеновича к тому же красовался какой-то невероятный таежный малахай, а на плечи Владимира Петровича была накинута почти музейная, молодцевато распахнутая бекеша, так что оба походили на добровольных отшельников, охотников-промысловиков или, если не забираться так далеко, а быть попроще, на вышедших в отставку клоунов, доживающих свое в тиши, за городом, а он, значит, Антон, одетый в обыкновенную куртку на синтепоне, привез им, как заслуженным ветеранам, по случаю новогодних каникул подарки от социальной защиты.

Как бы там ни было, а Антон вдруг понял, что эти двое каким-то странным образом стали ему близки, не друзья, конечно, это уже такое понятие, соответствия которому нынче и не отыщешь, он и сам ему не соответствует, но тогда хорошие знакомые, которых хочется видеть, и он уверен, что это взаимно. И он опять подумал, что и представить себе не мог, как заурядный соседский Геннадий Семенович, муж беспутной Риты, окажется тем, с кем можно поделиться многим накопившимся в душе. Наверное, это и есть его, Антона, путь, начало новой дороги в жизни, сопряженное с воодушевлением, и поверить в это было совсем легко.

Знакомые контуры, стены, ступеньки, веранда, стол — словно он домой вернулся, хотя какой уж тут мог быть дом, вот еще глупости, просто он все еще примеривался к своему неожиданному счастью, как бы оттягивал момент полного в него погружения. Он потянул носом сырой и острый воздух нового года и наконец-то расстался со сладковатым пыльным ноябрьским воздухом, который преследовал его в городе до самого конца декабря.

Должно быть, Владимир Петрович уловил его движение, но нашел ему какую-то свою причину. Он задрал голову кверху и вздохнул:

— Как сказал один современный поэт, безумие неба осложняет полет наших птиц.

— Каких птиц, Петрович? — отозвался Геннадий Семенович, на правах хозяина первым входящий в дом. — Самолеты не летают, одни вороны кругом.

— А ты только ворон и знаешь.

— Ну, конечно, — попытался оспорить его Геннадий Семенович, — ты-то у нас военный орнитолог в отставке...

В комнате было натоплено и даже с избытком. Антон уселся на диван и нашел, что обстановка внутри напоминает ему усталую коврами юрту кочевника с некоторыми техническими излишествами в виде телевизора, магнитолы и даже торшера. Все было слишком пестрым и выдавало глазу намного больше вещей, чем было на самом деле.

— Чаю или чего покрепче? — предложил Геннадий Семенович.

— Я же за рулем, так что никак, — напомнил ему Антон.

— Теперь законная отговорка у вас появилась, удобная штука против особо настойчивых, — улыбнулся Владимир Петрович, и когда Геннадий Семенович поставил на стол чай с вареньем и сушками, продолжил: — А позвольте спросить, как обстоят дела ваши семейные, наладились? Я не из праздного любопытства интересуюсь, уж вы меня простите...

— Да сейчас уже, кажется, наладились.

Антон решил не посвящать их в свои дела. Зачем? Кристину они все равно не знают, да и вообще — ни к чему это... Начнутся расспросы, он будет объясняться, а потом еще, кто знает, придется и оправдываться, защищаться или, наоборот, принимать поздравления, от которых станет совсем неловко. Нет-нет, это, конечно же, лишнее. Геннадий Семенович и так узнает когда-нибудь, да вот когда домой вернется, вполне возможно, что от Риты своей и услышит новость — ну как тут скроешь? Время взламывает любые секреты, слово за слово: «а что-то твоего давно не видно?», и Вера откроется любопытной соседке, сама же и поделится с ней частичкой яда, и услышит в ответ: «Он мне, честно сказать, никогда не нравился, скользкий он всегда какой-то...»

— Это хорошо, — сказал Владимир Петрович. — Плохо, когда человек не определился в жизни и нет в нем постоянства. Так и слоняется он не пришей-пристебай, все какую-то новую жизнь наладить пытается, и все бесполезно. А то бывает еще, что семья есть, устраивать уже ничего не надо, казалось бы, живи нормально и радуйся, так нет же, словно шлея под хвост попадет, и кидается вдруг мужик на поиски, свою дурь улажая...

«А потом Геннадий Семенович поделится новостью со своим соседом по даче и лишит образованного пенсионера иллюзий на мой счет», — подумал Антон.

— И вот эта блажь его манит и путает. Целую кучу ошибок наделает, прежде чем домой вернется, пока не поймет, что там, где его семья, ему и дом. Счастье-то живет рядом, только глаза разуй... А вообще я хочу сказать, что всегда найдется чему огорчаться помимо собственной жизни.

— Какую проповедь ты прочитал! — вмешался Геннадий Семенович, подмигивая Антону.

— Проповедь не проповедь, а я дело говорю, — возразил Владимир Петрович. — Нас ведь сейчас как учат: самая высшая цель в жизни — иметь много денег и быть здоровым, а все остальное не имеет никакого значения.

— Ну, может, и правильно учат? — предположил Геннадий Семенович; по его улыбке можно было понять, что он хочет повеселиться. — И где это так учат? В школе?

— Ты как будто телевизор не смотришь.

— Да вот только вчера лыжи с тобой смотрели.

— Это хорошо, что хоть лыжи показывают. Не шоу же эти idiotские глядеть? Или за косолапый российский футбол болеть? Слава богу закончился, зима его прикрыла. Просто ужас с этим футболом — такую бордель развели! Мне за ним следить и переживать за него стыдно. Нет уж, лучше лыжи, а не какую-нибудь говорильню... А то ведь посмотришь иной раз, соберутся в студии такие светила, ну, думаешь, сейчас всю тьму наконец-то рассеют, и вот начинают ла-ла-ла да ла-ла-ла, и все впустую. И слишком заметно по лицам их и взглядам, по всем движениям и повадкам, как им тяжело казаться людьми, ну просто не по себе, с натугой да-

ется, ненавидят же друг друга, еле сдерживаются, потому и улыбаются так судорожно и ненатурально...

— Да не кручинься ты так, старик, — снова пошутил Геннадий Семенович, — нашел себе проблему.

— Так ведь это не только моя проблема, на самом деле, — заметил Владимир Петрович. — Живем в тесноте и обиде, и все кто-то нам виноват. У нас ведь вместо необъятных просторов пустота. А теперь и в головах, чтобы сквозняком продувало, так ведь удобнее — что угодно может залететь.

«Вот оно как!» — удивленно подумал Антон, ожидая ответной реакции Геннадия Семеновича.

— Что, например?

— Так я же говорю: что угодно! — заявил Владимир Петрович даже с некоторым жаром, адресуясь еще и в сторону Антона. — Русские люди очень просты в употреблении, всему, что хочешь, поверят. Вот помните, как нам в новостях по телевизору долбили про магию цифр? По всем телеканалам трубили, что если зарегистрировать брак в определенную дату, такую, чтобы цифры повторялись, ну, скажем, 01.01.01 или недавняя 12.12.12, то необычайно крепким будет этот супружеский союз, и счастье превеликое нахлынет. И сколько было желающих сочетаться браком, помните? Огромные очереди желающих у загсов показывали, ведь загода надо было побеспокоиться, чтобы на эту самую счастливую дату попасть. А знаете, чем потом это закончилось?

— Чем? — наконец-то подключился к разговору Антон.

— А тем, что значительная часть этих счастливцев, больше половины, развелась. Есть статистика на этот счет: процент разводов намного больше, чем для браков, заключенных в обычные дни.

— Ну и что это доказывает? — спросил Геннадий Семенович.

— Да, наверное, равным счетом ничего, — ответил Владимир Петрович. — Если только не говорит о степени внушаемости и податливости населения. Ну и о глупости, конечно. Счастье ведь ни от каких дат не зависит, оно случайно, а значит, закономерно. Любая страсть ущербна, потому что недолговечна.

— Какие, однако, выводы... Тебя послушать, так вообще ничего хорошего вокруг нет.

— Ну как же нет? Вот же вчера буквально мы с тобой видели сюжет в новостях о том, как в Москве снова что-то улучшили, чтобы комфортнее стало москвичам и гостям столицы. И так уже хорошо, дальше некуда, а они каждый день все лучше и лучше умудряются делать. Уже все европейские и мировые столицы обогнали, да что там, Марс с Венерой далеко позади остались. Ну как тут не порадоваться! Москва похорошела просто до безобразия.

— И еще хорошеть будет, — на всякий случай добавил Антон; он понимал, что присутствует при разговоре или споре, который начался до его появления, и, чтобы направить разговор в другое русло, спросил у пенсионера-индиго:

— А у вас что нового?

— Да что может быть нового в моем возрасте, разве что болезни... Я тут недавно занедужил, в поликлинику пришлось идти, вернее, поехать. Прихожу, а там чучмек какой-то в кабинете сидит из бывших, значит, республик. Прежний врач — женщина у нас была — уволилась, вот тебе сюрпризы и переживания. Ну он и прописал мне такие лекарства силь-

ные, что сдаться враг, замри и ляг. Я дня три потерпел, а потом думаю: нет, так дело не пойдет — и голова лопнет, и желудок откажет. Раскопки произвел дома и нашел все же какие-то порошки, с чаем выпил, пропел и разом к жизни вернулся.

— Травами надо лечиться, а не этой химией, которой нас пичкают, — сказал Геннадий Семенович. — Сборы специальные есть — на все случаи, ото всех болячек. Зверобой, чабрец...

— Это ты не в ту степь погнал, — перебил его Владимир Петрович. — Я от твоего зверобоя и чабреца совсем загнусь. Чтобы этими травами лечиться, нужно богатырское здоровье иметь. Так что уж лучше я старыми методами обойдусь, таблетками.

— Я просто хотел...

— Ладно. Сидишь, грибы развесил. Дай-ка мне лучше программу, посмотрим, что нам по телевизору показывают.

Геннадий Семенович привстал и потянулся к дальнему концу стола за газетой.

— Ага, мартышка у меня есть, — сказал Владимир Петрович и похлопал себя по бокам. — А вот где мои очки, хотелось бы мне знать?

На этот раз Геннадий Семенович встал и прошел в угол комнаты, чтобы вернуться обратно с футляром:

— Вчера забыл.

— Надо же, и не хватился, — пробормотал себе под нос Владимир Петрович и принялся шуршать газетой. — А ничего, подходящего нам, тут и нет, сплошная говорильня с криками. — Он сложил очки и вздохнул. — Ну и что же тогда мне с вами делать... Разве что рассказать историю из жизни?

— Сколько у тебя этих историй, Петрович, — сказал Геннадий Семенович. — Опять учить будешь?

— Поучиться всегда полезно. Если не учиться, можно неправильную картину мира себе сложить, а тогда всякое может приключиться. У нас хлеба выйдешь купить и запросто домой можешь не вернуться — уже история... Вот я жил раньше в городе, покуда сюда не сбежал, и мучился. Поводов для раздражения хватало, и все они были в людях...

— Может, я музыку включу, чтобы фоном? — предложил Геннадий Семенович. — А то на собрание какое-то похоже.

— Да включай, конечно, ты же хозяин, это мы у тебя в гостях, верно? — Владимир Петрович повернулся к Антону, и тот кивнул в ответ. — Можешь и телевизор включить.

— Нет, мне радио будет достаточно. Чтобы не насухую.

— Давай не насухую, я не против, но только чисто символически, одним звуковым оформлением... Нашел? Ага, самое то, что-то вроде оркестра Поля Мориа или Джеймса Ласта. Можешь оставить... Ну так вот, квартира у меня в обыкновенном девятиэтажном доме. Я бы там и дальше жил, если бы не обстоятельство. Как остался один, так сразу увидел многое такое, чего и не хотелось бы, словом, все окружающее меня несовершенство открылось. В подъезде постоянно накурено, прямо дым коромыслом, а никого вроде нет, словно вот только что начадили и убежали, так что едва выйдешь из квартиры, сам поневоле чертометом во двор вылетишь. А там какие-то забулдыги приспособились на лавочке свое пустое время проводить. Тут же рядом асфальт, разрытый в месте прорыва трубы с горячей водой, — каждый год в одном и том же месте пар поднимается от «незаживающей раны»; сделать никогда не сделают, будут веч-

но подлатывать. Еще пахучая мусорка недалеко как раз для соответствия. Ну и всякое такое по мелочам, но шумное очень, без удержу, почти круглосуточное — пейзаж поселковый, раздерганный... Однако же хочется, чтобы порядок был, какая-никакая чистота и некое подобие налаженной жизни, — не на свалке все же живем? На нашем этаже порядок такой: днем и ночью горит лампочка, во всем подъезде так. Солнечного света со двора не хватает, зато пенсионеров в достатке, зрение уже не то, возраст, а в углах только тени. От непрерывной работы лампочка часто перегорает, приходится ее менять. Как-то раньше это не было особой проблемой, по крайней мере, так явно не проступало, но вот вдруг заметил, вернее, услышал, как соседки между собой обсуждают, чья очередь менять перегоревшую лампочку, и по их словам выходит, что уже давно это должен сделать я, а то ведь они уже замучались ее менять, но от меня ведь разве дождешься... Пока я поднялся по лестнице на третий этаж, они уже разошлись по своим квартирам.

— Увлечательная история, — заметил Геннадий Семенович.

— Ты погоди смеяться, — сказал Владимир Петрович и отхлебнул остывшего чаю. — Скоро не до смеху будет.

— Уже.

— Хорошо, проехали, слушай дальше... Голову поднял: действительно, лампочка перегорела. Лето, солнечный полдень. Ладно, думаю, потом схожу, чтобы они, бедные-несчастные, без света искусственного не остались. Мне-то, вообще, все равно, я по ночам не шляюсь. Правда, только на следующий день удалось мне лампочку им вкрутить. Проходит еще какое-то время, не знаю, месяц или два, опять лампочка на нашем этаже перегорает. Снова мне выпадает так, что я уже из открытого окна на кухню слышу, как внизу, у подъезда, меня обсуждают. К этим двум бабам присоединилась третья, еще одна соседка, последняя с нашей площадки, недавно пополнившая ряды пенсионеров, ростом в полтора метра, в очках, всегда очень бойкая и говорливая. Она с готовностью подхватила тему: «Я тоже меняю лампочки. Ну не могу же я это постоянно делать? Почему только мы одни?» Вижу, тут уже партия нового типа образовалась, и им есть кого обличать. Неприятно, конечно, с таким столкнуться, ну, думаю, хрен с вами, будет вам еще одна лампочка, а не то вы с ума сойдете. Это осенью было дело, а зимой все просто до неприличия повторяется. Вечером как-то в окно выглянул, а там целый консилиум: две женщины из нашего подъезда, два парня из соседнего и соседка моя, полтора метра в лупах — уличная лампа прямо у меня над окном укреплена, хорошо их освещает. Они вроде бы что-то обсуждают, парни ломиками взмахивают, колют лед на тротуаре и посмеиваются. Эта, которая в лупах, руки разводит и что-то горячо доказывает, как бы отчитывает. Интересно мне стало, о чем там спор? Окно приоткрыл на морозный воздух и услышал: «Ну это безобразие, конечно!» — «А ему наплевать! Я одна должна заботиться, чтобы у нас на этаже свет горел?»

Вот это да: пошла волна, значит, когда я лампочки вкручивал, они этого не замечали, это как бы не считалось, они, наверное, одна на другую подумали, но только не на меня, какие же молодцы, а я так и остаюсь врагом... И тут я не выдержал, оделся скоренько и вниз спустился. Что вы меня тут полощите, говорю, только вы одна у нас лампочки вкручиваете, больше некому, интересно бы посмотреть, как вам это удастся, как вы подпрыгиваете, чтобы до потолка достать, или на табуретку становитесь? — в таком вот духе... Она все свои четыре глаза на меня вылуши-

ла, вроде как удивленная и оскорбленная интеллигентная хабалка. А я продолжил, пока она не опомнилась, больше, говорю, ни одной лампочки не вкручу, надоела мне эта канитель — развернулся и домой пошел.

— И все? — разочарованно спросил Геннадий Семенович.

— Какой там все! — покривился Владимир Петрович. — После моего выпада она здороваться со мной перестала, то есть если встретимся на лестнице, глаза в сторону отведет и голову опустит. Ну и ладно, мне-то что... Вот и зима прошла, весна наступила, лампочка снова перегорела, уже и не помню, чья — моя, ее или еще кого. На лестнице с ней днем столкнулся, она мимо меня, на стену с электрощитом взглянула и прошептала: «Снова не горит». Головой качнула — вроде как чудная. Я дальше вниз, она к себе домой. А через неделю выносят ее из квартиры на носилках — инсульт. Курткой накрыта, руки поверх куртки, а в руках лампочка зажата — пальцы хотели ей разжать, а она уперлась и ни в какую не отпускает... Вот такой печальный финал у этой бытовой истории.

— Да, — вздохнул Геннадий Семенович, — довел ты бедную женщину...

— Как же я довел... Она сама себя довела. Бывают такие додельные и целеустремленные натуры. Жизнь, конечно, заставляет быть грубым, но все же и разум надо иметь. А у нее его не было.

— Так она умерла? — поинтересовался Антон.

— Вот еще... Это еще не драма, а трагикомедия, драма еще впереди будет... Жива, наверное, такие так просто не убераются. Я же потом сюда перебрался, так что сейчас не знаю. А тогда видел живой, поправилась, притихла... Но это так все, хроники пустоты, это я вам для затравки рассказал, а вот теперь настоящая история будет...

— Как — еще одна? — спросил Геннадий Семенович.

— А может, и не одна... Шучу. Если только потом последняя, решающая. — Пенсионер-индиго прокашлялся и приступил к делу: — Остановка у нас в людном месте располагается. Выйдешь из маршрутки, сразу на вереницу киосков натыкаешься: цветы, бургеры, кофе, пресса, свежая выпечка, аптека и прочее. Тут же рядом супермаркет «Пятью пять» и мини-рынок, разросшийся до рынка. Тесная торговля не удержалась в его границах, распозлзлась по улице, и стало еще теснее. На праздники так вообще только боком можно до дома добраться. Понаставят своих кибинок — не пройти. Новый год и Пасха — самые ударные для торговли праздники. Пасха к тому же и самый длинный. Чуть ли не за месяц до нее открывается на остановке... кладбище. Вся улица с промежутками заставлена бумажными и пластмассовыми цветами самых ядовитых оттенков, а еще гробничками и разной похоронной утварью. Даже готовые памятники имеются, только имя впиши и дату поставь. «Праздник к нам приходит!» Такие вот традиции. Как будто мы все уже умерли. Ну так и есть, наверное. Какая это жизнь? Это уже жизнь вечная... Я вдруг увидел: стоят мертвые продавцы, которые предлагают другим мертвым свой товар. Какая мертвая красота! Эти же продавцы до этого торговали условно живыми цветами к 8 марта. И увидел я, что всякая тварь живая выгоду ищет, хочет как-то выручиться и свою копейку заработать. Пасха — светлый праздник... торговли. Толчея невероятная, какое-то напряжение надо всем этим действием висит, так что поневоле подумаешь: что-то может случиться. И ведь случилось, но не на Пасху, а на Рождество.

Тут Владимир Петрович сделал паузу, снова отхлебнув чаю. По радио звучала какая-то элегическая песня на португальском; завораживающая меланхолия звуков приятно обволакивала.

— На последнем этапе в нашем подвезде проживали алкоголики — молодая пропащая пара. В квартире, оставшейся от таких же закоренелых пьянчуг, была прописана девка, она и привела к себе парня под статью, только она была пропащая безответная, а он пропащий агрессивный — как напьется, так сразу злоба какая-то в нем просыпается, начинает ненавидеть всех и вся, и ей, конечно же, достается. И вот как-то на Рождество решили они на дому гулянку устроить. Пригласили случайных собутыльников, чтобы отпраздновать в компании. В общем, гудели там, но сдержанно, без эксцессов. А ночью что-то пошло не так. То ли перебрали, то ли бабу какую-то не поделили, вспыхнула ссора, и одного из гостей в драке убили — пробили ему бутылкой голову. Что дальше? Надо как-то от тела избавиться, и решили его вынести во двор на мусорку. Так и сделали уже под утро. На улице еще темно, безлюдно. Прямо у баков мусорных бросили труп, присыпали его свежеснеженным снегом и ушли. Но неудачно у них это получилось — то ли не протрезвели еще, то ли слишком спешили. Небо уже посерело, до рассвета недалеко. Со службы в церкви по случаю Рождества возвращались старушки с лампадками в руках. И вот видят они, что впереди по дороге огоньки какие-то светятся, ну, как бы им навстречу, а они-то ведь благости преисполнены. Подошли поближе и ахнули: труп, засыпанный снегом, лежит, и у него ноги тлеют. Оказывается, ему ноги подожгли перед уходом, чтобы он сгорел, снега им не хватило, чтобы полностью его скрыть.

— И чем же эти ужасы закончились? — спросил Геннадий Семенович.

— Никуда они не скрылись, поймали всех. Девка одна осталась, а его посадили. Такое вот вышло у нас Рождество.

— А ты откуда про это все знаешь? Сам видел?

— Вот балбес. При чем тут «видел»... Мне потом рассказали, полицию же вызвали, свидетели были. Я ночью спал, ничего не слышал. У меня окна на улицу, а не во двор.

— Это же готовый рассказ! — воскликнул Геннадий Семенович. — Не заурядная криминальная хроника. Тебе бы рассказы сочинять, Петрович!

— Мне ничего сочинять не надо, мне такое в голову не придет, за меня жизнь сочиняет. Да и где найти таких писателей, чтобы это описали? Где вы, мастера художественного слова? С кем? Никого не осталось. Остались только хохмачи да фейсбучное скудоумие с косноязычием.

Антон и Геннадий Семенович недоуменно переглянулись.

— Что так смотрите? Удивляетесь? Думаете, если я старше, так только прошлым и живу? Интересуюсь помаленьку, не такой уж я отсталый... Вот радио раньше было, так это было радио, а теперь оно тоже есть, но его как бы и нет, оно первым сдохло. Телевидение дольше продержалось, но все равно, считай, его уже нет, на ладан дышит. Только Интернет теперь и есть: там тебе и радио, и телевидение, и все, что ни захочешь... Наступили совсем другие времена...

И в это время в комнате погас свет.

— Лампочка? — успел спросить Антон.

— Нет, это не лампочка, — в полной темноте сказал Геннадий Семенович.

— Бывает, иногда отключают, — добавил Владимир Петрович, но не договорил: свет так же неожиданно включился. Молчание продлилось недолго; после того как все изучили потолок, пенсионер-индиго взялся за прежнее: — Конечно, хотелось бы благородных помыслов, но даже и они теперь неслыханная роскошь. С благородными помыслами я так в луже

окажусь или яме... Однако вернемся к нашим историям. А вы, я вижу, приуныли?

— Ничего мы не приуныли, — взбодрился Антон.

— История последняя? — недоверчиво хмыкнул Геннадий Семенович; он собрался долить воду в чайник.

— Последняя, железно. Это были гримасы жизни, а теперь будет ее тайна.

— Давай тайну. Я мистику люблю.

— Уж не знаю, будет ли в этой истории мистика. Все началось с совершенной ерунды. Как-то утром, конец лета был, опять же на кухне, бросил случайный взгляд в окно и наткнулся на женщину во дворе. Увидел ее со спины, она отдалялась от меня вдоль соседнего дома по левую сторону — дом этот перпендикулярно к нашему с краю стоит. С двумя сумками в руках — именно сумками, такими вроде холщовыми, как раньше были, или из болоньевой ткани, не с пакетами, как сейчас. Видно, что с продуктами из магазина, затарилась основательно. Нагруженной шла, не спеша. Что меня в ней привлекло? Да ничего, просто случай. Одетая обыкновенно, роста среднего. А тут окно у меня открыто, и слышу внизу, у лавочки, соседки говорят между собой, глядя в ее сторону: «Ох и тяжело же Лиле приходится!» — «И не говори, так намаялась». Потом я отвлекся на свои домашние дела и забыл об этом. Проходит дня два-три, и снова в окно я вижу ее спину...

— Ты как на боевом посту, Петрович, — улыбнулся Геннадий Семенович.

— А как же иначе, — принялся разъяснять пенсионер-индиго, — когда дома, то на кухне большую часть времени проводишь, то еду приготовить, то чайник поставить, то еще что, так у плиты и стоишь, ну, в окно поневоле и выглянешь...

— А там...

— Снова она и снова с двумя сумками.

— Ну и что?

— Да в том-то и дело, что ничего! Теперь уже вроде бы знаешь ее имя и прожоешь взглядом как знакомую. Дело в том, что я так попадал на нее чуть ли не через день. И примерно в одно и то же время она возвращалась из магазина с двумя сумками. Я и подъезд уже приметил, в который она заходила, — третий. И спина у этой Лили такая понурая, что и правда подумаешь, как тяжело ей приходится. Видно же, как плечи и руки опущены. И кому это она там постоянно носит? Какая необходимость? Может, семья большая? Или болеет кто? Сказали же, я слышал: «так намаялась». И вот влезло мне это в голову. А главное: я ведь эту Лилию только со спины видел. И одну. Ни разу никого с ней рядом не было. И захотелось мне ее лицо увидеть. А для того пришлось распорядок свой поменять — специально встал раньше. Завтрак готовил и в окно поглядывал, чтобы не пропустить, когда она из своего подъезда выйдет. День караулю, два — нет ее, не выходит. Даже досадно стало — зря, получается, на кухню толкусь.

— Так понравилась?

— Это ты шпильки свои другим вставляй... Я же говорю, что лица ее не видел.

— А лет ей сколько? — не отступался Геннадий Семенович.

— Моложе меня — это точно, — признался Владимир Петрович. — Но суть-то ведь не в этом.

— Да, — поддержал его Антон, — не перебивай. А дальше что?

— Наконец через неделю она мне попалась. Все с самого начала увидел — как она по ступенькам из подъезда спускалась и по тротуару пошла. И все ближе и ближе ко мне. Одна сумка в руке, вторая, должно быть, внутри нее. Уже осень на дворе, дожди пошли, Лиля в темном плаще. Лицо открытое, прямое. Волосы светлые, средней длины. Сейчас я разгляжу все детали. Я без очков вижу, мне очки только для чтения нужны. А тут прямо пожалел, что бинокля нет или подзорной трубы. Техпомощь неожиданно выехала из-за угла, остановилась для проведения каких-то работ и загородила мне весь обзор. Лиля за ней прошла и исчезла из поля зрения.

— Расстроился, наверное, что упустил? — спросил Геннадий Семенович без всякого ехидства.

— А что мне расстраиваться? — пожал плечами Владимир Петрович. — Она ведь не на Луне живет. Все равно потом увидел ее и разглядел. Да, лет так сорок с небольшим, как мне представилось. Какая-то грусть в лице и даже печаль. Что там у нее дома происходит? С кем она живет? Для чего носит постоянно эти две сумки с продуктами? Не себе же одной?

— Ну и как, узнал?

— Ты погоди, не спеши, вся эта волынка целый год тянулась — и в дождь, и в снег. И это только для меня, с того самого момента, как я ее заметил. Может быть, она годами так ходила по одному и тому же маршруту... И вот однажды я ее больше не увидел — запропала куда-то Лиля. А я что-то забеспокоился: может, случилось с ней что? Как узнать? Не пойдешь же в ее подъезд — у кого спрашивать? Я там никого и не знаю, да и неловко свой интерес проявлять, у нас ведь какие люди — такого про тебя потом насочиняют... Даже у соседок своих не решался спросить, тех самых, от которых про нее услышал. И все же мысль эта меня не отпускала. Помог случай, уже следующим летом: из магазина возвращался и наткнулся у подъезда на своих сплетниц-всезнаек, хотел было, как обычно, пройти мимо и вдруг услышал, как они упомянули про Лилию. Тут и вырвалось у меня: а не знает, мол, куда она подевалась, я ее что-то давно не видел? Они обе переглянулись и уставились на меня с нескрываемым удивлением. «Да вон она», — указала одна рукой в сторону соседнего дома, а другая добавила: «Окно моет». Теперь впору было мне удивляться, — на первом этаже, рядом с первым же подъездом, в проеме окна я увидел незнакомую женщину, которая, высунувшись наружу, старательно протирала тряпкой стекло. Я смутился, кивнул, как бы благодаря за информацию, и поспешно отправился к себе домой... Вот это я лопухнулся, в самом начале этой истории лопухнулся, ее бы и не случилось вовсе, если бы я был внимательнее. Они тогда говорили про свою Лилию, которую я не заметил, а я-то подумал про ту, на которую обратил внимание. Мы просто смотрели по разным сторонам. И ясное дело, что ту женщину с двумя сумками звали вовсе не Лилия. А как ее звать — узнать у меня не получится. Она ведь была для меня как маячок — провожал ее взглядом и встречал в любую погоду. О чем думал? Не знаю. Ни о чем не думал. Наверное, о том, что где-то совсем рядом проходит другая жизнь и есть в ней свои обязанности и заботы. словно ниточка какая-то тянется и связывает все, что ни есть в мире, и ты тоже в этом участвуешь неотделимой частью... Куда же она подевалась, эта Лиля? И была ли она вообще? Может, это я ее себе придумал? Вот где настоящая магия — магия жизни, а

не та, что по телевизору фокусамися. Вот загадка так загадка — никакой Шерлок Холмс не разгадает!

На этом Владимир Петрович закончил свой рассказ. Геннадий Семенович и Антон не проронили ни слова. В наступившей тишине стало особенно отчетливо слышно, как начинает закипать чайник — вода внутри него нехотя заворочалась, забулькала и застучала. Волнение посторонней энергии не пробудило их для дальнейших действий. Антон вздохнул и посмотрел в окно, за которым стало уже совсем темно, и в этой шероховатой, изменчивой темноте пятнами отражались его мысли; на соседних дачах было тихо, где-то еще угадывались проблески света, отдаленно и принужденно лаяли самые брехливые в мире собаки; он видел перед собой исчезнувшую в неизвестности Лилию с двумя сумками и отошедшую в вечность жену пенсионера-индиго, которых никогда не знал, на их фоне проступила сквозящая горечь утраты, и сразу после этих грустных, зыбких образов он вспомнил про Кристину.

Впереди была целая жизнь.

Глава двадцатая

НЕВЕСТА БАЙКЕРА

Ночью случилась оттепель, а с утра подул ветер и образовал такую наледь на тротуаре, что впору было вставать на коньки. Оля Беседина вынужденно скользила по неверной поверхности, тормозила ногами и широко расставляла руки в поисках призрачного равновесия. «Угораздило же меня выбраться в такую погоду», — сетовала она на свое неблагоразумие. И верно, сама виновата: надумала предупредить или даже предостеречь Галку Обойдину. По телефону серьезного разговора не получилось бы, вот и пришлось выйти на улицу в самое неподходящее время. «Ну что же, иди, спасай ее, раз вызвалась, — подбадривала себя Беседина. — Как будто нельзя это было сделать в другой день, а только сегодня». Значит, нельзя. Потому что договорились. В шапке с помпоном, на длинных тонких ногах, она была похожа на девочку-переростка, поздно начавшую заниматься фигурным катанием. Облегчение, которое она испытала в новогоднюю ночь по поводу отношений Галки с Максимом Другановым, было слабостью и быстро улетучилось. Вернулось удивление, а вместе с ним пришло опасение, что Галка ввязалась в плохую историю. Оля опомнилась, теперь надо было сделать так, чтобы опомнилась Галка.

Вот двор, в котором они договорились встретиться. Галка сразу же сказала, что у себя дома она принять Олю не сможет, — мама болеет. А что такого срочного, не подождет? Я за лекарствами в аптеку пойду, так что... Ничего страшного, мне просто надо тебя увидеть и кое-что рассказать.

Двор был заставлен машинами. Посередине сиротливо теснилось что-то похожее на бывшую детскую площадку: старые качели, турник, проржавевшая горка. словно чья-то деятельная поспешная рука взяла и сжала в одну горсть все элементы отжившей конструкции, чтобы дать волю личному автотранспорту, который на положении безусловного хозяина занял все освобожденное пространство. Автомобили стояли и строго в ряд и боком, в соответствии с геометрией дворовых правил и просто лишь бы где-нибудь притулиться. Среди этих механических ломаных линий и зигзагов Оля разглядела Галку, которая бодрым шагом направ-

лялась куда-то в сторону от нее. Вот так: хотела поговорить с ней в нормальной обстановке для ее же блага, а она уходит. Тащилась сюда по гололеду, чтобы пообщаться хотя бы впопыхах, на ходу, и даже так не получается. Пришлось окликнуть.

Галка остановилась и повернула свое недовольное лицо. Озабоченность тут же сменилась улыбкой узнавания, но всего лишь на миг.

— Не дождалась тебя...

— Ну и ладно, — замылась Оля, как бы уговаривая себя.

— Что-то случилось? — предложила начать ей разговор Галка. — Давай по пути, чего время терять, — аптека тут недалеко.

Галка стояла между «Ладой Шевроле» и «Тойотой Камри», сзади Оли тихо спали присыпанные снежком «Рено Логан» и «КИА Соул».

— Да ничего такого не случилось... А может, уже и случилось...

— Мне еще от тебя загадок не хватало, — вздохнула Галка. — Пошли?

Они миновали легендарную «пятерку» из многочисленного семейства «Лада» и «Ниссан Альмеру», а у ее родственника «Кашкая» приостановились.

— Подожди, — сказала Оля.

— Ну что еще? — Галка стала выказывать нетерпение. — Какие-то проблемы?

— Они могут быть... у тебя.

— Ты о чем?

«Да они у тебя уже есть, — подумала Оля, — только ты об этом не догадываешься.. Если сейчас не решусь ей сказать, то когда еще?»

— О твоих отношениях с Максимом...

— Интересно, а тебя это как касается? — в голосе у Галки зазвучало превосходство, но Оля не сдавалась:

— Я его лучше тебя знаю, поэтому я...

— Вот еще, не хочу этого слышать, — сказала Галка и пошла вперед, пробираясь между «Фордом Фокусом» и «Мицубиси Аутлендером».

— Подожди!

Оля обогнула «Субару Форестер» и двинулась за ней следом. Галка с досадой в лице обернулась:

— Так для этого я тебе была нужна? Чтобы я услышала от тебя какие-то гадости и мы с тобой поссорились?

— Какие гадости? — удивилась Оля. — Я тебе ничего такого...

— И слышать ничего не хочу! — прервала ее Галка. — Знаю, что ты можешь мне сказать! Про Свету его? Я угадала? А что мне его Света, тем более что она уже не его? Она сама виновата. Тебе не нравится, что я заняла ее место? — Она снова пошла, теперь уже быстрым шагом, лавируя между «Хендэ Крета», «КИА Рио» и «Шкодой Октавиа». Оля нагнала ее у шестой «Мазды».

— Он ведь просто так с тобой! — воскликнула Оля. — Для забавы! Это еще тот кадр, тебе надо от него подальше держаться...

— Ага! — не сдержалась и Галка. — Вот теперь я тебя поняла: ты мне завидуешь!

— Да чему тут завидовать?

— Конечно, завидуешь. Задела я тебя.

— Чем?

«Опель Астра», «Ниссан Жук» и «Лада Калина» стояли буквой П. Галка и Оля оказались внутри тупика, образованного ими. И было похоже на то, что их разговор тоже зашел в тупик. Что дальше?

— Да тем я тебя задела, что Максим намного лучше твоего придурковатого диджея! — выпалила Галка. — Много ума не надо, чтобы трясти головой!

— А ты меня не обидела, — дрожащим голосом заявила Оля. — Вот насколько не обидела.

— Великий знаток музыки! А что у него своего есть? О чем он вообще думает? Как дальше жить собирается?

— Я не буду отвечать на дурацкие вопросы...

— Как только я правду тебе сказала, так сразу и дурацкие! — продолжила Галка свое словесное наступление и даже физически придвинулась к ней, потому что надо было возвращаться, искать другую дорогу, свободную от ловушек, подстроенных безмерно расплодившимися автомобилями, и Оля соответственно попятилась от нее назад, как бы признавая свое поражение. Однако отступление оказалось временным.

— Никакая это не правда, — тихо, но настойчиво сказала Оля. — Настоящую правду ты от меня сейчас услышишь. — И увидев воспаленное, злое лицо Галки, успела ей сказать, чтобы не оказаться прерванной: — Максим сказал Егору, что он для смеха решил с тобой закрутить, просто чтобы отвлечься!

— Это ты специально придумала, чтобы уколоть меня! — воскликнула Галка. — Вот только сейчас придумала — это же и так понятно! Я ведь тебя обидела с диджеем...

— Галя, очнись! — наконец-то повысила голос Оля. — Неужели ты ничего не видишь и ничего не понимаешь? Мне обидно, что тебя обманывают!

— Ну, конечно! Из лучших побуждений заявила, чтобы мне нагадить!

— Ты меня совсем не слышишь... Максим приходил к Егору в клуб, напился и такое понес про тебя... я даже не могу тебе передать, что он наговорил...

— Так ты обо мне заботишься...

— Ты мне не веришь? Ты мне не веришь...

— А почему я должна тебе верить? С какой стати? Ты ведь хочешь, чтобы у меня ничего не было, да? Стараешься разрушить мои отношения с Максимом?

— Галя, о чем ты говоришь?

— Тебя ведь устраивает, что я живу не своей жизнью, а вашей. Вы к этому привыкли, вас всех это устраивает, вам удобно, чтобы у меня не было своей жизни, ведь так? Зачем она мне? Мне вашей должно быть достаточно!

— Какая нелепость...

— Мне вообще ничего не надо! Как я вообще могу чего-то желать! Замечательно, да?

— Я понимаю, ты сейчас в таком состоянии... Тебя обманули.

— Это ужасно... — подавленно вымолвила Галка.

— Мне так неприятно все это было слышать, — призналась Оля. — Прости меня, что сказала тебе правду, но промолчать я не могла...

— Ужасно, — повторила Галка и, не глядя на нее, прошла мимо. Выбравшись на свободный участок тротуара, она подняла голову, и Оля увидела в ее глазах слезы. — Ужасно, что я не знала тебя так хорошо раньше... И вот теперь, когда у меня дома проблемы, когда у меня мама... И ты мне... — Она шмыгнула носом. — А ведь я считала тебя подругой...

Галка провела рукой по лицу, словно избавляясь от какого-то навязания, и, уже более не задерживаясь ни на секунду, исчезла за раритетной «копейкой», обложенной грудями лежалого грязного снега, а дальше ее закрыли для обзора «Лексус», «Пежо» и «Вольво».

— Я ничего не придумала! — растерянно и запоздало крикнула ей в спину Оля. Домой она возвращалась такой расстроенной, что даже проехала свою остановку. Как все глупо... «У меня ничего не получилось». Она пыталась потом дозвониться до Галки, чтобы еще раз объясниться, но уже другими, более подходящими и верными словами, но ее номер упорно не отвечал.

В то самое время, когда Антон отправился на Ближние сады, чтобы узнать о себе что-то новое, Кристина поехала в центр, чтобы совершить какие-то покупки: перемены в жизни требовали обновления вещей и предметов, годных для строительства нового мира; подразумевались разнообразные мелочи, способные поднять настроение и украсить быт. Что это должно быть и как выглядеть, Кристина и сама не знала. Ей надо было хотя бы присмотреться — желание самое простое и понятное в переломные моменты.

Ее воздушное, переменчивое настроение вмещало в себя целую гамму чувств — от удивительной, не к месту, легкой грусти до беспечного и необъятного душевного подъема, готового в любую секунду прорваться восторгом. День был солнечный, не слишком холодный, людей в маршрутке было немного, имелись даже свободные места, Кристина сидела у окна и безотчетно смотрела на все подряд, что попадалось по ходу движения.

Это случилось на остановке Куцыгина, перед светофором: в автобусе, следовавшем в противоположном направлении, а теперь застрявшем в небольшой пробке, Кристина увидела Веру. Она узнала ее, расстояние было небольшим, она не могла обознаться. Да, это была Вера. Она тоже сидела у окна, но в отличие от Кристины смотрела прямо перед собой, ни на что не отвлекаясь. Кристина могла ее хорошо рассмотреть, у нее было достаточно времени для этого, но она так растерялась от неожиданности, что упустила еще какие-то важные детали, тем не менее, оставив для понимания самое главное: Вера изменилась, она сидела с выстраданной прямоотой и выглядела строго, у нее был черный воротник (куртка? пальто?), и, да-да, она была без шапки, с короткой стрижкой... Автобус уехал, и Кристина, поворачивая ему вслед шею, пыталась вытянуть что-то еще, кроме собственного смущения. А если бы Вера случайно взглянула в ее сторону, что бы тогда было?

Эта встреча, если, конечно, это можно назвать встречей, произвела на Кристину сильное впечатление. И снова погода внутри нее переменилась — она ухудшилась. Вот же не думала Кристина о Vere до этой самой минуты, и вдруг выпал случай, чтобы сразу вернуть много, о чем удобно было не думать. И как она могла забыть?

Ее маршрутка остановилась напротив «Солнечного рая», и Кристина вышла. Кажется, именно этот пассаж она и хотела посетить. Голова шла кругом. Она думала о сюрпризе, который приготовит для Антона, разглядывая витрины, а наткнулась на совсем другой сюрприз... Так что же она хотела купить?

Чтобы перейти улицу Кирова, надо спуститься в подземный переход. Неудобные ступени, много людей. Грязная жижа по краям от нанесенно-

го снега и песка. Инвалид с картонкой у стегы, беззубый, словно пластилиновый рот. Укутанная до неопознания человеческого в ней старушка, бьющая поклоны перед всеми проходящими. Здесь зарождаются все болезни. Так что же я хотела купить? Что мне надо? Чего я хочу?

Ее задела локтем женщина, протискиваясь между смеющимися парнями. Длинный юный меломан в тяжелых наушниках и с повязкой на голове, с обязательным рюкзаком за плечами, успел избежать столкновения. И сразу душно и жарко. Ряды киосков, витрины, призрачный свет подземелья, громкая, усиленная эхом музыка от невидимых, но угадываемых афганцев с гранатой микрофона наперевес.

Вот и Вера куда-то тоже ехала... Как она живет? Она одна? Кристина вдруг испытала чувство вины, и это было странно. И все вокруг тоже было странным. Как это объяснить? Банки с консервами, морковь, утюги, куклы с вытаращенными глазами, заводная сумасшедшая обезьянка, мобильные телефоны и чехлы, яркие обложки журналов, книги... Она прочла название у одной: «Найди себя в этой жизни». И тут же рядом: «Как стать счастливой?». А еще, дальше: запах кофе, лотерейные билеты, батарейки, чей-то кашель, шариковые ручки, блокноты, пластиковый стаканчик под ногами, женские кофты цыганских расцветок на плечиках, мужские трусы и носки, стеклянные банки с медом в ряд и убедительная надпись над ними: «Меду купил — дорогу в аптеку забыл»... Стоп, она что-то пропустила. Однако крючок зацепился и выудил из памяти нечто забытое, но очень важное.

Кристина заторопилась и поднялась из давящей подземной сумятицы на улицу. Вот и «Солнечный рай» перед ней, но теперь он ее не интересуется. Она идет на остановку, чтобы поскорее вернуться домой — на квартиру в Березовую рощу. Она хочет проверить и убедиться.

Она ищет и роется в своих вещах. Их не так много, как хотелось бы. А вот того, что вдруг стало нужно, и нет на месте. Забрала ли она его с собой, когда покинула квартиру Зулусова? Все так неожиданно произошло, впопыхах...

Когда наконец приходит Антон, Кристина близка к отчаянию. Ей самой это удивительно, но вот нашло же на нее... Что это — прихоть, блажь или необходимость? Она умолчала о том, что видела Веру. Ей не до этого. И ему не надо лишний раз напоминать.

— А что ты ищешь, я не пойму? — спрашивает Антон; он видит, что она как-то неоправданно суетится. — Я могу помочь?

— Ерунду ищу, наверное... Хотя, может, и не ерунда это. — Кристина перестает выдвигать ящики шкафа и садится на диван. — Блокнот один, такой желтенький — я там записи делала...

— Какие записи?

— Ну, в общем, это мой дневник, — вздыхает Кристина. — Важные записи.

— Не знаю, — пожимает плечами Антон. — Ты просто не приносила его сюда, наверное... Тут особо искать-то негде, не заблудишься.

— Да, я его просто не взяла с собой.

— Ну, с мамой-то все равно увидишься, тогда...

— Он не у мамы, мой дневник, он там остался.

— Там?

Оба поняли, что имеют в виду. Квартира Зулусова была таким местом, про которое вспоминать не хотелось ни ей, ни ему. Ей, конечно же, в гораздо большей степени, — Антон это понимал.

— Ну так в чем проблема, — проговорил он, стараясь быть рассудительным. — Ключи от квартиры у тебя есть, так что...

— Я? — неожиданно вспыхнула Кристина. — Ну нет, я не могу туда пойти. Это для меня слишком.

И снова Антон постарался быть рассудительным и спокойным.

— Хорошо. А так ли этот блокнот нужен?

— Это мой дневник, неужели не понимаешь? Мои мысли, мечты. Часть моей жизни.

Она увидела: он не верит, что это серьезно. «А она, оказывается, может закатить истерику, если ей это понадобится», — подумал Антон.

— Ну, хорошо, завтра вместе съездим.

— Я же сказала: мне противно там находиться!

«Это каприз, — решил он. — Она всего-навсего капризная девчонка».

— Ладно, я один завтра съезжу и возьму этот дневник. Как он выглядит?

— Почему завтра? Чего ждать? Он сейчас мне нужен.

— Сейчас? Ночью?

Он посмотрел на часы: девять — это вообще-то считается за вечер, наверное, ну, не ночь еще. Какая-то глупость — не ожидал такого...

— У меня голова разболелась, я так не усну сегодня...

— Не переживай, сейчас все исправим. Как этот дневник выглядит?

— Блокнот желтого цвета, небольшого размера. — Она неуверенно изобразила нечто руками. — Бабочка на обложке, застежка такая сердечком... замочек.

Бабочка, сердечко, замочек — прямо как у девочки, школьные увлечения и ценности. И страхи такие же, как у девочки.

— Понятно. Где мне его искать? В какой комнате?

— Ты расположение комнат помнишь?

— Смутно, в общих чертах. Не знал, что мне это может пригодиться.

Кристина не уловила иронию в словах Антона. Для нее сейчас главным было достучаться до него.

— Ключи от квартиры я тебе дам. Как войдешь, сразу направо... В этой комнате будет стол у окна, в верхнем ящике увидишь то, что нужно. Он прямо сверху должен лежать...

— Да, дело самое простое.

— Поедешь?

— Непременно. Только чаю мне хотя бы можно выпить? На дорожку? А то я не успел даже поужинать — так ты меня огорошила...

— Ой, что это я... Ну, конечно!

Антон и поел, и выпил чаю, и, чтобы больше не препираться и не тратить время попусту, а то ведь уже и десять часов настало, отправился в путь. Он, правда, успел сказать Кристине в дверях:

— Прямо детектив какой-то...

Антон оставил машину на улице Кардашова — решил пройтись до дома пешком. Ночь была тихой и слабой на какие-либо волнения: один прохожий, свернувший во двор, кошка, неторопливо перешедшая дорогу, и больше ничего — даже странно для центра города. Как будто все вокруг уже заснуло до утра по команде. Для Антона эта история, не стоящая выеденного яйца, совершенно женская история причуд и сумасбродства, представилась случайной прогулкой или легким приключением. Потом можно будет пошутить на эту тему. Надо же, бабочка, сердечко, замочек — как трогательно. Нет, правда, трогательно. А к этому замочку еще

и ключик, наверное, должен быть. Как же без него? Почему-то она про ключик ничего не сказала. Как открыть замочек? Ладно, не мое это дело, мое дело доставить принцессе ларец с драгоценностями, а дальше она сама решит, что с ним делать.

Так рассуждая, он дошел, наконец, до дома. Консьержка в подъезде отсутствовала — это хорошо, на всякий случай. Антон поднялся на лифте до квартиры Зулусова. Дверь открыл на удивление легко, — объяснения Кристины были более сложными. Антон включил свет и осмотрелся — вроде бы ничего такого, что могло бы его насторожить. И чего тут думать: вот дверь в комнату, вот комната, а вот и стол. Открываем верхний ящик и что мы видим? А не видим мы желтенького блокнота, того самого дневника на замочке сердечком. Какие-то открытки, бумаги, скрепки, карандаши... Поворочим их немного, приподнимем — здесь он, бабочка первой оказалась. Да тут и ключик рядом! Все как нельзя лучше, а теперь домой...

Он кладет дневник в карман куртки, закрывает ящик стола, оборачивается и видит перед собой... Зулусова Аркадия Павловича собственной персоной. Для Антона это так неожиданно, что он спотыкается на первом же шаге.

— Вау! — говорит Зулусов и добавляет: — Какие люди!

Звучит с некоторым превосходством, насмешливо. На Аркадии прекрасный, уже виденный Антоном халат с позументом, похожий на восточный, а еще на парадный мундир. В данный момент Зулусова можно принять либо за генерала, либо за вице-губернатора на отдыхе. Почему-то именно тапочки на его ногах убеждают в этом больше всего. Так и кажется, что сейчас спросит: «Нуте-с, каким же образом вы здесь оказались, милостивый сударь?» Однако Зулусов спросил вполне по-приятельски:

— Какими судьбами?

Только теперь Антон сообразил, что видел же в прихожей ботинки и туфли на полу, пальто на вешалке и шапку, но не придал этому никакого значения. Спешил. Да и что бы он мог подумать? Может, это Кристина оставила свои вещи, и не только свои...

Антон не успел ничего ответить: сзади Зулусова послышались шаги, и из-за его спины выглянуло заспанное женское лицо, в котором Антон, к своему удивлению, узнал Лизу Эль Греко. Да, ту самую Лизу Эль Греко из пропавших с телеэкрана, но не из его памяти клипов. Маленькая, курносая, с округлой мордочкой, похожая на розового пупса с боевыми колечками, выглядывавшими из-под кружевного розового пеньюара. На этот раз без томных накладных ресниц, превращавших ее в роковую постельную красавицу. С ней Антону сразу стало как-то спокойнее.

— Аркадий, кто это? — испуганно спросила она.

— Ну-у, — протянул он не без удовольствия, — раньше бы я точно сказал, что это мой друг, а теперь только смею надеяться, что ничего между нами не изменилось... — Он сделал короткую паузу, как бы обдумывая создавшееся положение, и, не давая опомниться Антону, пояснил: — Это не вор, не грабитель. Это Антон Сергеевич Лепетов. Собственно, новый муж, если я, конечно, не ошибаюсь, бывшей моей жены, а если все же ошибаюсь, то, как принято нынче выражаться, ее бойфренд.

— Как интересно, — сказала Лиза Эль Греко и зевнула.

— Да, а мы только сегодня приехали, — сообщил Зулусов Антону, — устали с дороги, глаза, понимаешь ли, сами закрываются, и завалились спать пораньше. А тут вдруг такой сюрприз!

— Это надо непременно отметить, — произнесла вдруг Лиза с неожиданным загадочным и деланным акцентом, приобретенным в обязательном порядке на звездных тусовках.

— Ну, конечно! — спохватился Зулусов. — Конечно, надо отметить! Еще бы не отметить! Когда еще такая встреча состоится и при таких неожиданных обстоятельствах... В общем, шампанского в студию! Да, и чуть не забыл, Антон ведь, между прочим, твой большой поклонник, можно сказать, ценитель твоего творчества. Так что тебя ему представлять не надо. — Он незаметно подмигнул Антону, чем окончательно его смутил и лишил какой-либо возможности сопротивления.

— Мне очень приятно, — все с той же интонацией покровительственной расслабленности проговорила забытая большой эстрадой, задвинутая куда-то в сторону новой попсой Лиза Эль Греко. — Я пойду за бокалами.

— И это прекрасно! — подытожил вдохновленный непонятно по какой причине Зулусов.

Когда они остались одни, Антон, наконец-то, разомкнул губы:

— Похоже на плохую комедию.

Он просто не знал, что еще ему сказать и как вообще себя вести.

— Ну, почему же комедия? — не согласился Зулусов. — Скорее, трагикомедия, если уж на то пошло. Но я бы не спешил с определением жанра этой истории. Да и так ли это сейчас важно?

Антон благодарно решил промолчать, он-то считал, что попался с поличным, других вариантов для него не было, однако Зулусов, должно быть, считал иначе, если уж не задумал какую-то изощренную игру, а потому предложил, будучи законным хозяином:

— Ты бы разделся... Снял бы куртку, и тебе было бы удобнее, и мне.

Антон повиновался, сообразив, что выглядит несколько нелепо.

— А прямо здесь на спинку кресла повесь, — разрешил Зулусов. — Ну вот теперь можно и вздохнуть, а то я поначалу даже не понял, кто это тут у меня в квартире ночью шарит... Со спины-то сразу не разберешь!

Какое-то непомерно радостное возбуждение Зулусова вконец озадачило Антона: «Смеется он надо мной, что ли? Он и правда не видел, что я взял в ящике стола, или просто прикидывается?.. Что ты там затеял, давай, не тяни!»

В комнату вошла Лиза Эль Греко с подносом.

— А вот и шампанское! — возвестил Аркадий. — И даже фрукты имеются!

— Может быть, еще что-нибудь? — предположила Лиза, надув свои пухлые губки.

— В самый раз для легкой и необременительной беседы! — хлопнул в ладоши Аркадий. — Садимся!

— Вам, наверное, надо поговорить? Не буду мешать. А мне надо позвонить подруге, — сообщила Лиза и выверенной походкой статусной модели, вернее, ее уменьшенной, несколько забавной копии на каблуках, покинула друзей ли, недругов-приятелей, или двух мужчин одной и той же женщины.

— Я не буду пить, — тихо сказал Антон; он осторожно сел в кресло, развернутое к Зулусову, за спиной у него топорщилась куртка, ему было неудобно.

— Вот еще, — хмыкнул Аркадий, вольготно развалившись на кушетке у стены. — Нет, ты уж, пожалуйста, выпей со мной. Ты у меня в гостях. Да это просто необходимо!

— Я за рулем.

— Ты за рулем? — удивился Аркадий и потянулся к подносу, стоявшему на полу возле его ног. — Вот это номер... — Он уже шелушил серебристую фольгу на горлышке бутылки и ловко освобождал пробку от проволочной паутины. — Не шутишь?

— Нет, не шучу.

Раздался хлопок с дымным следом. Шипящими пузырьками наполнились бокалы.

— Тут, оказывается, грандиозные изменения произошли, пока меня не было, — сказал Аркадий, протягивая Антону бокал. — Никогда бы не подумал.

Антон помотал головой.

— Я ведь еще никого не видел. Ну, расскажи, что тут нового, — словно не замечая его движения, продолжил Аркадий и вдруг уперся требовательным взглядом. — Да ты хотя бы его просто в руки возьми, не обожжешься, поддержи компанию, мне так будет приятнее!

Антон вздохнул. Теперь он держал в руке нечто такое, что нужно передать кому-то еще, ведь его только на время попросили. Держал, как бы сторонясь, по принуждению. И рассказывал не он, а Зулусов, который всегда был большим мастером трепаться по любому поводу.

— Я-то чего вернулся? Тесно в Москве — вот какая штука! Возможностей много, но каждая собака норовит тебя облаять, а подножку тебе подставить — это самое милое дело для улыбающихся морд... Но это не самое главное... Места, в принципе, всем хватает, если плотно так встать и не высовываться, — дышать свободно тяжело, твоего дыхания свободного никто не заметит и не оценит...

«Какую-то чушь он мне несет, — обеспокоенно подумал Антон. — Дыхание у него свободное... Или напился еще до меня, а сейчас развлекается, как кошка с мышкой... Только приехал, а уже все про меня и Кристину знает...»

— Дома лучше. Здесь много чего такого можно замутить, чтобы потрепсти местные основы, а там и Москва на тебя иначе взглянет. В столице надо вступать на белом коне, в сопровождении обоза, иначе говоря, с багажом. В общем, нужен какой-то скандальчик для триумфального появления, его потом раздуть можно до необходимой степени... Однако, я вижу, ты вяло на мои откровения реагируешь.

Антон видел другое: Зулусов барином развалился перед ним на кушетке, не забывая прикладываться к бутылке, а он терпеливо, как послушный ученик, держит врученный ему бокал, боясь пошевелиться.

— Ну как, нашел, что искал? — внезапно спросил Аркадий, сделав очередной глоток.

— Н-нет... Да, — выдохнул Антон.

Аркадий поморщился, отрыгнул, поставил бокал на пол и протянул руку:

— Покажи.

Антон достал из куртки дневник.

— Что это?

— Я не знаю. Кристина меня попросила...

Аркадий надул губы. Антон так и сидел: в одной руке дневник, в другой бокал, выглядело это несколько комично.

— Я уже бог знает что подумал, — с облегчением сказал Аркадий. — А тут, оказывается, какие-то детские шалости...

Было похоже на то, что он сразу же потерял интерес к желтой тетрадке.

Неожиданно для себя самого Антон выпил шампанского и убрал пустой бокал на стол; у него горло пересохло, теперь напряжение спало, дневник оставался лежать у него на коленях.

— И все же, кто бы мог подумать, что такое получится? — усмехнулся Аркадий. — Чем не сюжет для пьесы? А ведь это жизнь... — Он вздохнул. — Про то, как вы будете жить и выйдет ли у вас что-то, спрашивать не буду, — меня это не интересует. У меня только один вопрос: где сейчас Андрейка? У кого он?

— Кто? — сначала не понял Антон, потом сообразил, и ему стало неловко; он даже покраснел, как будто стал свидетелем чьего-то непростительного промаха. — Ах, да... Насколько я знаю, он у бабушки.

— У бабушки? Это хорошо. Примерно так я и думал. Другого я себе и представить не мог, — подчеркнуто сказал он уже с таким превосходством, что Антон на глазах стирался в пыль и превращался в ничто.

Как раз в эту минуту у него в куртке зазвонил телефон. Аркадий налил шампанского себе, встал, вылил оставшееся в бутылке в бокал Антона и вернулся на кушетку. Тревожная мелодия звонка не умолкала. Аркадий поднял бокал, как бы приглашая Антона, и выпил. Антон молча последовал его примеру.

— Ответ на звонок, — предложил ему Аркадий. — Тебя, наверное, потеряли.

Антон полез было в карман куртки, но телефон уже смолк.

— Она?

— Не знаю.

— А ты посмотри.

Аркадий вытащил из кармана халата пачку сигарет, щелкнул зажигалкой и закурил.

— Можешь даже позвонить, а то ведь волноваться попусту будет.

«Вот привязался», — подумал Антон; он не спешил проверить, чей это звонок, он и так знал, что звонила она, — больше некому было его искать в этот час.

Из-за двери послышался голос Лизы Эль Греко: она звала Зулусова.

— Что? — громко и недовольно переспросил он.

— Подойди на минутку, ты мне нужен.

Он встал, потушил сигарету в пепельнице, затянул пояс на халате и сказал Антону:

— Обязательно позвони, пока меня не будет. Я тебе несколько не мешаю. — Он даже развел руки в стороны. — А как вернусь, продолжим.

Ну уж нет, звонить Кристине Антон не стал — неудобно и не до этого сейчас. В том, что это была именно она, несложно убедиться: на экране смартфона высветился ее номер. Теперь надо как-то выбираться отсюда, и чем скорее, тем лучше. Без суетливых движений и лишнего шума.

Он надел куртку, сунул в карман дневник. Подошел к двери и прислушался: где-то в стороне что-то размеренно бубнил низкий голос Зулусова, ему капризно отвечал высокий и тонкий голос Лизы Эль Греко. Должно быть, они о чем-то спорили.

Антон приоткрыл дверь: это у них через комнату по коридору, расстояние вполне безопасное, так что у него есть шанс уйти по-английски. На цыпочках — заговорщиком, шпионом. И обувь у него соответствующая, мягкая, и не снимал он ее, как знал, что придется улизнуть краду-

чись. За ручку беремась осторожно, в перчатках. Плавный вывих — и вот она, свобода лестничной площадки! Лифтом, с тех пор как он оказался в доме, больше никто не воспользовался — еще лучше! Поехали!

Только оказавшись на улице и глотнув ночного морозного воздуха, он мог сказать себе: мне повезло. Он выполнил задание и избежал преследования. Было уже за полночь — самое время для приключений и прочих сумасбродств.

Однако насчет «повезло» это он поспешил. Он ведь торопился домой. И только теперь вдруг понял, что пьян — немного, правда, совсем чуть-чуть, но все же... А ведь он за рулем. И звонить ему Кристине сейчас не следует, потому что он взбудоражен, — это он сообразил... Однако, как его Зулусов подставил! Хитрюга... И как он ему поддался! Совсем ума нет — будто какой пацан несмышленный... Антон досадовал на себя и свое поведение: «Вот же идиот! Это же надо быть таким идиотом!» И даже несдержанно, пока мчался домой, похлопывал растопыренной ладонью по рулю, пытаясь получить необходимую разрядку.

Улицы были пустынные, поднялся ветер, и дорога впереди змеилась сухой снежной крупой. И никаких тебе стражей порядка в ночном дежурстве. Значит, не попался. Уже почти доехав до дома, Антон вдруг расслабился и слегка ткнулся в столб у магазина. Опомнился, выбрался из машины, чтобы посмотреть на повреждения. Присел перед капотом и убедился: ерунда, бампер слегка помят... Выпрямился и покачнулся еще из-за ветра. Антону было жарко, хотя на улице в ту ночь температура опустилась до минус десяти. Как-то он будет объясняться с Кристиной?

— Ты почему так долго? Что случилось? Я тебе звонила... Почему ты не отвечал?

Это были первые слова, сказанные Кристиной, когда Антон вошел в квартиру. В ее глазах недоумение, тревога и расстройство. Наверное, у него был какой-то взвинченный и помятый вид — ну и виноватый, конечно. Ему надо было что-то говорить, но не о том, разумеется, что он встретил Зулусова. Вот этого точно не стоит делать. Это тогда начнется такая беседа с выяснением всех подробностей, что он не выдержит и сорвется. Достаточно одной правды, а не двух или трех сразу.

— У меня тут авария небольшая приключилась, — сказал он и указал рукой себе за спину, этим жестом как бы пытаясь объяснить сразу все.

— Какая авария? — не поняла Кристина. — Ты выпил, что ли?

Первая неожиданность — первые подозрения. Начнешь оправдываться и сразу запутаешься. Положение идиота — неизбежное для совместной жизни.

— Нет, зачем? — Он неуверенно улыбнулся. — Неудачно припарковался у нашего магазина — спешил к тебе. — Рука снова тянется за спину, чтобы обрисовать картину небольшого происшествия. — Но ничего серьезного — только царапина на бампере.

— И ты так расстроился? — Она пришла ему на помощь. — Сам не пострадал?

— Нет. — Теперь ладонь проехала по голове, фиксируя собственную глуповатость: да, вот таким незадачливым и неказистым я бываю, а ты не знала? — Со мной все в порядке.

Он отвлек ее внимание, у него получилось обратить в игру свою задержку.

— Привез? — спросила она.

— Да, это было несложно.

Он вытащил из кармана дневник.

— Этот?

— Спасибо! — Она поцеловала его в щеку.

— Ценная вещь, — сказал он, раздеваясь.

— Для меня очень, — ответила она, пошла в комнату и вдруг остановилась.

— Что-то не так?

— А ключик... такой маленький. Он в ящике стола рядом лежал. Не забрал?

— Ах, да... — Он хлопнул себя по лбу и начал шарить в карманах куртки: ну, конечно, замочек сердечком, а к нему ключик. — Сейчас мы тебе его предоставим.

— Потерял?

— Не может быть. Помню, что видел его вместе с дневником. Да, рядом с ним. — Уже и ощупывать стал всю куртку, карманы джинсов проверил, едва не вывернул наизнанку, даже под ноги себе посмотрел — а нету нигде заветного ключика!

— Значит, потерял... — вздохнула она.

— Да не может этого быть! — не согласился он.

— Может, в машине оставил?

Расстроенный, что вся эта история никак не может закончиться, он молча посмотрел на нее и тоже вздохнул.

— Ладно, это не столь важно.

— Давай я тебе его мигом открою!

— Как? Ломать будешь?

— Да что тут ломать... ерунда такая...

— Это не ерунда, — тихо, но внушительно сказала она.

— Господи, — неожиданно забеспокоился он, — тут всего-то и надо... любым гвоздем запросто можно открыть или скрепкой...

— Ну уж нет! — неожиданно уперлась она. — Я не хочу, чтобы мне испортили мою память. — Она прижала дневник, блокнот, желтенькую тетрадку к груди, показывая тем самым, что ни в коем случае не пойдет на уступки.

— Я не собираюсь ничего портить, эту проблему легко...

— Никакой проблемы нет.

«Сейчас она еще и ножкой притопнет», — подумал он и спросил:

— Так и останется закрытым?

— Да, так и останется, — уверенно сказала она. — Для меня главное, чтобы он хранился у меня, — этого достаточно.

— Хорошо, — согласился он, но последнее слово оставил все же за собой: — Куда он подевался? Я же, помню, видел его, брал... — И как только сказал это, так тут же и засомневался: а взял ли его на самом деле?

Он пошел в ванную, пустил в раковину воду, долго умывался, офыркиваясь, мыл руки и шею, словно после трудного рейса, ночной смены, тяжелой, изнурительной работы, — хотел очиститься от слов и взглядов Зулусова, от жеманных поз Лизы Эль Греко, чтобы ничего от них в нем не осталось и больше не тяготило его.

Кристина вошла в комнату и в самом углу, у окна, при обособленном и доверительном свете ночника, выделявшем самое значительное и потаенное в пространстве, принялась изучать свой дневник. Она просто сидела у края письменного стола и поворачивала дневник и так, и этак,

оглаживала его поверхность, рассматривала корешок, двумя пальцами бралась за сердечко и взвешивала его на ладони. Она знает, что там, внутри. Она помнит, о чем писала, о чем думала и мечтала. И многое для нее сбылось. Это ее тайна, история не для посторонних глаз. Она ни с кем не собирается делиться ею. Страницы дневника исписаны ее старательным, почти ученическим почерком. Там ее душа, вместители снов и желаний. Ей не надо никакого гвоздика или скрепки, чтобы убедиться в том, что она жила и продолжает жить. Она не будет проверять, какой она была раньше, умной или глупой, и насколько совпадает с собой сегодняшней. Эта тетрадь практически закончена. Она заперта, на ней висит замок, а ключ от него безвозвратно потерян — так и должно было случиться. Наконец, она вернулась к ней, и можно успокоиться. Уже поздно, пора спать.

Кристина встала, посмотрела в окно и выключила ночник.

Вера включила ночник. Желтый конус света ограничивал вмешательство предметов обстановки в ее жизнь, убирал лишнее и обещал сразу главное — взвешенность чувств и настроения, ненавязчиво принуждал к спокойствию. Его-то ей как раз и не хватало.

Были длинные тени по стенам и потолку — они вытягивались от машин с улицы, задерживались, высаживая кого-то, потом сваливались в сторону, бесследно растворялись; иногда от ветра волновались ветки деревьев, и от этих прозрачных колыханий по обоям возникало какое-то тревожное чувство.

Вера перед сном смотрела легкую французскую комедию по телевизору — кино было о женщинах, которым тридцать пять с небольшим. Ей нравилось, как героини справляются со своими проблемами и как легко это у них выходит — что называется, с «французским шармом». В наших фильмах с проблемами не справлялся никто, и все эти фильмы не были легкими, в них постоянно «решали вопросы», и от этого становилось еще тяжелее.

Она вдруг подумала: а если бы я случайно увидела на улице Антона, при том что он меня не заметил, то как бы себя тогда повела? Не подошла бы — это точно. Зачем? В ней выросла непричастность к нему, сложилось и закрепилось отделение. Все уже разрушено, и ни о каком восстановлении не может быть и речи.

Она и по улице теперь шла такой вот отделенной и непричастной ни к чему — словно заперлась в своей женской сущности и не собиралась выбираться наружу, чтобы открыться. Она даже знала, что другим это заметно по выражению ее лица. Ее одиночество легко вычислить.

«Кто крайний?» — слышала она за спиной неприятный женский голос и вздрогнула. «Какую цену ваши помидоры?» — пытка продолжилась. Нет, это невозможно слушать. Вера вышла из очереди. А за чем стояла? Не смогла вспомнить. Вот так поневоле подумаешь, что жизнь — это такая клиника для душевнобольных, из которой нет выхода, а можно только как-то приспособиться к ней, чтобы совсем не пропасть.

Лида Камнепад на нее не обиделась, она ведь хотела как лучше... Не получилось. «Упрямая ты, как не знаю кто... — сказала Лида. — Хватит, я тебе счастья искать не буду, сама себе сложишь!» На большее ее не хватило. Разговоры о «женихах» прекратились, и они помирились. Иногда встречались по обыкновению, продолжая мусолить одни и те же привычные темы, и так чтобы быть поближе к прошлому, а не настоящему, но

чаще общались по телефону — удобнее было почесу-то не видеть друг друга, а слышать, так меньше возникала обязанностей.

Звонил из Питера Вадим, обещал приехать. Сторону отца он не принял, во всем поддерживал мать. А Вера уже и не знала, что ей надо делать. Вот есть у нее сын, и что дальше? Дальше она ничего не могла придумать. Она знала только одно: Вадиму надо закончить мореходку. Куда-то дальше загадывать и что-то замышлять — на это у нее сейчас не было сил. Он есть — и этого уже достаточно, она не одна.

Соседка Рита, конечно же, знала, в каком она находится положении, и особым образом торжествовала: чаще к ней лепилась, демонстрируя свое «дружеское» расположение, была таким же особым образом участлива и не упускала случая показать, как хочет ей помочь даже в самой малости — чуть ли не хлеба купить или молока, если что, «все равно мне в магазин идти». Она немного похудела и, может быть, от этого потемнела лицом. Наверное, и в этом она повторяла Веру, и даже в этой своей старательности излишне преуспела, так что стала казаться уже и перенесшей какую-то болезнь, потерпевшей гораздо в большей степени, чем сама Вера, если бы та вдруг надумала признать себя потерпевшей. Однако Вера себя таковой не считала и не думала показывать в себе нечто подобное. И все так же Рита запоминала за ней все ее слова, чтобы потом, при удобном случае, повторить их уже как бы от себя, тем самым подтверждая близость их взглядов, одним словом, беззаветно и беззастенчиво переживала за «подругу». Копировала интонацию ее голоса, но при этом так пережимала, осознанно или не осознанно, что выходило какое-то затаенное страдание с неизбывной, непреходящей болью от перенесенной в недавнем прошлом измены. И если бы Вера, например, просто сказала «мне это платье не нравится», то Рита потом обязательно произнесла бы эту же фразу с таким выражением упадка и потери, что печали хватило бы на весь день и было бы совершенно ясно, кто виноват в том, что именно это платье ей не понравилось. Разумеется, о своей жизни Рита ничего значительного не рассказывала, про Геннадия Семеновича даже не заикалась, так что непонятно было, в каком качестве он для нее существует, в общем, никакими секретами не делилась, настраиваясь исключительно на то, чтобы выведать все секреты у Веры. При всем при том у Риты обнаружилось плюсы: она стала выглядеть привлекательнее, более плавными стали очертания ее фигуры, и уже никак нельзя было назвать ее «сбитенькой» или «дутенькой», — зря, что ли, она старалась, в самом-то деле?

Вера знала, что происходит вокруг нее. Ей обязательно сообщали, чтобы она не отрывалась от сложившейся компании и была в курсе. Так Галка Обойдина, а потом еще и Ира Приставкина рассказали о фиаско, которое постигло Аллу Альховскую после поездки в Финляндию. Ира Приставкина так и выразилась с подлинно театральным драматизмом: «Да там полное фиаско!» Подробностей с каждым новым пересказом прибавлялось: «Он ей всю морду разрисовал!» Уже недалеко было и до душевраздирающей трагедии. Впрочем, ни тому, ни другому участнику этого заурядного бытового происшествия не сочувствовали. Про поддельного «американского сидельца» Игоря Истомина Галка говорила: «Очень хотел быть оригинальным и значимым», а Ира выносила окончательный вердикт «обезображенной» Алле: «Слишком хвостом вертела, за то и получила».

Света от Веры тоже никуда не делась, так они и общались, хотя Вере хотелось от нее каким-нибудь образом отмежеваться. Но на Свету после

перелома ноги и больницы словно что-то нашло, завелась в ней чудинка, и стала она рассеянно-благостной, уже непомерно восторженной просто от наличного состояния жизни, воспринимаемой как удивительное и грандиозное событие.

Веру, не сговариваясь между собой, как бы жалели; во всяком случае, старались быть тактичными и лишней раз не упоминать про Антона и Крестину. Были такими натренированными на сочувствие, что от них тошнило. Обходили опасные, по их мнению, углы в разговоре и делали это как-то топорно, на манер простодушных цензоров, просто вымарывающих неудобные места в тексте многоточиями, а потом «ах!» — что-то случилось, и внезапно поворачивали в нужную сторону. Она их умолчания понимала и оттого еще больше хотела со всеми порвать и куда-нибудь уехать. Но куда она может уехать? Разве что в мечтах?..

Старушка из очереди успела потерянно сказать: «Вот заразы какие!» Вины были все. Жизнь — это хаос, как ни старайся его упорядочить. Однажды он навалится на тебя и раздавит. Кажется, фильм закончился. Обрезанные титры помчались с неотвратимостью рекламной паузы. Тени продолжили с такой же скоростью перемещаться по потолку. А потом возникли другие тени — они пережегались между собой во сне и вызревали пограничными образами.

Вертелась в голове карусель, вертелась и вдруг остановилась.

В начале был голос. И голос был странный. И сон был странный. Не странными бывают сны лишь у тех, кто их не помнит.

— Ты меня не любишь?

— Я тебя не люблю?!

Это стоит повторить несколько раз:

— Я тебя не люблю, я тебя не люблю, я тебя не люблю, я тебя...

— Замолчи!

А между тем два гладкошерстных паразита тихо крались вдоль стены.

— Ты веришь моим словам? Неужели такое возможно?

Вера находилась в мебельном магазине. За прилавком стояла Лида Камнепад. Она давила пальцами на клавиши калькулятора. Была недовольна.

— Лида, что случилось?

— Ничего не случилось... Стихи перевожу с итальянского. Вот послушай:

Знаю — не знаю
Ничего не знаю
Буду знать,
учиться запоминать,
ничего не помнить,
не знать

— Ну, как тебе?

— Не знаю.

Лида что-то недовольно буркнула себе под нос, а потом сказала, что это очень хороший поэт, а ее заставляют переводить поэтессу, которая ей решительно не нравится, потому что «она ангелами засрала небо».

Вере почувствовала себя неловко и захотела выйти из магазина, но на выходе ее едва не сбил с ног мужчина с чемоданом в руке. Он выругался: «Да тут такая же чертовня!» и сплюнул под ноги. Вера испуганно отпрянула. А он выщерился и назвал ее «лядью перекошенной». Она ми-

гом вернулась обратно и вместо Лиды Камнепад увидела Галку Обойдину. Галка в одиночку пыталась сдвинуть с места громоздкий, величественный шкаф, украшенный витиеватым узором. Когда ее усилия ничем не увенчались, она тыльной стороной ладони провела по лбу и сконфуженно улыбнулась Вере.

Вера проснулась и сразу же подумала: «Что-то случится».

Разве ее не предупреждали? Говорили же ей, а она не слушала. Она не хотела этого слышать. Она сопротивлялась и даже посчитала, что ей завидуют и хотят отнять его у нее. Как она могла так ошибаться? Она же ничего не видела, была попросту слепа. Ну, конечно, она любила, и это чувство затмило все на свете. И вот расплата: получай за свою наивность и глупость! Как отвратительно и подло, после такого не хочется жить...

После встречи с Олей Бесединой, закончившейся разладом, Галка Обойдина находилась в каком-то взвинченном состоянии. Все, что Оля рассказала о Максиме Друганове, представлялось ей злой выдумкой, бредом. Она ведь намеренно это сделала, успокаивала себя Галка, хотела мне нагадить. И как это вообще ее задевает, что я с ним встречаюсь? Как ей неймется! Спасти меня хочет? Пусть себя спасает!

Когда подобные вопросы, вроде обязательного защитного рефлекса, закончились, у Галки открылся рассудок, а вместе с ним появились сомнения. Она вынула из таблетки из упаковки и протянула матери стакан с водой. Пощупала у больной лоб и измерила температуру. Кажется, кризис миновал. А вот у нее самой — что у нее происходит на самом деле?

Узнать можно было только одним способом, и она решила позвонить Максиму. Нет-нет, в нем она нисколько не сомневалась, она всего лишь хотела проверить... Это не опасения, это что-то другое, чему нельзя подобрать название. Но когда тебе вот так грубо заявляют, что тебя нагло обманывают и еще намекают на то, что над тобой смеются, то как же поступить в таком случае? Промолчать? Сделать вид, что к тебе это не имеет никакого отношения?

Но она так и не дозвонилась до него. Его номер или был вне доступа, или занят, или не отвечал. Ей предложили записать голосовое сообщение? Нет, это совершенно не тот случай. Это сообщение просто канет в пустоту. К тому же он всегда может увидеть, что я ему несколько раз звонила... Почему он не отвечает? Не хочет со мной говорить?

Она так себя растравила, что после нескольких часов бесплодных ожиданий собралась поехать к нему домой. Она была уверена, что он должен быть вечером дома. Где же еще?

От остановки шла с надеждой и тревогой. Что-то подсказывало ей, что она занимается ерундой. Вот же взвинтила себя до какой-то одури... Сейчас придет к нему, он ее обнимет, и сразу все страхи и сомнения рассеются, как навязчивый кошмар. С бьющимся сердцем она прибавила шагу и уже почти безжалостно навстречу своей судьбе...

Дверь безлюдно была открыта подставленным под нее кирпичом. Должно быть, в одной из квартир кого-то ждали. Галка вошла и поднялась по лестнице. Ей повезло: впереди она услышала голос Максима! Он разговаривал с кем-то по телефону, был оживлен. Она решила ему не мешать, пусть договорит, ее появление будет для него сюрпризом. Еще один этаж, она уже видит его спину. Он задержался, возится с ключами, чтобы войти в квартиру, и теперь она слышит, что он говорит... «Она меня уже достала своей любовью... Существуют же еще такие идиотки, для меня это

прямо открытие... Ну да, конечно... Нет, не думал, мне по фигу... Галка? Просто видеть ее уже не могу... Нет, я на такие эксперименты больше не подписываюсь...»

Она возвращалась, глотая слезы, и ничего не видела вокруг себя.

Сердце упало, замерло и не хотело подниматься. Ну как он мог?

Вечер накрыла ночь. Она заняла все опустевшие улицы, блестела в робком освещении подтаявшим на асфальте снегом, зернилась мокрой спиной дороги.

На улице Моисеева днем производились ремонтные работы. Экскаватору пришлось откусить у дороги порядочный кусок — устраняли образовавшуюся в подземной трубе течь. Продолжение отложили на завтра. Провал огородили предупредительными лентами, намотанными по углам на тонкие штыри. Дыра продолжала тихонько дышать — от горячей воды на дне поднимался пар, который расплзлся по окрестностям туманом.

Галка шла, не зная, что впереди ее ждет опасное место. Она видела только свое разочарование и унижение. Она видела все слова, которые недавно услышала, и снова и снова переставляла их, пытаясь что-то исправить в порядке произнесения, даже в голосе, и перебивала себя горькими вопросами.

В эту ночь в уличном освещении над провалом случился сбой — лампа на столбе, как раз напротив, то загоралась, то гасла.

Галка приблизилась к краю, когда свет погас. Она сделала еще несколько слепых шагов в тумане, споткнулась и, теряя равновесие, попыталась ухватиться за внезапно возникшую перед ней ленту. Но лента опрокинула ее, и она рухнула в темноту, которую нельзя было увидеть...

Это была яма с кипятком, настоящая пропасть, забравшая ее жизнь.

(Окончание следует)

Публикация Екатерины БАЕВОЙ

